К. БАЛЬМОНТЪ.

БѢЛЫЙ ЗОДЧІЙ.

Таинство Четырехъ Свѣтильниковъ.

Кости его—серебро, тѣло его—золотое, волосы—камень лазурь.
Изъ Египетской Книги Волшебствъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ“
1914

Типографія М. М. Стасюлевича,
СПБ. Вас. остр., 5 лин., д. 28.

ЗЛАТЫЯ ВЕДРА.

Пѣніе Влаги—Земля. Первая пѣсня—Огонь. Главная пѣсня есть Воздухъ. Вставная пѣсня есть Солнце. Пѣсня послѣдняя — Небо. Чти пятикратность въ Дождѣ.

Упанишады.

ЗЛАТЫЯ ВЕДРА.

Любя полдневное свѣтило,
Умножь свой день въ полночный часъ,
Златое устреми кормило
Межь милліоновъ звѣздныхъ глазъ.
  Овѣйся пылью метеоровъ,
  Забудь заботы позади,
  И между многозвѣздныхъ хоровъ
  Свой путь намѣченный веди.
Вкругъ солнцъ, по эллипсамъ продольнымъ
И по законченнымъ кругамъ,
Своимъ взнесеньемъ, летомъ вольнымъ,
Являя многогроздный храмъ, —
  Сверкаютъ помыслы Пространства,
  Самовопросъ, самоотвѣтъ,
  Самосвѣченье постоянства,
  Толпы серебряныхъ планетъ.
Созвѣздно-взвѣшенныя мысли,
Глядятъ въ колодецъ темноты,
На равновѣсномъ коромыслѣ
Златыя ведра льютъ мечты.
  Переплеснуло изобилье,
  Алмазы-грезы чертятъ путь,
  Раскрой звѣздящіяся крылья,
  Вбирай ночную свѣжесть въ грудь.
Осеребривъ свои полеты,
Упейся влагой золотой,
Тебя не спросятъ въ безднахъ: „Ктò ты?“
На праздникъ звѣздъ лети звѣздой.

ИГРА.

Тѣшься. Я игра игромая.
Нить въ станкѣ рукой ведомая.
Ввѣрься. Я игра игранія.
Въ рдяныхъ жорлахъ мигъ сгоранія.
Сѣрый камень взнесъ въ хоромы я.
Желтый тесъ скрѣпляю въ зданіе.
Тесъ — пахучій,
Тотъ — гремучій,
Тесъ — изъ лѣса,
Тотъ — изъ горъ.
Что̀ намъ холодъ!
Живъ нашъ молотъ.
Гдѣ завѣса?
Живъ топоръ.
Камень — пламень
Онѣмѣвшій.
Древо — сѣва
Ходъ зардѣвшій.
Въ жизни — двое,
Въ смерти—два.
Дно — живое,
Синева.
Дно у чаши
Небосводъ.
Жизни наши
Хороводъ.
Дно у чаши
Опрокинь.

Что есть краше
Сна пустынь?
Въ дно у чаши
Загляни.
Мысли наши
Тамъ — огни.
Дно у чаши
Звѣздосводъ.
Жизни наши
Хороводъ.
Вотъ топоръ лежитъ у лѣстницы.
Въ Небѣ ласточки намъ вѣстницы.
Онъ лежитъ спокойно съ молотомъ.
Оживилъ лазурь я золотомъ.
Я загадка. Различай меня.
Я лампадка. Засвѣчай меня.
Я — тяжелый.
Я — какъ пчелы.
Я — движенье
Острія.
Что есть краше?
Небо — наше.
Наше — пѣнье
Бытія.

БУБЕНЧИКИ.

Качается, качается
Бубенчикъ золотой.
Душа моя встрѣчается
Съ давнишнею мечтой.

Какъ будто изначальная
Означилась струя.
Прозрачная, хрустальная,
Поетъ мечта моя.

Бубенчики весенніе
На сказочномъ лугу.
Душа моя все плѣннѣе,
Быть вольнымъ не могу.

Въ неволѣ я сіяющей,
Бубенчики поютъ.
Я тающій, мечтающій,
Въ душѣ одинъ уютъ.

Она въ нѣмомъ цвѣтеніи
Въ играющемъ огнѣ,
И кто-то въ отдаленіи
Родной спѣшитъ ко мнѣ.

Мерцающіе вѣнчики
Мнѣ льютъ медвяный ядъ.
И слышу я, бубенчики
За лѣсомъ тамъ звенятъ.

КУПАЛЬНИЦЫ.

Вамъ первое мѣсто, купальницы,
Въ моемъ первозданномъ саду.
Вы зорь золотыхъ усыпальницы.
Зовете. Глядите. Иду.

Вы малыя солнца болотныя,
Вы свѣчи на свѣжемъ лугу.
Кадила вы нѣжно-дремотныя.
Отъ дѣтства вашъ ликъ берегу.

Чуть глянете, вы уже маните,
Чуть вспыхнете, вами горишь.
Весну возвѣщать не устанете,
Зажжете осеннюю тишь.

Вы дышете, сонъ свой колышете,
Зарю возвращая зарѣ.
И исповѣдь нѣжную слышите,
Что сладко любить въ Сентябрѣ.

УТРО.

Свѣтлый, бодро
Утро встрѣть.
Звонки ведра,—
Въ нихъ не мѣдь.

Въ нихъ не злато,—
Серебро.
Путь возврата—
Лишь въ Добро.

Путь возврата—
Отъ зари
До заката—
Янтари.

Зерна четокъ,
Сѣмена.
Тѣмъ, кто кротокъ,
Жизнь дана.

Въ блескахъ связность
Хрусталей.
Всю алмазность
Щедро лей.

Выливъ людямъ
Полноту,
Мы отбудемъ
За черту.

Изъ иного,—
Взяты сномъ,—
Золотого
Тамъ испьемъ.

И дождями
Бросивъ мостъ,
Будемъ сами
Въ сонмахъ звѣздъ.

АЛТАРЬ.

Разбросала въ глубинностяхъ Неба рука неземного Художника
Это пиршество пламенныхъ зорь, перламутровыхъ зорь и златыхъ,
Изумрудныхъ, опаловыхъ сновъ, и, воздвигши алтарь для всебожника,
Возжигаетъ въ душѣ пѣснопѣнья, и волны слагаются въ стихъ.

Далеко, широко, высоко, далеко, глубоко, въ безконечности,
И таинственно-близко, вотъ тутъ, загорѣлась и свѣтитъ свѣча,
Человѣкъ человѣку шепнулъ, что чрезъ Бога достигнетъ онъ Вѣчности,
Человѣкъ воспріялъ Красоту, и молитва его горяча.

СИРІУСЪ.

Ослѣпительный, какъ Солнце, южный Сиріусъ горитъ,
Правитъ воинствомъ окрестнымъ звѣздъ столпившихся кругомъ.
Я душой слагаю плиты свѣтлоцвѣтныхъ пирамидъ.
Тишь въ ночи, но въ глуби Моря спитъ, до часа, тайный громъ.

И какъ будто въ Океанѣ, тамъ въ глубокой глубинѣ,
Чары таинства свершились, и выходятъ изъ громадъ,
Въ звѣдной свитѣ, Фараоны, чьи вѣнцы горятъ въ огнѣ,
Чьимъ воленьемъ звѣзды Міра о Египтѣ говорятъ.

ВЪ НОЧАХЪ.

Далеко отъ минутныхъ разговоровъ и споровъ,
Я слѣдилъ за теченьемъ хороводныхъ свѣтилъ.
Тамъ, гдѣ храмы возникли лучше нашихъ соборовъ,
Тамъ, гдѣ звѣзды качаетъ въ вѣковѣчности Нилъ.

И казалось мнѣ страннымъ, что живу я на свѣтѣ,
Что я снова и снова въ преходящемъ бреду.
И съ высокаго Неба, въ переплескѣ столѣтій,
Закликали созвѣздья—въ хороводъ свой—звѣзду.

НОЧНЫЯ ВОЛШЕБСТВА.

Я взялъ полумѣсяцы, мѣсяцы, и самыя круглыя луны,
И самый утонченный серпъ, и самый заполненный дискъ,
И въ звоны вложилъ многозвѣздія, и молніи вбросилъ въ буруны,
И вотъ я въ Пустынѣ стою, застывшій въ ночи обелискъ.

Заклятьемъ ночного кудесника взметнулъ я до звѣздъ пѣснопѣнья,
Но брызги напѣвовъ земныхъ едва досягнули до нихъ,
Отъ грани до грани Пустынности дрожитъ звуковое свѣченье,
Но вѣчно, пока человѣкъ, я только оборванный стихъ.

ИЗВИВЪ.

Если гирляндой гремучей
Въ Небѣ ты молніи свяжешь,
Если ты властенъ надъ тучей,
Ты Громовержецъ тогда.

Все же ты, снова и снова,
Намъ никогда не разскажешь,
Есть ли безъ боли живого,
Въ Небѣ златая звѣзда.

ПУСТЫНЯ.

Ни звѣрей, ни змѣй, ни птицъ,
Ни манящихъ глазъ растеній.
Прахъ песчаный безъ границъ,
Облачковъ случайныхъ тѣни.

И ползучій шелестъ-шумъ
Угрожаетъ:—Здѣсь могила.
То—воронкой всталъ самумъ,
То—бѣсовское сверлило.

Лишь верблюжьи черепа,
Знакъ томленій каравана,
Говорятъ, что есть тропа,
Выходъ къ жизни изъ дурмана.

СТЕПНОЙ ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ жгучій и сухой
Налетаетъ отъ Востока.
У него какъ уголь око
Желтый ликъ, весь обликъ злой.
Одѣвается онъ мглой,
Убирается песками,
Издѣвается надъ нами,
Гаситъ Солнце, и съ Луной
Разговоръ ведетъ степной.

Гдѣ-то липа шепчетъ къ липѣ,
Вздрогнетъ въ ладъ узорный кленъ.
Здѣсь просторъ со всѣхъ сторонъ,
На песчаной пересыпи
Только духу внятный звонъ:—
Не былинка до былинки,
А песчинка до песчинки,
Здѣсь растенья не растутъ,
Лишь пески узоръ плетутъ.

Ходитъ вѣтеръ, жжетъ и сушитъ,
Мысли въ жаркой полутьмѣ,
Ходитъ вѣтеръ, мучитъ души,
Тайну будитъ онъ въ умѣ.
Говоритъ о невозвратномъ,
Завлекая за курганъ,

Къ пѣснямъ воли, къ людямъ ратнымъ,
Что раскинули свой станъ
Въ посмѣянье вражьихъ странъ.
Желтоликій, хмуритъ брови,
Закрутилъ воронкой прахъ,
Повѣсть битвы, сказку крови
Ворошитъ въ сѣдыхъ пескахъ.
Льнетъ къ землѣ какъ къ изголовью,
Зноемъ носится въ степи.
Подѣлись своею кровью,
Степь намъ красной окропи!
Вотъ въ песокъ, шуршащій сухо,
Ножъ я, въ замыслѣ моемъ,
Вверхъ втыкаю лезвіемъ.
Ужь уважу злого духа!
Вмѣстѣ пѣсню мы споемъ.
Кто-то мчится, шепчетъ глухо,
Дышетъ жаромъ, и глаза
Норовитъ засыпать прахомъ,
Укусилъ огнемъ и страхомъ,
Развернулся какъ гроза,
Разметался, умалился,
Съ малой горстью праха слился,
Сѣетъ, сѣетъ свой посѣвъ,
Очи—свѣчки, смерчемъ взвился,
Взвизгнулъ, острый ножъ задѣвъ.
И умчался, спѣшный, зыбкій,
Прочь за степи, въ печь свою.
Я-жь смотрю, со злой улыбкой,
Какъ течетъ по лезвію
Кровь, что кровь зажгла мою.

СЕРДЦЕ.

— Сердце капризное, что̀ тебѣ нужно?
Съ міромъ зачѣмъ бы не жить тебѣ дружно?
Хочешь, заря заблеститъ тебѣ ало?
— Нѣтъ, я хочу, чтобъ сіяла жемчужно.
— Хочешь покоя?—Мнѣ этого мало.
— Хочешь, чтобъ ты хоть на мигъ задремало?
— Нѣтъ, чтобы буря раскинулась вьюжно.
— Сердце, твое поведеніе—злое.
— Знаю, но я ужь отъ вѣка такое.

ТАМЪ.

Батюшка шатеръ,
Матушка ладья.
Гей, коня скорѣй,
Будетъ веселѣй,
Отдохнетъ весло.
Хочешь пить, такъ пей,
Въ разумѣ свѣтло.
Зналъ я весь просторъ,
Снова съ вами я,
Матушка ладья,
Батюшка шатеръ.
Порѣшите споръ,
Для житья-бытья.

Небомъ данъ шатеръ,
Влагою—ладья.
Съ Мѣсяцемъ ночнымъ
Дней уходитъ дымъ.
Снова по степямъ,
По горамъ крутымъ.
Счастье тамъ, вонъ тамъ.
Твой маякъ—твой взоръ,
Даль—жена твоя.
Уплывай, ладья,
Догорай, шатеръ.
Батюшка шатеръ,
Матушка ладья.

СДВИГЪ.

Парусъ, вздутый знакъ крыла
Буревѣстника сѣдого.
Море—вольность, суша—зла,
Влага—смѣлыхъ сновъ основа.

Мачта, вкрѣпленный упругъ,
Ликъ упрямаго стремленья.
Глянь на Сѣверъ, глянь на Югъ,
Взявъ стрѣлу, люби пронзенье.

Въ глубь идущее весло,
Брызги съ веселъ, всплескъ веселый.
Мысли кружатся свѣтло,
Какъ надъ лугомъ вешнимъ пчелы.

Лодка, рыбина морей,
Ходкій домъ, безъ связы дома.
Вѣтеръ съ Сѣвера, скорѣй,
То изжито, что̀ знакомо.

Вѣтеръ дружный, поспѣшай,
Отъ усилья вздулись жилы.
Здравствуй, Море, вѣчный Май,
Миръ вамъ, дальнія могилы.

ПРАЗДНИКЪ ЖИЗНИ.

Мой праздникъ Жизни, праздникъ ласки—
Въ году, конечно, высокосномъ.
Я ладаномъ овѣянъ роснымъ,
Родился я въ лазурной сказкѣ.
Я въ нескончаемой завязкѣ
Непостижимостей Судьбы.
Я тотъ, кто шествуетъ безъ маски,
За мной—свершители борьбы,
Мои взнесенья и паденья,
Мой сложный знакъ освобожденья,—
Въ играньи праздничной трубы.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА.

Неужели четверть вѣка
Что-нибудь,
Для такого человѣка,
Предъ которымъ дальній путь!
О, неправда! Это шутка.
Развѣ я работникъ? Нѣтъ!
Я лишь сердцемъ, внѣ разсудка,
Жилъ—какъ птица, какъ поэтъ,
Я по снѣгу первопутка
Разбросалъ, смѣясь, свой слѣдъ.
Я порою тоже строю
Скрѣпы нѣжнаго гнѣзда.
Но всегда лечу мечтою
Въ неизвѣстное Туда.
Все же, милыхъ покидая,
Милыхъ въ сердцѣ я храню,
Сердцемъ имъ не измѣню.
Память—горница златая,
Вѣрь крылатымъ—и Огню!

НА СТАРЫХЪ КАНАТАХЪ.

На старыхъ канатахъ, извѣдавшихъ бурю и брызги соленой волны,
Сижу я, гляжу я, а Солнце нисходитъ на скатахъ своей вышины,
Одѣтое въ пурпуръ, въ свѣтлѣйшій, чѣмъ Тирскій, добытый царямъ, багрянецъ,
Оно поспѣшаетъ, въ разлитіи блесковъ, дать вечеру пышный конецъ.
И темныя мачты, и сѣрый мой парусъ, и слѣдъ по водѣ отъ руля,
Облиты горѣньемъ, въ пожарѣ минуты, торопящей бѣгъ корабля,
По водамъ, покрывшимъ отроги Лемурій, и башни былыхъ Атлантидъ,
Багряное Солнце, въ кипѣніи лавы, въ сверканьи мгновенья, горитъ.

ЧАСТЬЮ-ЧАСТИЦЕЙ.

Частью-частицей морей и вѣтровъ и ночей и разсвѣтовъ
Сталъ я въ вѣтрахъ, вечерахъ, и моряхъ, и разсвѣтахъ, и снахъ.
Сердце у волнъ и у зорь, въ багряницу и въ солнце одѣтыхъ,
Проситъ отвѣтовъ, и бѣлою чайкой мелькаетъ въ волнахъ.

Частью-частицей морей, вечеровъ, и вѣтровъ, и закатовъ
Сталъ я въ моряхъ, и ночахъ, и вѣтрахъ, и закатахъ златыхъ.
Хочется риѳмъ, и созвучій невѣрныхъ, ошибкой богатыхъ,
Взлетовъ и скатовъ, чтобъ лился и бился весь брызжущій стихъ.

ЛИШЬ.

Я съ бакланомъ,
Быстрымъ, чернымъ,
По морямъ лечу.

Я туманомъ,
Безповторнымъ,
Вью уютъ лучу.

И лучами,
И волною,
Я плѣненъ равно.

Лишь очами,
Только мною,
Міру жить дано.

ЛЕТУЧІЯ.

Что̀ пѣнно мелькаетъ
Надъ пѣной волны?
Что̀ тамъ возникаетъ,
Какъ быстрые сны?

Летучія рыбки,
Какъ стаи стрекозъ,
Какъ лепеты скрипки,
Какъ трепеты грезъ.

ДУРМАНЪ.

Въ моемъ саду цвѣтетъ дурманъ,
И амариллисъ-белладонна.
Въ немъ воздухъ странно полупьянъ,
Въ немъ разумъ мыслитъ полусонно.
Поетъ мечтанье многозвонно:—
„Изъ дальнихъ странъ, изъ дальнихъ странъ,
Я къ вамъ пришелъ, цвѣты влюбленья,
Мнѣ новолунней ночью данъ
Мигъ чpraванья, усыпленья,
Здѣсь самый воздухъ точно пѣнье,
И у деревьевъ женскій станъ.
Непрерываемость забвенья!“

ТОНКІЙ БИСЕРЪ.

Тонкій бисеръ капелекъ росистыхъ
На растеньи съ множествомъ кистей.
Въ небесахъ лазурно-свѣже-чистыхъ
Тихій смѣхъ оконченныхъ дождей.

Сердце-уводящая улыбка,
Хризолитъ ликующій разлитъ.
И вдали, за садомъ, чья-то скрипка
О далекихъ-близкихъ говоритъ.

МАГЕЙ-АГАВА.

Я магей восхвалю на гремучемъ тамтамѣ.
Встрепенулся напѣвъ—переклички струя.
Онъ зовется магей—за горами-морями,
И агавою—тамъ, гдѣ отчизна моя.
Каждый листъ—мощный мечъ, и съ двумя остріями,
И съ насѣчкою иглъ на чертѣ острія.
Хищный помыслъ блеснулъ, весь въ иззубренной рамѣ,
То растенье—напѣвъ, а напѣвъ это—Я.

ЛУННЫЙ КЛАДЪ.

Отъ волны къ волнѣ вспѣненной
Перекатный перехватъ.
Вечеръ лунный, тихозвонный,
Въ сердцѣ тайный свѣтитъ кладъ.

Я внимаю наклоненный
Говорливостямъ волны.
Вечеръ, грезой озаренный,
Слышитъ тайну глубины.

Зовъ доходитъ заглушенный,
Въ водныхъ пропастяхъ кургановъ.
Взрывомъ прошлымъ погруженный
Въ безграничный Океанъ.

Многогласный гулъ сплетенный
Въ лунномъ свѣтѣ внятенъ мнѣ.
Отъ потопшихъ—вознесенный,
Отъ глубинныхъ—къ вышинѣ.

ВЪ ОКЕАНѢ.

Солнце опять утонуло въ Океанѣ за влажною далью,
Облака—золотыя твердыни, облачка—острова синевы.

Вспыхнули ризы лазури, расцвѣченною таютъ вуалью,
Головни отгорѣвшихъ пожарищъ, и обрывки горящей травы.

Это сгорѣло полъ-міра, и окуталось въ мантію тлѣнья,
Въ Небесахъ даже смерть по другому,—кто сгорѣлъ, тотъ мгновенно воскресъ.

Пламени Вечери тайной, вся душа въ торжествѣ преломленья,
И дрожатъ проступившія звѣзды, въ вознесеніи синихъ Небесъ.

СО МНОЮ.

Лунно окутанный, Солнцемъ одѣтый,
Вѣрю въ примѣты, и знаю отвѣты.

Звѣздно обвѣнчанный съ бездной ночною,
Всюду присутствую, будь же со мною.

Если ты спросишь мечтой тонкострунной,
Путь покажу тебѣ вольный и лунный.

Если натянешь ты струны сильнѣе,
Путь тебѣ дамъ я лазурнаго змѣя.

Будешь на Сѣверѣ, будешь на Югѣ,
Съ Солнцемъ двусвѣтнымъ, въ законченномъ кругѣ.

Сердцемъ обнимешь росинку и горы,
Будутъ твои всеобъятными взоры.

Будь же со мною, крещу я Луною,
Въ солнечныхъ зоряхъ всѣ тайны открою.

ЖЕМЧУЖИНА.

Посмотри, въ просторахъ матовыхъ потухающей зари
Есть жемчужинка, которая засвѣтилась изнутри.
Это—та лампада вѣчная, неразлучная со мной,
Чтò горитъ звѣздой Вечернею надъ изогнутой Луной.

Ахъ, отъ остраго и нѣжнаго, тонко-бѣлаго Серпа
Къ днямъ минувшимъ означается еле зримая тропа.
Вижу тихую я дѣтскую, лучъ лампады въ пляскѣ сновъ,
И грядущее мерещится—тамъ—какъ нитка жемчуговъ.

ВЪ ДЫМКѢ.

Флейты звукъ, зоревой, голубой,
Такъ по дѣтскому ласково-малый,—
Барабана глухой перебой,—
Звукъ литавръ, торжествующе-алый,—
Сонно-знойные звуки зурны,—
И дремотность баюканій няни,—
Вы во мнѣ, многозвонные сны,
Въ золотистомъ дрожащемъ туманѣ.

ТАЛИСМАНЪ.

Въ сердцѣ дремлетъ талисманъ,
Точно дальній ропотъ Моря,—
Я звѣздою осіянъ,
Я живу съ Судьбой не споря.

Я внимаю каждый часъ
Не словамъ людей случайнымъ,—
Въ сердцѣ слушаю разсказъ,
Гдѣ сіяютъ тайны тайнамъ.

Потому среди людей
Я всегда лучомъ отмѣченъ,—
Полюсъ мыслей и страстей,
Вѣрный въ вѣрномъ, вѣрнымъ встрѣченъ.

НА ГРАНИ.

Я держу себя на грани
Обольстительныхъ безумій,
Въ нѣжно-радужномъ туманѣ,
Между волнъ, въ поющемъ шумѣ.

Въ гулѣ тающихъ веселій,
Бросивъ мысль во власть зарницы,
Я въ лазурной колыбели,
Я въ чертогѣ Райской птицы.

МУЗЫКА.

Когда и правая и лѣвая рука
Чрезъ волшебство поютъ на клавишахъ двуцвѣтныхъ,
И звѣздною росой обрызгана тоска,
И колокольчики журчатъ въ мечтахъ разсвѣтныхъ,—

Тогда священна ты,—ты не одна изъ насъ,
А ты какъ Солнца лучъ въ движеніи тумана,
И голосъ сердца ты, и листьевъ ты разсказъ,
И въ рощѣ дремлющей идущая Діана.

Всего острѣй поетъ въ тебѣ одна струна,
Чрезъ грезу Шумана и зыбкій стонъ Шопена.
Безуміе Луны! И вся ты—какъ Луна,
Когда вскипитъ волна, но падаетъ какъ пѣна.

СТРАСТЬ.

Страстью зачался міръ,
Страсть—въ ясновидѣньи глазъ,
Страсть—въ многозвонности лиръ,
Въ страсти—костеръ для насъ!

Страсть—волшебство слѣпоты,
Не боящейся въ пропасть упасть,
Страсть это ждущая ты,
Славьте слѣпую страсть!

ТОНКІЙ СТЕБЕЛЬ.

Ты вся—воплощенье поющей струны,
И есть въ тебѣ отсвѣтъ Луны,
Ты—звонкая.
Но также ты—тихій смолкающій звонъ,
И мнится, безгрѣшно влюбленъ
Въ ребенка я.

Я тонкое тѣло твое полюбилъ,
Какъ свѣтъ и бряцанье кадилъ,
Взнесенное.
Но жду я, чтобъ, дѣтскость свою потерявъ,
Ты стала—травинка межъ травъ,
Зажженная.

ДѢВУШКѢ.

Тебя я видѣлъ малою травинкой,
Съ тобой игралъ несильный лучъ весны.
Чуть выставясь надъ ослабѣвшей льдинкой,
Тянулась ты, желая вышины.

Тебя я видѣлъ стеблемъ истонченнымъ,
Для блѣдныхъ сновъ сполна ушедшимъ въ ростъ.
Но кубкомъ грезъ, еще не расцвѣченнымъ,
Земной звѣздой была ты между звѣздъ.

И вотъ мечты, какъ въ сонномъ ульѣ пчелы,
Раскроютъ завтра къ Солнцу лепестокъ.
И я увижу нѣжащій, тяжелый,
Склонившійся, желающій цвѣтокъ.

ПЧЕЛЫ НЕ ЗНАЮТЪ.

Пчелы не знаютъ, что люди придутъ,
Что̀ имъ и міръ этотъ весь.
Медъ благовонный, онъ близко, онъ тутъ,
Воскъ свѣтлоцвѣтный, онъ здѣсь.

Въ вѣтрѣ качается ликъ ячменя,
Вздыбился волосъ его.
Духъ его пьяный безумитъ меня,
Онъ же не зналъ ничего.

Вѣтеръ плясалъ для себя самого,
Всюду цвѣтилась пыльца.
Вѣтеръ, онъ знаетъ, я вѣрю въ него,
Жить я хочу безъ конца.

ВЕСЬ КРУГЪ.

Въ первичной свѣтлой влагѣ
Мерцаніе рѣсничекъ,
Невидимыхъ глазамъ.
Въ коврѣ сплетенной ряски
Безчисленность хотѣнья,
Зеленый цвѣтъ огня.

Исполнены отваги
Журчанья раннихъ птичекъ,
Скользящихъ по вѣтвямъ.
И ласковые глазки,
Твои, мое стремленье,
Лампады для меня.

Раскрылось Міозданье,
Тяжелое алоэ,
И лотосы цвѣтутъ.
Плывутъ гиппопотамы,
Летятъ въ лазури птицы,
Веселье безъ конца.

Ты—радость и страданье,
И мы—одно и двое,
Мы сердцемъ—тамъ и тутъ.
Мы выстроили храмы,
И звѣздныя рѣсницы
Къ намъ тянутся въ сердца.

РАДУГА.

Ты встала межь мною и Солнцемъ,
Ты стала моимъ Новолуньемъ,
Я вижу сіяющій призракъ,
Въ глазахъ многозвѣздится сонъ.
Персты въ ослѣпительныхъ кольцахъ,
Въ душѣ перегудныя струны,
Одежды твои словно ризы,
Люблю я, цвѣточно влюбленъ.

Съ тобою весной быть и лѣтомъ,
И въ осени быть многоспѣлой,
А Серпъ загорится ущербный,
Мы вмѣстѣ измѣнимъ мечты.
Хочу я быть бабочкой свѣтлой,
Хочу я быть птичкой запѣвшей,
Хочу быть сережкой на вербѣ,
А верба душистая—ты.

ЗВѢЗДНАЯ.

Она была блѣдна, какъ звѣздные снѣга,
Она была нѣжна, какъ осень золотая,
На шеѣ у нея мерцали жемчуга,
Въ ней греза дней жила, какъ ледъ, что̀ спитъ не тая.

И то она была колдунья молодая,
И то была волной, что точитъ берега,
Всегда съ собой одна, для каждаго другая,
Забудетъ каждый съ ней и друга и врага.

Улыбка у нея, скользя неуловимо,
Зарею нѣжила румяныя уста,—
Глядишь, и съ ней ли ты? Глядишь, она не та?

Живутъ созданья такъ изъ облачнаго дыма,
Такъ въ вѣтрѣ млѣетъ зыбь весенняго листа,
Такъ Млечный путь для насъ горитъ неизслѣдимо.

НАДЪ ЧЕРТОЙ.

Расцвѣтилась ограда,
Надъ послѣдней чертой.
Красный листъ винограда,
Клена листъ золотой.
Нѣтъ зеленаго сада
Надъ сафирной водой.

Лишь тяжелаго бора
Зеленчакъ темноцвѣтъ,
До ложбинъ косогора,
Съ незапамятныхъ лѣтъ,
Въ ту же краску убора
Многохвойно одѣтъ.

ПРЕСТОЛЪ МОЛНІИ.

Я былъ листокъ,
Гонимый бурей.
Былъ въ пляскѣ ногъ
Блаженныхъ гурій.

Я былъ какъ громъ,
Огнемъ одѣтый.
Былъ водоемъ,
Грозой пропѣтый.

Какъ лучъ къ лучу,
Я мчался къ чуду.
И все лечу!
И чѣмъ я буду?

НА БАШНѢ.

Послѣ лютиковъ весною,
Чуть зима падетъ на крыши,
Вновь себѣ я мыслью строю
Замокъ строгій, выше, выше.

Тамъ, на башнѣ одинокой,
Жду подъ Солнцемъ смерти свѣта,
Говорю я съ Тьмой стоокой,
Жду отъ Полночи отвѣта.

Послѣ ласковыхъ блужданій,
Между легкихъ горныхъ склоновъ,
Я опять хочу рыданій
Человѣческихъ циклоновъ.

И тогда мнѣ знать отрада,
Что придетъ еще Аттила,
Что жива страстей громада,
И не вычерпана сила.

СТАЛЬ.

Упружить сталь. Ковачъ, познай металлы,
Чтобъ гнулось и прямилось лезвіе.
Тогда, взмахнувъ мечомъ, отмѣть:—„Мое!"
Тебѣ уступятъ Римляне и Галлы.

Построй драконъ, Варягъ. Ищи Валгаллы.
Кто хочетъ дали, тотъ пройдетъ ее.
Въ чужихъ моряхъ узнаетъ забытье.
Увидитъ лѣсовидные кораллы.

Сигурдъ, будь смѣлъ. Сигурдъ, срази врага.
Передъ тобою карлики и гномы.
Пусть плуги на поляхъ быкомъ влекомы.

Но кладъ—тебѣ. Раздвинувъ берега,
Сожги дома, амбары, и стога.
Тебѣ—моря, и, въ златѣ молній, громы.

ВЪ ГОСТИНОЙ.

Я въ гостиной стоялъ, межь нарядныхъ, утонченныхъ,
Между умныхъ, играющихъ въ чувства людей.
Средь живыхъ мертвецовъ, межь романовъ оконченныхъ,
Я вскричалъ всей душой потрясенной своей: —

„Есть ли гдѣ еще звѣри въ могучемъ количествѣ?
Есть ли тигръ королевскій и смѣлые львы?
Есть ли гдѣ бегемотъ, въ безмятежномъ величествѣ
Какъ коряга встающей изъ водъ головы?"

СОНЪ.

Мой сонъ, хотя онъ снился мнѣ какъ сонъ,
Былъ зрѣніемъ, былъ чтеніемъ страницы,
Гдѣ, четкими строками закрѣпленъ,
9 Я жилъ, а дни мелькали какъ зарницы.

Тамъ ростомъ въ три сажени были птицы,
Сто красокъ изливалъ хамелеонъ.
Нѣтъ, тысячу. Существъ живыхъ станицы
Не вѣдали, что есть для чертъ законъ.

Хвосты у жабъ,—хвостаты были жабы,—
Внезапно превращались въ жадный ротъ.
Въ бокахъ тюленьихъ видѣлъ я ухабы.

Все становилось вдругъ наоборотъ.
И даже мухи не были тамъ слабы.
И даже счастливъ каждый былъ уродъ.

МАУИ.

Въ тѣ дни, какъ не росла еще кокоа,
Змѣящаяся пальма острововъ,
Когда яйцо могучей птицы моа
Вмѣщало емкость двухъ людскихъ головъ,
Жилъ Мауи, первотворецъ Самоа,
Пѣвецъ, колдунъ, рыбакъ, и звѣроловъ.

Изъ пѣсенъ было только эхо гула
Морскихъ валовъ, а изъ волшебствъ—огонь,
Лишь рыба-мечъ да китъ да звѣрь-акула
Давали радость ловли и погонь.
Земля еще потока не плеснула,
Въ которомъ носорогъ и тигръ и конь.

Тотъ Мауи былъ младшій въ мірѣ, третій,
Два брата было съ нимъ еще вездѣ,
Огромные, безпечные, какъ дѣти,
Они плескались съ Мауи въ водѣ,
Крюки имѣли, но не знали сѣти,
И удили въ размѣрной чередѣ.

Вотъ солнцеликій Ра свой крюкъ закинулъ
И тянетъ онъ канатъ всей силой плечъ,
Онъ брата Ру, второго, опрокинулъ,
Тотъ, вѣтроликій, хочетъ остеречь,
„Пусти свой крюкъ!“, но Ра всей мощью двинулъ,
И выудилъ со смѣхомъ рыбу-мечъ.

Прошло съ полгода. Удитъ Ру, вѣтрило,
Закинутъ крюкъ туда, гдѣ темнота.
Вотъ дрогнуло, полъ-моря зарябило,
Не вытащитъ ли онъ сейчасъ кита?
Тянулъ, тянулъ, въ рукахъ двоилась сила,
Лишь плескъ поймалъ акульяго хвоста.

И минулъ годъ. Тринадцать лунъ проплыли.
А Мауи все время колдовалъ.
И противъ братьевъ укрѣпился въ силѣ,
Велитъ—и ляжетъ самый пѣнный валъ.
Пока два брата рыбъ морскихъ ловили,
На днѣ морскомъ онъ тайны открывалъ.

Закинулъ крюкъ онъ со всего размаха,
И потянулъ напруженный канатъ.
Вотъ дрогнула въ глубинахъ черепаха,
Пловучая громада изъ громадъ,
И Ра, и Ру глядятъ, дрожатъ отъ страха,—
То островъ былъ, кораллов кругъ и скатъ.

И съ той поры плыветъ въ моряхъ каноа,
Пѣвцы поютъ, и любятъ рыбаки.
Во мглѣ земли—скелеты мощныхъ моа,
На небѣ—токъ звѣздящейся Рѣки.
За знойнымъ Солнцемъ нѣжится Самоа,
И въ мелководьи бродятъ огоньки.

СЛОВО ПЕЩЕРНАГО ЖИТЕЛЯ.

Въ дни какъ жилъ я жизнью горца,—
Покидая тайный гротъ,
Я съ обвѣтренныхъ высотъ
Увидалъ Драконоборца.
Я шамана вопросилъ:—
„Какъ зовется этотъ храбрый?"
Тотъ сказалъ: „У рыбы жабры,
У людей же—звонъ кадилъ.
У небесныхъ пташекъ—крылья,
У звѣрей свирѣпый ликъ.
Этотъ храбрый мой двойникъ,
Онъ сражаетъ безъ усилья.
Мысль всегда, узнавъ конецъ,
Хочетъ внѣшняго, отмѣтинъ.
Этотъ призракъ безпредметенъ,
Если-жь хочешь, то—Боецъ."
Я ушелъ въ свою пещеру,
Осудивъ его отвѣтъ.
Черезъ двадцать сотенъ лѣтъ,
Какъ годамъ позналъ я мѣру,
Снова бросивъ тайный гротъ,
Глянулъ окомъ я дозорца,
И опять Драконоборца
Увидалъ съ своихъ высотъ.
Тутъ я спрашивалъ сатира,
Какъ зовется онъ,—и сей
Мнѣ отвѣтствовалъ: „Персей,
Мѣткорубъ во славу міра,

Убиватель онъ Горгонъ."
Кто-то вдругъ вскричалъ въ восторгѣ:—
„Лжетъ Сатиръ. Боецъ—Георгій."
И пошелъ по міру звонъ.
Воздухъ горній, воздухъ дольній
Ѳиміамный принялъ чадъ,
Слышу гномики бренчатъ,
Гулъ идетъ отъ колокольни.
Въ ульяхъ бунтъ: украденъ воскъ.
Я ушелъ въ свою пещеру,
Всякъ свою да знаетъ вѣру,
Изъ костей сосу я мозгъ.
А кухонные остатки
Я скопляю, какъ предметъ
Изысканій дальнихъ лѣтъ.
Знаю, игры мысли сладки.
Лѣтъ двѣ тысячи пройдетъ,
И опять я окомъ горца
Поищу Драконоборца:—
Не означенъ масокъ счетъ.

ГОБЕЛЭНЪ.

1.

Мгла замглила даль долины,
Воздухъ курится, какъ дымъ,
Таютъ тучи-исполины,
Солнце кажется сѣдымъ.

Полинялый, умягченный,
Взятый мглою въ свѣтлый плѣнъ,
Цѣлый міръ глядитъ замгленный,
Какъ старинный гобелэнъ.

2.

Старикъ высокій,
Онъ самый главный,
Онъ одноокій,
То Одинъ славный.

Съ древнѣйшихъ поръ онъ
Любилъ туманы.
Леталъ какъ Воронъ
Въ иныя страны.

Онъ былъ на Югѣ,
И на Закатѣ.
Но лучше вьюги,
Роднѣй быть въ хатѣ.

Онъ былъ въ Пустынѣ,
И на Востокѣ.
Навѣкъ отнынѣ
Тѣ сны далеки.

Съ тѣмъ людомъ Воронъ
Совсѣмъ несроденъ,
И снова Торъ онъ,
И снова Одинъ.

Всѣ клады Змѣя
Похитилъ Сѣверъ.
И вѣтеръ, вѣя,
Качаетъ клеверъ.

И кто же въ мірѣ
Лукавъ, какъ Бальдеръ,—
Подъ вскрикъ Валькирій
Возставшій Бальдеръ!

3.

Ковры-хоругви. Міръ утраченный.
Разливъ рѣки, что будетъ Сеною.
Челнокъ, чуть зримо обозначенный,
Бѣжитъ, жемчужной взмытый пѣною.

Вѣковъ столпилась несосчитанность.
Слоны идутъ гороподобные.
Но въ вѣрной есть рукѣ испытанность,
Летятъ къ вамъ стрѣлы, звѣри злобные.

Еще своихъ Шекспировъ ждущіе,
Олени бродятъ круторогіе,
Ихъ бѣгъ—какъ вихри, пламень льющіе,
И я—не въ Дьяволѣ, не въ Богѣ я.

Я сильный, быстрый, неуклончивый,
И выя тура мною скручена.
Напѣвы, взвейтесь, пойте звонче вы,
Душа желать—Огнемъ научена.

Мои прицѣлы заколдованы,
Мнѣ мамонтъ дастъ клыки безмѣрные,
Моей рукою разрисованы
Въ горахъ дома мои пещерные.

4.

Свиститъ проворная синица,
Что Море будто не зажгла.
Зажгла. Сожгла. Горитъ страница.
Сгорѣла. Міръ кругомъ—зола.

И я, что зналъ весь пылъ размаха,
И я, проникшій въ тайны странъ,
Я, безъ упрека и безъ страха,
Я—призракъ дней, а Міръ—туманъ.

Не надо мнѣ Индійскихъ пагодъ,
Не надо больше Пирамидъ.
Созвѣздье круглыхъ красныхъ ягодъ
На остролистѣ мнѣ горитъ.

Была весна. Сгорѣло лѣто.
И шепчутъ сны. Прядется тьма.
Но есть еще свирѣль Поэта.
Со мной жива—и Смерть сама.

ПЛАМЯ МІРА.

1.

Мы говоримъ, но мы не знаемъ,
Что̀ есть воистину любовь.
Но если ты овѣянъ раемъ,
Свое блаженство славословь.

И если взятъ ты поцѣлуемъ,
Что вотъ поетъ въ твоей мечтѣ,
Ликуй,—мы всѣ свѣтло ликуемъ,
Скользя на призрачной чертѣ.

И та черта вдвойнѣ прекрасна,
Затѣмъ, что таетъ, чуть представъ.
Весна—пожаръ, душа—всевластна,
Красивы зори въ морѣ травъ.

2.

Помню я, въ моей счастливой дѣтской
Пѣла птичка, не синичка, канареечка.
Я простой мальченка былъ, не свѣтскій,
Былъ звѣренкомъ, у звѣренка есть лазеечка.

Я смотрѣлъ на лучъ на половицѣ,
Какъ въ окнѣ онъ по-иному паутинится,
Какъ лампадка теплится въ божницѣ,
Какъ въ углу ручной мой ежъ лежитъ, щетинится.

Цѣлый міръ мнѣ—малая кроватка,
Я зажмурюсь—свѣтъ въ глазахъ играетъ красками,
Пляшутъ искры, все во мнѣ загадка,
Каждый шорохъ шепчетъ тайну, манитъ сказками.

Тамъ въ саду жужжать не перестанутъ,
Точно струны, шмель тяжелый, пчелы съ осами.
Въ кладезь вѣчный миги эти канутъ,
Мѣсяцъ страсти встанетъ красный надъ утесами.

Правятъ міромъ страшныя Старухи,
И давно ужь не звенитъ мнѣ канареечка.
Но любилъ я такъ—какъ любятъ духи,
Ахъ ты, птичка солнцеличка, златофеечка!

3.

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Ужели это много?
Звучитъ напѣвъ, играетъ свѣтъ.
Узнать любовь въ тринадцать лѣтъ!
Скажите, ради Бога.

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Ужели это мало?
Вѣдь вдвое—жизнь, когда—поэтъ,
И вдвое—мысль, и вдвое—свѣтъ,
И пѣнье крови—ало.

Товарищъ разъ пришелъ хмельной,
И не одинъ, а съ нею.
Ее оставилъ онъ со мной,
Уйдя, зажегъ весну весной,
И вотъ я пламенѣю.

Но кто-жь та странная была,
Кого я обнялъ сладко?

Она была какъ мысль свѣтла,
Хоть прямо съ улицы пришла,
Гулящая солдатка.

Но вотъ, хоть мной утраченъ счетъ
Всѣхъ дрогнувшихъ со мною,
Все-жь стихъ мой вѣрный воспоетъ
Того, съ кѣмъ первый пилъ я медъ,
Кто далъ припасть мнѣ къ зною.

О, страхъ и сладость—вдругъ упасть
Съ горы крутой, робѣя!
Восторгъ—впервые вѣдать страсть,
И цѣльнымъ быть, и быть какъ часть,
Тѣснѣй, еще тѣснѣе!

Достоинъ любящій—вѣнца,
И воленъ соколенокъ.
И съ нѣжной блѣдностью лица
Она шептала безъ конца:—
„Мой милый! Мой миленокъ!"

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Мы въ это время дѣти.
Но вотъ, чтобъ вѣдать этотъ свѣтъ,
Готовъ я встрѣтить пытку бѣдъ
Тринадцати столѣтій!

4.

Я узналъ твой тонкій очеркъ въ дни плѣнительные,—
Дни Іюня, мгла расцвѣта нѣжной рощи и сердецъ,—
Въ наши Сѣверные сумерки медлительные,
Я любилъ тебя, былъ юный, обожалъ, и былъ пѣвецъ.

Кѣмъ была ты, чѣмъ была ты, чаровательница?
Тонкой дѣвушкой невинной, и блудницею ночей?

Что ты пѣла? Что ты смѣла, пламедательница?
Поцѣлуй въ твоемъ былъ взорѣ, поцѣлуй горячій, чей?

Вешній лѣсъ, еще застывшій, живъ подснѣжниками,
Снѣгъ растаетъ, съ днища праховъ пламя выброситъ цвѣты.
Намъ Судьба въ любви велѣла быть мятежниками.
Гдѣ бы ты мнѣ ни явилась, счастье можешь дать лишь ты.

Я издревле плавалъ въ безднахъ за сокровищами,
Уплывавшими въ мечтанье, въ посмѣянье кораблю.
Слава, смѣлый, путь избравшій—быть съ чудовищами!
Слава тайнѣ всѣхъ созвѣздій! Слава той, кого люблю!

5.

Лишь между скалъ живетъ орелъ свободный,
Онъ долженъ быть свирѣпъ и одинокъ.
Но почему ревнивецъ благородный
Убилъ любовь, чтобъ, сокративъ свой срокъ,
Явивши міру ликъ страстей и стона,
Ножомъ убить себя? О, Дездемона!
Пусть мнѣ о томъ разскажетъ стебелекъ.

А если нѣтъ,—пускай разскажетъ Этна!
Падетъ въ солому искра незамѣтно,
Рубиномъ заиграетъ огонекъ,
Сгорятъ дома, пылаетъ вся столица,
Что строилъ милліонъ прилежныхъ рукъ,
И, въ заревѣ, все—шабашъ, рдяны лица,
Тысячелѣтье—лишь напрасный звукъ,
Строительство людей—лишь тѣнь, зарница.
Есть въ Книгѣ книгъ завѣтная страница,
Прочти,—стрѣла поетъ, ты взялъ свой лукъ.

Убійство и любовь такъ близко рядомъ,
Хоть двое иногда десятки лѣтъ
Живутъ, любя, и ни единымъ взглядомъ

Не предадутъ—въ нихъ сторожащій—свѣтъ.
И такъ умрутъ. И гдѣ всей тайны слѣдъ!

Въ лучисто-длинномъ спискѣ тѣхъ любимыхъ,
Которыя умѣли цѣловать,
Есть Клеопатра. На ея кровать
Прилегъ герой, чья жизнь—въ огнѣ и въ дымахъ
Сожженныхъ деревень и городовъ.
Еще герой. Мигъ страсти вѣчно-новъ.
Еще, еще. Но кто же ты—волчица?
И твой дворецъ—игралищный вертепъ?
Кто скажетъ такъ, тотъ глупъ, и глухъ, и слѣпъ.
Коль въ мірѣ всемъ была когда царица,
Ей имя—Клеопатра, знакъ судебъ,
Съ кѣмъ ходъ столѣтій губящихъ содруженъ.
Ей лучшая блеснула изъ жемчужинъ,
И съ милымъ растворивъ ее въ винѣ,
Она сожгла на медленномъ огнѣ
Два сердца,—въ дымахъ нѣжныхъ благовоній,
Любовникъ лучшій, былъ сожженъ Антоній.

Но гдѣ, въ какомъ неистовомъ законѣ
Означено, что дьяволъ есть во мнѣ?
Вѣдь ангела люблю я при Лунѣ,
Для ангела сплетаю маргаритки,
Для ангела стихи свиваю въ свитки,
И ангела зову въ моемъ бреду,
Когда звѣздой въ любви пою звѣзду.
Но жадный я, и въ жадности упоренъ.
Неумолимъ. Всѣ хищники сердецъ—
Во мнѣ, во мнѣ. Мой ликъ ночной повторенъ,
Хотя изъ звѣздъ мой царственный вѣнецъ.

Гдѣ нѣтъ начала, не придетъ конецъ,
Разбѣгъ двухъ душъ неравенъ и неровенъ.
Но тамъ, гдѣ есть разорванность сердецъ,
Есть молнія, и въ срывахъ струнъ—Бетховенъ.

6.

Ты видалъ ли дождь осенній, ты слыхалъ ли, какъ шуршитъ
онъ, какъ змѣится безъ конца?
Темной ночью намъ не спится, ты слыхалъ ли темной ночью,
какъ струится дождь небесъ?
Ты считалъ ли, разскажи мнѣ, ты считалъ ли слезы сердца,
что не знаютъ слезъ лица?
Темной ночью ты узналъ ли, темной ночью, сколько въ
сердцѣ жгучихъ словъ и тьмы завѣсъ?

7.

Я былъ на охотѣ въ родимомъ болотѣ,
И выслѣдилъ пару я птицъ.
Красивы всѣ птицы въ веселомъ полетѣ,
Красивы и падая ницъ.

И вотъ я намѣтилъ, и въ жаждѣ добычи
Красивую птицу убилъ.
И тотчасъ же вздрогнулъ отъ жалобы птичьей,
Къ повторности не было силъ.

А быстрая птица, той птицы подруга,
Совсѣмъ не боясь палача,
И все сокращая очерченность круга,
Летала, забвенно крича.

Мнѣ стало печально отъ жалобы птичьей,
И дважды я поднялъ ружье.
Но сердце той птицы излитое въ кличѣ,
Сцѣпило все сердце мое.

И вотъ, не воззвавши крылатаго друга,
Понявъ, что убита любовь,
Красавица вѣтра, любимица Юга,
На кровь опрокинула кровь.

Взнесенная птица, съ пронзительнымъ крикомъ,
Сложила два бѣлыхъ крыла,
И пала близь друга,—въ молчаньи великомъ,—
Свободна, мертва, и свѣтла.

8.

Видѣніе, похожее на сказку:—
Въ степяхъ стада поспѣшныхъ антилопъ.
Съ волками вмѣстѣ, позабывъ опаску,
Бѣгутъ,—и мчитъ ихъ бѣшеный галопъ.

И между нихъ проворно вьются змѣи,
Но жалить—нѣтъ, не жалятъ никого.
Есть часъ,—забудешь всѣ свои затѣи,
И рядомъ врагъ, не чувствуешь его.

Превыше же звѣрей несутся птицы,
И тонетъ въ дымѣ — Солнца красный шаръ.
Кто гонитъ эти числа, вереницы?
Вся степь гудитъ. Въ огнѣ. Въ степяхъ—пожаръ.

Забывъ себя, утративъ ликъ всегдашній,
Живое убѣгаетъ отъ Огня.
Но брошу домъ, прощусь съ родимой пашней,
Лишь ты приди, ласкай и жги меня.

Насъ гонитъ всѣхъ Огонь неизмѣримый,
И всѣ бѣгутъ, увидѣвъ страшный цвѣтъ.
Но я вступлю и въ пламени и въ дымы,
Но я люблю всемірный пересвѣтъ.

Его постичь пытаться я не стану,
Чтобъ былъ Огонь, онъ долженъ пѣть и жечь.
Я вѣрю солнцеликому обману,
Въ немъ правда дней, въ немъ божеская рѣчь.

И снова—Зло, и снова—звѣздность Блага,
Отъ грома бурь до сказки ручейка.
Во мнѣ пропѣла огненная влага,
Во мнѣ поютъ несчетные вѣка.

Земля съ Луной, въ неравномъ устремленьи,
Должны въ мірахъ любиться безъ конца.
Влюбленный, лишь въ томленьи и влюбленьи,
Пѣвецъ высотъ узнаетъ жизнь пѣвца.

И я опять—у кратера вулкана,
И я опять—близь нѣжнаго цвѣтка.
Сгорю. Сожгу. Сгорѣлъ. Въ душѣ—багряно.
Есть Фениксъ дней, что царствуетъ вѣка!

ЖУЖЖАНЬЕ СТРУНЪ.

И ты сломана будешь, Земля. — Не скорби.— Да, и ты, даже ты.— Не скорби. — О любви-ли ты будешь печалиться?—Огорчаться на то, что покрыла собою поверхность Воды? — Огорчаться на длительность Времени?

Океанійская пѣснь.

ХОЧЕШЬ ЛИ?

Свита моя—альбатросы морей,
Волны—дорога моя.
Солнце, родимаго сына согрѣй,
Солнечный я.

Низко летитъ альбатросъ и глядитъ,
Чертитъ могучимъ крыломъ.
Весь его четкій, захватистый видъ
Рѣзкій изломъ.

Это крыло—не крыло, ятаганъ,
Клювъ его силенъ, какъ мечъ.
Птицу такую родилъ—Океанъ.
Хочешь съ ней встрѣчъ?

Хочешь ли, хочешь ли, міръ будетъ твой?
Грезу въ себѣ затаи.
Крылья хотѣнья дружатъ съ синевой,
Зори—твои.

ЦВѢТНАЯ РАКОВИНА.

Цвѣтная раковина, на сушу брошенная,
Въ пескахъ молчитъ.
Но вверхъ приподнятая, но Вѣтромъ спрошенная,
Свѣтясь, звучитъ.

И сердцу слышащему, лишь ей разсказанныя,
Жужжанья струнъ
Сквозятъ глубинностями, тобою связанныя
Въ напѣвы рунъ.

МАЛАЙСКІЕ ЗАГОВОРЫ.

1. Заговоръ о Стрѣлѣ.

Я спускаю стрѣлу, закатилась Луна,
Я спускаю стрѣлу, чаша Солнца темна,
Я спускаю стрѣлу, звѣзды дымно горятъ,
Задрожали, глядятъ, межь собой говорятъ.
Я не звѣзды стрѣлой поразилъ, поразилъ,
И не Солнце съ Луной я стрѣлою пронзилъ.
Всѣ въ цвѣтокъ мои стрѣлы вонзились, горятъ,
Я сердечный цвѣтокъ поразилъ черезъ взглядъ.
Я стрѣлу за стрѣлою до сердца продлю,
Выходи же, душа, той, кого я люблю,
Приходи и прилягъ на подушку мою,
Я стрѣлою, душа, я стрѣлой достаю.

2. Заговоръ для Сердца.

Если ночью, при Лунѣ,
Спишь,—какъ духъ иди ко мнѣ.
Птица, крылья разверни,
Дымка, стань въ моей тѣни.
Куры сядутъ на насѣстъ,
Много въ мірѣ есть невѣстъ.
Столько въ мірѣ есть невѣстъ,
Сколько дней и сколько мѣстъ.
Эй, пѣтухъ, скорѣе клюй,
Столько зеренъ, сколько струй.
Міръ построенъ весь изъ струй,
Дай мнѣ, радость, поцѣлуй.
Каждой двери слушай скрипъ,
Птицѣ молви: Цыпъ, цыпъ, цыпъ.
Съ сердцемъ хочешь воевать,—
Къ сердцу вблизь, и сердце хвать.

3. Заговоръ къ Духу Земли.

Миръ съ тобою, Духъ Земли,
Миръ съ тобой, и мнѣ внемли,
Духъ Земли, ты съ виду Быкъ,
Земный Демонъ, Духъ-старикъ.
Быкъ, кѣмъ движется весь міръ,
Приходи сюда на пиръ.
Угощеніе прими,
Мною разумъ обними.
Разумъ ворога смути,
Замани и обольсти.
Поселись въ его крови,
Навались и задави.

4. Заговоръ къ Тѣневому.

Го! Ирупи, Тѣневой,
Дай Царицѣ быть со мной.
Потревожь ее во снѣ,
Укажи бѣжать ко мнѣ.
Потряси и встать заставь,
Обрати дремоту въ явь.
Душу вынувъ изъ нея,
Душу въ сердце вдунь мое.
Такъ чтобъ къ лѣвой сторонѣ
Прилегла она ко мнѣ.
Го! Ирупи, Тѣневой,
Заговоръ исполни мой!

5. Заговоръ о Ступнѣ.

— Среди примѣтъ ты видѣлъ слѣдъ?
— Ступня ея. Сомнѣнья нѣтъ.
— Изъ праха вырѣжь ту ступню,
И дай ее обнять огню.
Ее лизнетъ языкъ огня,
И станетъ слушаться ступня.
— А что̀ потомъ? А какъ потомъ?
Ступню куда мы поведемъ?
— Возьмешь ты бережно тотъ прахъ,
И въ трехъ его яви цвѣтахъ.
Одѣнешь въ красный лоскутокъ,
И подожди, да минетъ срокъ.
Одѣнешь въ черный, завяжи,
Ступню въ томъ черномъ подержи.
И послѣ въ желтый лоскутокъ
Замкни, и выдержи зарокъ.
— А что̀ потомъ? Горитъ ступня.
И пляшетъ, мучаетъ меня.
— Потомъ цвѣтную нить скрути,
Къ подушкѣ ближе помѣсти.
Ступню на занавѣсь повѣсь,
И въ жаркой мысли медли весь.
Зеленый прутикъ отыщи,
Хлещи, семь разъ ее хлещи.
При смѣнѣ зорь, въ полночный часъ,
Хлещи, хоть спи, хлещи семь разъ.

И припѣвай: Любви ищу.
Не землю, сердце я хлещу.
— Смотри, дрожитъ, идетъ ступня,
Люби меня! Люби меня!

6. Заговоръ Любовный.

Черная ягода—имя твое,
Птица багряная—имя мое.
„Майя!“ пропѣлъ я. Внемли,
Мысли ко мнѣ всѣ пошли.
Мною пребудь зажжена,
Любишь, и будь влюблена.
Будь какъ потеряна ночью и днемъ,
Будь вся затеряна въ сердцѣ моемъ.
Днемъ семикратно смутись,
Въ ночь семикратно проснись.
Быстро домой воротись.
Я говорю: „Ты моя!“
Въ Мѣсяцъ ли глянь,—это я.

7. Заговоръ для Памяти.

Я принесъ тебѣ вкрадчивый листъ,
Я принесъ тебѣ пряный бетель,
Положи его въ ротъ, насладись,
Полюбивъ меня, помни меня!
Солнце встанетъ ли, помни меня,
Солнце ляжетъ ли, помни меня!
Какъ ты помнишь отца или мать,
Какъ ты помнишь родимый свой домъ,
Помнишь двери и лѣстницу въ немъ,
Днемъ ли, ночью ли, помни меня!

Если громъ загремѣлъ, вспомяни,
Если вѣтеръ свиститъ, вспомяни,
Если въ небѣ сверкаютъ огни,
Вспомяни, вспомяни, вспомяни!
Если звонко пѣтухъ пропоетъ,
Если слышишь какъ время идетъ,
Если часъ убѣгаетъ за часъ,
И бѣжитъ и ведетъ свой разсказъ,
Если Солнце идетъ за Луной,
Будь всей памятью вмѣстѣ со мной.
Стукъ, стукъ, стукъ. Это я прихожу.
Стукъ, стукъ, стукъ. Я въ окошко гляжу.
Слышишь сердце? Въ немъ сколько огня!
Душу чувствуешь? Помни меня!

МАЛАЙСКІЙ КОСТЕРЪ.

Бросилъ клѣтку
Пламень, Апи.
Держитъ вѣтку
Въ красной лапѣ.

Въ изумрудѣ
Цвѣтъ сметаетъ.
Въ аломъ чудѣ
Зелень таетъ.

Когти красны,
Вѣтки смяты.
Будь, прекрасный,
Живъ трикраты.

ВУАЛИ.

Вы Малайки, вы Малаечки,
  Любы ваши мнѣ вуали.
Я на Русской балалаечкѣ
  Вамъ спою свои печали.

Ты, въ вуали нѣжно-розовой,
  Мысль вернула въ утро Мая: —
Съ милой въ рощѣ я березовой
  Былъ, любилъ, ее сжимая.

Ты, мерцаньями зелеными,
  Говоришь мнѣ о разсвѣтѣ:—
Шелъ пастухъ вдали за склонами,
  На свирѣли пѣлъ о лѣтѣ.

Ты, что свѣтами златистыми
  Такъ сіяешь мнѣ напрасно,
Знай, что днями сѣро-мглистыми
  Я любилъ другую страстно.

Ты, огнями ярко-красными
  Мнѣ горящая напѣвно,
Вѣрь, что ласками согласными
  Отвѣчала мнѣ царевна.

Что-жь вы, что̀ вы мнѣ, Малаечки,
  Пусть и нѣжны вы и юны?
Я на звонкой балалаечкѣ
  Сосчиталъ давно всѣ струны.

РОТЪ.

Ртомъ, отъ бетеля краснымъ,
Ртомъ, отъ любви заалѣвшимъ,
Ртомъ, въ страстяхъ полновластнымъ,
Ртомъ, какъ плодомъ созрѣвшимъ,—

Она меня напоила,
Она меня заласкала,
И весь я—горящая сила,
И весь я—„Еще! Мнѣ мало!“

ГАМЕЛАНГЪ.

Гамелангъ—какъ Море—безъ начала,
Гамелангъ—какъ вѣтеръ—безъ конца.
Стройная Яванка танцевала,
Не мѣняя блѣднаго лица.

Гибкая, какъ эта вотъ ліана,
Пряная, какъ губы орхидей,
Нѣжная, какъ лотосъ средь тумана,
Что̀ чуть-чуть раскрылся для страстей.

Въ пляскѣ повторяющейся—руки,
Сѣть прядетъ движеніемъ руки,
Гамеланга жалуются звуки,
Въ зыбкомъ летѣ вьются свѣтляки.

Надъ водой, гдѣ лотосъ закачался,
Обвѣнчался съ свѣтлякомъ свѣтлякъ,
Разошелся, снова повстрѣчался,
Свѣтъ, и мракъ, и свѣтъ, и свѣтъ, и мракъ.

Ходъ созвѣздій къ полночи откинутъ,
Въ полночь засвѣчается вулканъ.
Неужели звуки эти минутъ?
Въ этой пляскѣ сказка вѣщихъ странъ.

За горой звенитъ металлъ пѣвучій,
Срывъ глухой, и тонкая струна.
Гамелангъ—какъ Смерть сама—тягучій,
Гамелангъ—колодецъ сновъ, безъ дна.

НЕБЕСНЫЙ МОСТЪ.

Отъ мужского сердца къ женскому
Есть одинъ завѣтный путь,
Къ единенію вселенскому,
Чтобы счастіемъ дохнуть.

Онъ небесными свѣтилами
Предуказанъ навсегда:—
Межь двумя, другъ другу милыми,
Двѣ души—одна звѣзда.

Тамъ за дымчатыми склонами
Вѣрной мысль идетъ тропой,
И мерцаньями зелеными
Встрѣченъ отсвѣтъ голубой.

То сверканіями скорыми
То сквозь мглу тягучихъ лѣтъ,
Понимающими взорами
Сердце сердцу броситъ свѣтъ.

И въ родной странѣ, единственной,
Гдѣ ласкающій языкъ,—
И въ чужой странѣ, воинственной,
Гдѣ языкъ есть вражій крикъ,—

И отъ бѣлаго до бѣлаго,
И отъ бѣлаго къ цвѣтнымъ,—
Въ должный часъ свершенья смѣлаго
Брызжетъ свѣтъ и всходитъ дымъ.

Это съ мыслью мысль встрѣчается,
Замыкается звено,
Это духъ съ огнемъ вѣнчается,
Это стали два—одно.

И различья ихъ обманчивы
До своей дойдя черты,
И мерцанья ихъ приманчивы,
Ты есть я, и я есть ты.

Отъ сверкнувшаго до яснаго
Вѣсть идетъ путемъ цвѣтнымъ,
И въ огнѣ свершенья страстнаго
Жертва есть, и свѣтелъ дымъ.

ПѢСНЬ АННАМИТСКАГО СЛѢПЦА.

Глаза мои—мертвые, сердце мое—живое,
Иду я въ глубокой вѣчной ночи.
Но слышу я смѣхъ твой, и чудится Небо мнѣ голубое,
Твой голосъ звучитъ, золотой колокольчикъ, отъ Солнца доходятъ лучи.
Люблю тебя, Солнце ночное.

Ты мнѣ говоришь—Ты одна, нѣтъ супруга,
Нѣтъ никого, чтобъ тебя веселить.
Иди же со мной, мнѣ нарядная будешь подруга,
Вкругъ шеи твоей жемчуговъ обовьется тройная тяжелая нить.
Пусть глазами тебя увидать не могу я,
Я руками коснусь, мотылькомъ поцѣлуя.

Я не слышу тебя. Ты ушла? Все ли здѣсь, близь пѣвца ты?
Или тебя разсердили мои слова?
Дай мнѣ тебя любить! Всѣ цвѣты намъ живые дадутъ ароматы.
Одинъ человѣкъ печаленъ, смѣются, когда ихъ два.
Дай мнѣ любить, ты пойдешь предо мною,
Буду идти за звѣздой, тропинкой моею ночною.

ЗЕРКАЛО.

Ширяютъ ласточки надъ зеркаломъ пруда.
Летятъ за мошками. Летаютъ ради шутки.
Плывутъ отъ берега до берега двѣ утки.
За ними длинная мерцаетъ борозда.
Но вотъ ужь кончилась игра мгновенной зыби.
И день окончился. Горитъ одна звѣзда.
Вечерній зовъ къ душѣ. Въ безвѣстное Туда.
Но подожду еще, къ земной прикованъ глыбѣ.

ВѢНЕЦЪ.

Глубокій прудъ. Отлоги берега.
Съ вечернимъ вѣтромъ трепетъ влаги друженъ.
Звѣзда, качаясь, нижетъ жемчуга.
Одна, и двѣ, и пять, и семь жемчужинъ.
Тѣмъ ожерельемъ умъ обезоруженъ.
И хочется, жемчужный свѣтъ дробя,
Разсыпать весь лучистый часъ забвенья
На зыбкія созвенныя мгновенья,
Тѣмъ ожерельемъ увѣнчавъ тебя.

ЗА ВЗГЛЯДЪ.

Я полюбилъ тебя за взглядъ
Звѣздообразной незабудки,
За радость нѣжную минутки
Вдвоемъ,—о чемъ не говорятъ.
Въ однихъ цвѣтахъ есть пряный ядъ,
Въ другихъ есть запахъ слабый, тонкій,—
Такъ въ плачѣ флейты нѣжно-звонкой
Чуть внятно звѣзды говорятъ.
И въ стонъ свирѣли входятъ звоны
Лѣсныхъ вершинъ во мглѣ ночной,
Родная даль, холмы, уклоны,
И малый цвѣтикъ вырѣзной
Надъ ручейковою волной.

ВЪ САДАХЪ.

Бѣгала бѣлочка. Бѣлые голуби
Нѣжно ворковали.
Ты улыбалась мнѣ. Снѣжные голуби
Крыльями свѣтъ намъ свѣвали.

Хвостъ пушистый распустивши,
Бѣлочка скакнула.
„Можно ль жить не полюбивши?“
Ты, блеснувъ, шепнула.

„Здѣсь въ садахъ, въ вѣкахъ далекихъ,
Были мы когда-то:—
Въ этихъ снахъ голубоокихъ
Я узнала брата.

„Мой дружочекъ, женишочекъ,
Я съ тобой вѣнчаюсь:—
Я съ тобою, голубочекъ,
Горлицей встрѣчаюсь.“

Бѣгала бѣлочка. Дерево мѣрила,
Въ ропотахъ зеленаго гула.
Въ жизнь безконечную счастіе вѣрило.
Въ Вѣчность любовь заглянула.

ЕСЛИБЪ!

Еслибъ бабочкой ночной
Я въ твой теремъ залетѣла,
Былъ бы счастливъ ты со мной,
И во снѣ горѣло бъ тѣло,
Принимая въ сонный строй
Трепетъ жизни огневой.

Еслибъ знойною, звеня,
Залетѣла я цикадой,
Ты услышалъ бы меня,
Ты во снѣ шепнулъ бы: „Падай!
И прильни. И вплоть до дня
Мучь касаніемъ огня!“

ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ.

Языкъ любви есть листья, шорохъ листьевъ.
Вся шелестящая, сквозящая листва.
Какъ свѣтъ свѣвается съ дрожащихъ спящихъ листьевъ,
Какъ извивается и зыбится трава!

Отъ листьевъ къ листьямъ—ласка, вспышки, всплески,
Листъ ластится къ листу и заститъ взглядъ.
Смотри, смотри, какъ любятся березки,
Разслышь, разслышь, какъ листья шелестятъ!

КАКЪ ЛИСТЬЯ.

Журчали флейты. Рыдали скрипки.
И глухо пѣла віолончель.
Душа не видитъ своей ошибки,
Когда въ ней чувства взметутъ мятель.

Я видѣлъ пары. Кружились мѣрно.
И возвращались въ свои круги.
„—Меня ты любишь? И это вѣрно?"
„—Тебя люблю я."—„О, не солги."
Уста шептали слова печали.
Имъ отвѣчали слова огня.
„—Мы долго ждали."—„Мы такъ устали."
„—А ты откуда?"—„Изъ свѣтлой дали."
„—Ты мнѣ желаненъ."—„Цѣлуй меня."

И цѣловались. И забывались.
Какъ листья въ вѣтрѣ, въ лучахъ Луны.
Какъ змѣи, звуки, блестя, свивались.
Я знаю правду! Я видѣлъ сны!

ОСТРОВЪ ЧЕТВЕРГА.

Свѣжій день съ зарею новой,
Свѣтлый островъ Четверга.
Здравствуй, островъ Четверговый,
Вырѣзные берега.

Мы проплыли, и приплыли
Въ островной морской вѣнецъ.
Ты ли знакъ давнишней были?
Я съ тобою наконецъ.

Потонувшія вершины
Выдвигаются надъ дномъ.
Межь красивыхъ ты—единый,
И лагунный цвѣтъ кругомъ.

Еле зримое растенье
Синій цвѣтикъ на землѣ.
И селенье какъ видѣнье
Тамъ далеко, тамъ во мглѣ.

Дымъ ползетъ по красной крышѣ,
Легкій стелется туманъ.
А надъ Моремъ выше-выше
Возлетаетъ пеликанъ.

Онъ сѣдой какъ привидѣнье,
Но скользитъ къ иному взглядъ:—
Ожерельное сплетенье,
Гуси дикіе летятъ.

Точно это Сѣверъ милый,
Точно это журавли.
Сколько жизни! Сколько силы!
Тотъ, кто живъ—свой мигъ продли!

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Австралійскій черный лебедь на волнѣ
Словно въ сказкѣ на картинкѣ виденъ мнѣ.

Настоящій, проплываетъ предо мной,
Весь змѣиный, весь узорный, вырѣзной.

И воистину влечетъ мечту въ игру
Настоящими прыжками кэнгуру.

И въ хранимомъ зачарованномъ прудкѣ
Свѣтятъ лотосы во влажномъ цвѣтникѣ.

Голубѣетъ эвкалипта стройный стволъ,
Кустъ невиданной акаціи расцвѣлъ.

Какъ колибри, медососъ припалъ къ цвѣтку,
Птица-флейта засвирѣлила тоску.

И хохочутъ зимородки по вѣтвямъ,
Словно въ сказкѣ, что сказали въ дѣтствѣ намъ.

Только это все лишь малый уголокъ,
Громче пѣнья птицъ на фабрикѣ гудокъ.

Нѣтъ Австраліи тѣхъ дѣтскихъ нашихъ дней,
Вся сгорѣла между дымовъ и огней.

Рельсы врѣзались во взмахи желтыхъ горъ,
Скованъ, сцѣпленъ, весь расчисленный, просторъ.

Тамъ, гдѣ Черные слагали стройный плясъ,
Одинокій бѣлоликій волопасъ.

Тамъ, гдѣ быстрая играла кэнгуру,
Овцы, овцы, поутру и ввечеру.

Милліонная толпа ихъ здѣсь прошла,
Въ холодильники замкнуты ихъ тѣла.

Замороженные трупы увезутъ,
Овцы новыя пасутся тамъ и тутъ.

И отъ города до города всегда
Воютъ, копоть разсѣвая, поѣзда.

И отъ улицы до улицы свистокъ,
Вся и музыка у Бѣлаго—гудокъ.

Сами выбрали такой себѣ удѣлъ,
Что ихъ бѣлый ликъ такъ грязно посѣрѣлъ.

Обездолили весь край своей гурьбой.
Черный лебедь, пѣснь прощальную пропой.

СРЕДИ МАГНОЛІЙ.

Среди пышноцвѣтныхъ магнолій,
Къ аллеѣ могучихъ смоковницъ,
Къ лужайкѣ, гдѣ стволъ баобаба,
Я вышелъ подъ Новой Луной.
А грёзы о счастьи и волѣ,
Какъ рой наклоненныхъ любовницъ,
Сіяютъ и нѣжно и слабо,
Дрожатъ и плывутъ пеленой.

Но вотъ, какъ въ мерцаніи слезокъ,
Я вышелъ мечтою къ овражку,
И это величіе таетъ,
И дѣтскій мнѣ грезится день.
Хочу я родимыхъ березокъ,
Влюбленъ въ полевую ромашку,
И клеверъ въ душѣ расцвѣтаетъ,
И въ сердцѣ звѣздится сирень.

ТИШЬ.

Вотъ она, неоглядная тишь Океана, который зовется Великимъ,—
И который Моаной зовутъ въ Гавайики, въ странѣ Маори.
Человѣкъ острововъ, что вулканами встали, видѣньемъ возникъ смуглоликимъ,
И кораллы ростутъ, и надъ синей волной — безъ числа острова-алтари.

РАДУГИ.

Много радугъ семицвѣтныхъ
Въ Тихомъ океанѣ.
Много въ сердцѣ словъ отвѣтныхъ,
Свѣтлыхъ звѣздъ въ туманѣ.

Много въ Небѣ, въ Звѣздной Книгѣ,
Божьихъ откровенiй.
Сердце, сбрось съ себя вериги,
Будь въ огнѣ мгновенiй.

Пусть твои мгновенья малы,—
Будутъ въ свѣтломъ станѣ,
Какъ коралловыя скалы
Въ Тихомъ океанѣ.

ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ доносится съ горъ,
Тамъ онъ, и здѣсь, и нигдѣ,
Мчится къ землѣ и къ звѣздѣ,
Роетъ просторъ,
Смялъ, наклоняя къ водѣ,
Ивы плакучей уборъ.

Пляшетъ въ древесной тѣни,
Рябь закрутилъ по рѣкѣ,
Прячется тамъ вдалекѣ,
Гаситъ огни,
Снова дохнулъ въ тростникѣ,
Полемъ пошелъ... Догони!

ПРЕДЪ НОЧЬЮ.

Земля дохнула зельями
Предночными. Вдали,
Зловѣщими ущельями,
Туманы поползли.

Загрезившими соснами
Пронзивши бирюзу,
Вершины дышутъ росными
Дыханьями внизу.

Все въ полночь будетъ сковано
Въ одинъ глухой объемъ.
Верховность зачарована,
Въ верхахъ родится громъ.

ЧЕРЕДА.

Бѣлое облако — тамъ.
Знаютъ цвѣта череду.
Мѣдь разошлась по краямъ.
Жду.

Дымчатый курится свѣтъ.
Копитъ разгромъ чернота.
Гуще взростанье примѣтъ.
Въ вѣтрѣ всѣ свисты листа.

Раньше Вечерней звѣзды,
Взбрызнетъ, разрушивши грань,
Бѣшенство бѣлой воды.
Глянь.

КАУРИ.

Это домчался откуда,
Онъ изъ столѣтій какихъ,
Зовъ-перезвонъ изумруда,
Соснами сложенный стихъ?

Хвоями крытыя горы,
Папоротъ-древо внизу,
Мхи словно цѣпкіе воры,
Гибкую сжали лозу.

Справа и слѣва стремнины,
Стройно взлетѣли изъ мглы
Горъ вѣковыхъ исполины,
Каури гордой стволы.

Мхи не дерзнутъ къ нимъ коснуться,
Горныя сосны — цари,
Смолы съ нихъ желтыя льются,
Ладанъ страны Маори.

ОСТРОВА.

Я ихъ видѣлъ, тѣ взнесенья,
Изъ коралловъ острова,
Кругъ и кругъ уединенья,
Въ нихъ свершенность сновъ жива.

Въ Океанѣ всешумящемъ
Бьютъ валы, свиваясь въ жгутъ,
Здѣсь же зеркаломъ глядящимъ
Безглагольный круглый прудъ.

И подобно какъ въ металлы
Мы врѣзаемъ память дней,
Тѣ атоллы, тѣ кораллы
Рядъ взошедшихъ ступеней.

Отъ великихъ горъ незримыхъ,
Что задернулись волной
И застыли въ тихихъ дымахъ,
Знакъ восходитъ въ мiръ девной.

Въ нашихъ дняхъ, быть можетъ лишнихъ,
Доживаемыхъ во снѣ,
Алый знакъ временъ давнишнихъ,
Потонувшихъ въ глубинѣ.

ТЫ НЕ ВИДАЛЪ.

Ты не видалъ, а я увидѣлъ воздушно-алые атоллы,
И долженъ былъ пропѣть красивымъ напѣвъ дремотной баркароллы.

Ты не видалъ атоллъ, который взнесенъ въ верховный воздухъ былъ
Лишь для того, чтобъ я увидѣлъ намекъ на древнiй цвѣтъ и пылъ.

И ты увидѣлъ, блѣднымъ взоромъ, лишь бѣлоцвѣтные кораллы,
А я пришелъ Варягомъ смѣлымъ искать въ моряхъ моей Валгаллы.

И вотъ дохнулъ вулканъ подводный, и былъ взнесенъ, на мигъ одинъ,
Атоллъ багряный, чрезъ мгновенье ушедшiй въ мiръ своихъ глубинъ.

КОРАЛЛОВЫЕ ОСТРОВА.

Море какъ озеро, безглагольно-лагунное,
Пальмы какъ стражи стоятъ.
Что-то отшедшее, что-то звѣздное-лунное,
Дни однолики подрядъ.

Временемъ облако задымится опалами,
Тамъ, на Небесномъ Пути.
Въ Вѣчность заброшены, мы пребудемъ усталыми,
Некуда больше идти.

ЛАГУНА.

Цвѣтъ живой, какъ стебель нѣжный,
Что овѣянъ легкой мглой,
Вышелъ къ Солнцу, въ міръ безбрежный,
Но взрощенъ онъ подъ землей.

Изумрудъ преображенный,
Словно видимый во снѣ,
Круглыхъ рифовъ міръ затонный,
Въ ворожащей тишинѣ.

Здѣсь не встанетъ валъ, въ качаньи
Пѣнно взвихренныхъ минутъ,
Онъ въ молитвенномъ молчаньи,
Просвѣтленный изумрудъ.

Эта зелень покрывала
Влажно-призрачно свѣтла,
И въ него лазурь опала,
Изнутри свѣтясь, вошла.

КРУГЛОЕ ЗЕРКАЛО.

Лагунный атоллъ это лугъ заливной,
Онъ проснулся надъ синей волной,
За столѣтьями сновъ о лучѣ золотомъ,
И о пальмахъ возросшихъ кругомъ.

Лагунный атоллъ—озерная страна
Въ Океанѣ, гдѣ пляшетъ волна,
Это—круглое зеркало Звѣздъ и Луны,
Чтобъ взглянуть въ глубину съ вышины.

РИФЪ.

Днемъ и ночью шумитъ неустанный бурунъ,
Ударяясь о рифъ.
И приходитъ приливъ, и не можетъ приливъ
Забѣжать на пространство лагунъ.

Тотъ глухой перебой океанской волны
Вѣковѣчный псаломъ,
Онъ и ночью и днемъ наростаетъ кругомъ,
Какъ гудѣнье гигантской струны.

ОСТРОВЪ.

Отроги потонувшихъ горъ
Взнеслись изъ мощной глубины,
Но не достигли до волны,—
Кораллы имъ сплели узоръ,
И въ вышній воздухъ вышли сны
Подводной сказочной страны.

Атоллъ возникъ. Атоллъ хотѣлъ
Растеній, звуковъ, стройныхъ тѣлъ.
Свершилось. Кто-то повелѣлъ,
Чтобъ былъ восполненъ весь удѣлъ.

За много тысячъ миль, кокосъ
Упалъ и плылъ.
Ковчегъ, онъ жизнь въ себѣ донесъ,
Зачатокъ силъ.

Его качала и несла
Волна морей,
Чтобъ островная глушь была
Еще свѣтлѣй.

Въ свой должный день, въ свой должный часъ,
Есть мигъ чудесъ.
И пальма стройная взнеслась,
И выросъ лѣсъ.

И къ жизни жизнь, черезъ моря,
Послала вѣсть,
Отважнымъ людямъ говоря,
Что островъ есть.

ТОНГА-ТАБУ.

Отъединенный островъ,
Цвѣтущія деревья,
Лучисто-сонный островъ,
Застывшее кочевье.

Здѣсь зори свѣтятъ зорямъ,
Передвигая время,
Надъ этимъ синимъ Моремъ
Улыбчивое племя.

Въ одномъ недвижномъ чудѣ,
Забывши счетъ столѣтій,
Здѣсь счастливы всѣ люди,
Здѣсь всѣ они какъ дѣти.

Но странная здѣсь чара:—
Когда всѣ спятъ, ночами,
Какъ будто клубы пара
Несутся надъ вѣтвями.

Какъ дьявольскіе клиры,
Скользятъ, спѣшатъ во вракѣ
Могучіе вампиры,
Летучія собаки.

И носятся надъ садомъ,
Кружатъ надъ огородомъ,
Своимъ полночнымъ взглядомъ
Приносятъ порчу всходамъ.

И кажется, что каждый
Здѣсь сонъ людской подслушанъ,
И, въ жарѣ лютой жажды,
Неспѣлый плодъ закушенъ.

Но эти люди-дѣти
Собакъ ночныхъ жалѣютъ,
И ни за что на свѣтѣ
Убить ихъ не посмѣютъ.

И снова день для смѣха,
И снова ночью темной
Грабителей потѣха,
И пиръ тѣней заемный.

ЗАВОРОЖЕННЫЕ.

Тонга-Табу, Югъ Священный, Край Завороженный,
Я люблю тебя за то, что ты лучисто-сонный.

Я люблю тебя за то, что всѣ Тонганки рады
Пить душой напитокъ счастья, смѣхи и услады.

Я люблю тебя за то, что всѣ Тонганцы—дѣти,
Всѣхъ блаженнѣй, простодушнѣй, всѣхъ свѣтлѣй на свѣтѣ.

Я люблю тебя за то, что вотъ тебя люблю я,
Потому что Тонга-Табу—счастье поцѣлуя.

РАЗСВѢТЪ.

Разсвѣтный свѣтъ по пламенямъ идетъ,
По облачнымъ онъ разбросался кручамъ,
Пылаетъ факелъ дня, вонъ тотъ и тотъ,
Багряный день велитъ зажечься тучамъ.
Повелѣваетъ пѣньемъ звонкихъ птицъ,
Велитъ ручью смѣяться въ звонкой пляскѣ,
Касается загрезившихъ рѣсницъ,
И манитъ ихъ раскрыться къ новой сказкѣ.

ПАЛЬМА.

Пальма кокоа, прямая колонна,
Въ небѣ лазурномъ застыла взнесенно.

Листья, забывшіе трепетъ усилья,
Словно гигантскаго коршуна крылья.

Очеркъ изваянный, пальма кокоа,
Ликъ твой есть островъ, чье имя Самоа.

САМОА.

Многозвѣздная ночь на Самоа,
Смуглоликіе люди проходятъ,
И одни восклицаютъ:—„Талёфа!"
И другіе примолвятъ:—„Тофà!"
Это значитъ: — „Люблю тебя! Здравствуй!"
Также значитъ:—„Прощай! Ты желанный!"
Смуглоликіе люди исчезли,
Ихъ тѣла потонули въ ночи.

Заливаются въ вѣткахъ цикады,
Южный Крестъ на высотахъ сіяетъ,
У коралловыхъ рифовъ повторность
Многопѣвной гремучей волны.
Я далеко-далеко-далеко,
Развѣ мысль приведетъ меня къ дому,
И не знаю, далеко ли домъ мой,
Или здѣсь онъ на Млечномъ Пути.

САМОАНКѢ.

Ты красива, Самоанка,
    Ты смугла.
Но Севильская Испанка
    Тоже капля, что̀ пришла
Изъ кипящаго котла.

Всѣ вы, всѣ островитяне—
    Красота.
Все же я во вражьемъ станѣ.
    Тамъ въ Россіи, тамъ въ туманѣ—
Сердце, воля, широта.

САМОАНЕЦЪ.

Вотъ высокій Самоанецъ,
Факелъ лѣвой взявъ рукою,
Правой сжалъ копье.
И по взморью такъ проходитъ,
И въ водѣ намѣтивъ рыбу,
Онъ ее гвоздитъ.

Онъ проходитъ въ мелководьи,
А немного тамъ подальше,
Гдѣ волна грознѣй,
Неумолчные буруны,
И акула, волкомъ Моря,
Сторожитъ, слѣдитъ.

Но не смѣетъ эта вѣдьма,
Эта дьявольская кошка,
И живой топоръ,
Подойти къ красавцу Моря,
Что направо и налѣво
Факелъ свой стремитъ.

ПАМЯТНИКЪ.

Базальтовыя горы
    Въ мерцаньи черноты,
Зеленые узоры
    И красные цвѣты.

Поля застывшей лавы,
    Колонны прошлыхъ лѣтъ,
Замкнувшійся въ октавы
    Перекипѣвшій бредъ.

Здѣсь кратеры шутили
    Надъ синею волной,
Здѣсь памятникъ ихъ силѣ,
    Когда-то столь шальной.

Потухшіе вулканы,
    И въ нихъ озера спятъ,
По нимъ ползутъ ліаны,
    И пляшетъ водопадъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ.

Я сижу скрестивши ноги, я въ гостяхъ.
Мысль окончила на время свой размахъ.
Самоанскій домъ прохладный, весь сквозной.
Самоанскій мой хозяинъ предо мной.

Онъ сидитъ, скрестивши ноги, на полу.
Такъ зазывчиво лѣнивитъ въ сердцѣ мглу.
На цыновкахъ мы недвижные сидимъ.
Мигъ спокойствія обычаемъ хранимъ.

Свѣтъ безтрепетный, идетъ за часомъ часъ.
Греза шепчетъ зачарованный разсказъ.
Убѣдительный разсказъ въ дремотной мглѣ,
Что воистину есть счастье на землѣ.

ЛЕЛЕИ.

Я зашелъ къ Самоанцу испить.
Я не зналъ, что въ единой минутѣ
Кто-то скрутитъ цвѣтистую нить,
Чтобы сердце свирѣлилось въ путѣ,
Научившись внезапно любить.
Я вступилъ словно въ сказочный край.
Уронивъ свои косы, какъ змѣи,
Самоанка шепнула: „Сіяй.
Ты застигнутъ. Самоа—лелеи.“
Это значитъ: „Самоа есть рай.“

ПЛЯСКА.

Говорятъ, что пляска есть молитва,
Говорятъ, что просто есть круженье,
Можетъ быть ловитва или битва,
Разныхъ чувствъ—движеньемъ—отраженье.
Говорятъ... Сказалъ когда-то кто-то,—
Пляшешь, такъ окончена забота.
Говорятъ...

Но говорятъ,
Что дурманъ есть тонкій ядъ.
И коль пляшутъ мнѣ Испанки
Счастливъ я,
И коль пляшутъ богоданки,
Дѣвы, жены—Самоанки,
Тутъ—змѣя.

Вся хотѣніе. Впередъ.
Вся томленье. Воздухъ бьетъ.
Убѣгаетъ. Улетаетъ.
Отдается. Упадаетъ.
Вся движеніемъ поетъ
Птицы раненой полетъ.
Ближе, ближе. Вотъ смѣется.
Ниже, ниже. Отдается.
Убѣганьямъ конченъ счетъ.
Я—змѣя.
Четъ и нечетъ. Нечетъ, четъ.
Я—твоя.

ТѢНЬ.

Скользятъ вампиры, роняя тѣнь,
Ихъ тѣнь чернѣе, чѣмъ тѣни пальмъ.
Бронею воли свой духъ одѣнь,
Закляты чары подъ тѣнью пальмъ.

Когда приплылъ ты черезъ моря,
Тебя охватитъ морская тишь,
Лелѣя душу, и говоря,
Что жизнь прекрасна, когда ты спишь.

И разъ приплылъ ты черезъ моря,
На этотъ островъ морскихъ лагунъ,
Ты будешь таять, свѣчей горя,
Внимая пѣнью далекихъ струнъ.

Воспоминанье поетъ хоралъ,
Сомкнулись тѣни высокихъ пальмъ.
Ты привидѣнье, ты задремалъ,
Ты тѣнь на тѣни взнесенныхъ пальмъ.

МЕРЕЖА.

Сонный дроздъ, моимъ разбуженъ шагомъ,
Просвирѣлилъ птичій зовъ-вопросъ.
Я мечтой склонился къ старымъ сагамъ.

Духъ ушелъ на сказочный откосъ.
Тихій гулъ промчался по оврагамъ,
Вихрь пришелъ, и вѣсть душѣ принесъ.

ЛУННЫЙ КОВЕРЪ.

Она спросила прихотливо:—
„Зачѣмъ ты любишь такъ Луну?"
Я отвѣчалъ:—„Она красива.
И такъ бывало въ старину,
Что всѣ влюбленные—влюблялись
И въ ту, чьимъ сердцемъ расцвѣчались,
И вмѣстѣ съ ней еще въ Луну."
Она сказала:—„Я ревную."
Я отвѣчалъ ей:—„Что-жь, ревнуй.
Я-жь занавѣску расписную
Тебѣ сотку,—и поцѣлуй
Любовь намъ расцвѣтитъ двойную."
Еще какой-то мнѣ укоръ
Она измыслить захотѣла.
Но я сказалъ:—„Пустое дѣло."
И, прекративши съ нею споръ,
Ей лунный сталъ я ткать коверъ.

КОГДА-ТО.

Вѣтви зеленыя брошены въ воду,
Къ мирному ты прибываешь народу.
— Отдыхъ дай кораблю.—

Хочешь объятій, ты хочешь лобзаній?
Женщины—вотъ. Притаились въ туманѣ.
— Шепчутъ тебѣ „Люблю."—

Чаща зеленая. Смуглыя жены.
Съ бѣлымъ и бѣлымъ. Забыты препоны.
— Все-жь возвращаться часъ.—

Въ часъ возвращенія, ссора минутки.
Выстрѣлы. Камни. Ужь тутъ не до шутки
— Всѣхъ истребимъ мы васъ!—

Пули спугнуть не могли смуглоликихъ.
Радость сраженія въ сердцѣ у дикихъ.
— Пляшутъ въ рукахъ пращи.—

Скрылись безумцы, что ждали добычи.
Вслѣдъ кораблю словно клекотъ былъ птичій:—
— Островъ иной ищи!—

ЖЕМЧУГА.

Тонга-Табу и Самоа—двѣ жемчужины морей.
Тонга-Табу—круглый жемчугъ въ просвѣтлѣньи изумруда,
А Самоа—жемчугъ длинный въ осіяньи янтарей.
Но и Тонга и Самоа—только сказка, только чудо.

И не знаешь, гдѣ блаженство ты, плывя, найдешь скорѣй,
То плѣняетъ Тонга-Табу, то влечетъ къ себѣ Самоа.
Такъ отъ острова на островъ я стремлюсь среди морей,
И пловучею змѣею по волнѣ скользитъ каноа.

ДРЕВО ГРУСТИ.

На прибрежьи, въ яркомъ свѣтѣ,
Подошла ко мнѣ она,
Прямо, близко, какъ Весна,
Какъ подходятъ къ дѣтямъ дѣти,
Какъ скользитъ къ волнѣ волна,
Какъ проходитъ въ нѣжномъ свѣтѣ
Новолунняя Луна.

Подошла, и не спросила,
Не сказала ничего,
Но внушающая сила,—
Лучъ до сердца моего,—
Приходила, уходила,
И меня оповѣстила,
Что, сліянные огнемъ,
Вотъ мы оба вмѣстѣ въ немъ.

„Какъ зовутъ тебя, скажи мнѣ?“
Я довѣрчиво спросилъ.
И, горя во вспѣвномъ гимнѣ,
Валъ прибрежье оросилъ.
Какъ просыпанное просо,
Бисеръ, нитка жемчуговъ,—
Смѣхъ, смѣшинки, смѣхъ безъ словъ,
И отвѣтъ на всклинкъ вопроса,
Слово нѣжной, юной: „Тосо!“
Самоанское: „Вернись!“

Имя—обликъ, имя—жало.
Звѣзды много разъ зажглись,
Все-жь, какъ сердце задрожало,
Слыша имя юной, той,
По-іюньски золотой,
Такъ дрожитъ оно донынѣ,
Въ этой срывчатой пустынѣ
Некончающихся дней,
И поетъ, грустя о ней.

Въ волосахъ у юной вѣтка
Съ голубымъ была огнемъ,
Цвѣтикъ съ цвѣтикомъ, какъ сѣтка
Синихъ пчелъ, сплетенныхъ сномъ.
Тосо вѣтку отдала мнѣ,
Я колечко ей надѣлъ.
Шелъ приливъ, игралъ на камнѣ,
Стаи рыбъ, какъ стаи стрѣлъ,
Уносились въ свой предѣлъ.

Эта вѣтка голубая,—
Древо Грусти имя ей,
Тамъ, гдѣ грусть лишь гостья дней,
Тамъ, гдѣ Солнце, засыпая,
Не роняетъ на утесъ
Блѣдныхъ росъ, и въ душу слезъ,
Тамъ, гдѣ Бездна голубая
Золотымъ велѣла быть,
Чтобы солнечно любить.

ФИДЖИ.

Послѣдній оплотъ потонувшей страны,
Что въ синихъ глубинахъ на днѣ.
Какъ крѣпость, излучины горъ сплетены
Въ начальномъ узорчатомъ снѣ.

Утесъ за утесомъ—изваянный взрывъ,
Застывшій навѣкъ водометъ,
Базальта и лавы взнесенный извивъ,
Вѣка здѣсь утратили счетъ.

Гигантовъ была здѣсь когда-то игра,
Вулканы метали огонь.
Но витязь Небесный промолвилъ—„Пора“,
И бѣлый означился конь.

Онъ медленно шелъ отъ ущербной Луны
По скатамъ лазурныхъ высотъ,
И дрогнули башни великой страны,
Спускаясь въ глубинности водъ.

Сомкнулась надъ алой мечтой синева,
Лишь Фиджи осталось какъ вѣсть,
Что сказка была здѣсь когда-то жива,
И въ грезѣ по-прежнему есть.

И черныя лица Фиджійцевъ нѣмыхъ,
И странный блестящій ихъ взоръ—
О прошломъ безгласно-тоскующій стихъ,
Легенда сомкнувшихся горъ.

ПРАЗДНИКЪ МИГА.

Въ Новой сказочной Гвинеѣ
У мужчинъ глаза блестящи,
И у женщинъ, умудренныхъ
Пѣньемъ крови, жарокъ взоръ.
Быстры дѣвушки, какъ змѣи,
Помню рощи, помню чащи,
Тишь лагунъ отъединенныхъ,
Съ милой срывный разговоръ.

О, восторгъ согласной сказки,
Зыбь зажженной Солнцемъ дали,
Мысль, которой нѣтъ предѣла,
Пирамиды дикихъ горъ.
Грудки нѣжной Папуаски
Подъ рукой моей дрожали,
Тѣло смуглое горѣло,
Подошла любовь въ упоръ.

Мы давно молились счастью,
И бѣжавъ отъ глазъ блестящихъ,
Отъ очей бѣжавъ станицы,
Слили вольныя сердца.
Такъ другъ къ другу жаркой страстью
Были кинуты мы въ чащахъ,
Какъ летятъ другъ къ другу птицы,
Все извѣдать до конца.

Вотъ онъ, трепетъ настоящій,
Пѣнье крови, всѣмъ родное,
На высотахъ небосклона
Мысли Божьяго лица.
Солнца глазъ, огнемъ глядящій,
И въ крылатой ласкѣ двое,
Два парящихъ фаэтона,
Два горячіе гонца.

НОВОЛУНЬЕ.

Пальмы змѣино мерцаютъ въ ночи,
Новая свѣтитъ побѣдно Луна,
Бѣлые тянутся съ неба лучи,
Въ сердцѣ размѣрно поетъ тишина.

Тихо качаю златую мечту.
Нѣжность далекая, любишь меня?
Тонкія струны изъ свѣта плету,
Сердце поетъ, все тобою звеня.

Я отдалился за крайность морей,
Смѣло довѣрился я кораблю.
Слышишь ли, счастье, душою своей,
Какъ я тебя безконечно люблю!

УПЛЫВАЕТЪ КОРАБЛЬ.

Уплываетъ корабль, уплываетъ, возставая на дальней чертѣ,
И прощально печаль мнѣ свѣваетъ, оставляя меня въ темнотѣ.
Въ полутьмѣ, озаренной по скатамъ и ростущей изъ впадинъ холмовъ,
Онъ уплылъ, осіянный закатомъ, уходя до иныхъ береговъ.

Вотъ онъ срѣзанъ водой вполовину. Вотъ ужь мачты содвинулись внизъ.
Вотъ ужь мачты маячатъ чуть зримо. Съ воскуреньями дыма слились.
Онъ уплылъ. Онъ ушелъ. Не вернется. Надъ вспѣненной я стыну волной.
Чѣмъ же сердце полночно зажжется? Или мертвой ущербной Луной?

„ТОФА!“

Прощальный маршъ играютъ въ безконечности,
Ты слышишь ли его?
Я слышу. Да. Прости, мои безпечности.
Погасло торжество.

Ушелъ отъ насъ въ ликующей багряности,
Намъ радостный пожаръ.
Онъ скрылся тамъ, безъ насъ, въ безвѣстной пьяности,
Влюбленно-алый шаръ.

И мы слѣдимъ въ сѣдѣющей туманности,
Гдѣ сладко такъ „Люблю“,
Чтобъ въ вѣрный путь не впуталось нежданности
И намъ, и кораблю.

ДУХЪ ТРЕВОЖНЫЙ.

Мной владѣетъ жаръ тревоги,
Онъ ведетъ мою мечту.
Люди медлятъ на порогѣ,
Я сверкаю на лету.

Мной владѣетъ духъ тревожный,
Ранитъ, жалитъ, гонитъ прочь.
Мигъ касанья — праздникъ ложный,
Тутъ нельзя душѣ помочь.

Манитъ берегъ неизвѣстный,
Восхотѣвшій досягнулъ:—
Міръ широкъ былъ — сталъ онъ тѣсный.
Замеръ Моря дальній гулъ.

Въ путь, морякъ. Въ иныя страны.
Стань, глядящій, у руля.
Сказку ткутъ въ моряхъ туманы.
Свѣжесть въ скрипахъ корабля.

Это я водилъ круженья
Финикійскихъ кораблей,
И людскія достиженья
Разбросалъ среди морей.

Скандинавскіе драконы,
Бороздившіе моря,
Я, презрѣвшій всѣ законы,
Велъ, какъ день ведетъ заря.

Мной живутъ въ Океаніи
Вырѣзные острова,
Мной живутъ пути морскіе,
Только мною жизнь жива.

ПРАЗДНИКЪ ВОСХОДА СОЛНЦА.

Семь острововъ ихъ, кромѣ Мангайи,
Что̀ означаетъ Покой,
Семь разноцвѣтныхъ свѣтятся Солнцу,
Въ синей лагунѣ морской.
Въ сине-зеленой, въ нѣжно-воздушной,
Семь поднялось острововъ.
Взрывомъ вулкановъ, грезой коралловъ,
Тихимъ рѣшеньемъ вѣковъ.
Строятъ кораллы столько мгновеній,
Сколько найдешь ихъ въ мечтѣ,
Мыслятъ вулканы, сколько желаютъ,
Копятъ огонь въ темнотѣ.
Строятъ кораллы, какъ строятся мысли,
Смутной дружиной въ умѣ.
Въ глубяхъ пророчутъ, тихо хохочутъ,
Медлятъ вулканы во тьмѣ.
О, какъ вѣтвисты, молча рѣчисты,
Вьются кораллы въ мечтѣ.
О, какъ хохочутъ, жгутъ и грохочутъ
Брызги огней въ высотѣ.
Малые сонмы сдѣлали дѣло,
Жерла разрушили темь.
Силой содружной выстроенъ островъ,
Цѣлый вѣнецъ ихъ,—ихъ семь.

Семь острововъ ихъ, кромѣ Мангайи,
Что̀ означаетъ Покой.
Самый могучій изъ нихъ—Раротонга,
Западно-Южный Прибой.
Рядомъ—Уступчатый Сонъ, Ауау,
Ставшій Мангайей потомъ,
Сказкой Огня онъ отмѣченъ особо,
Строилъ здѣсь Пламень свой домъ.
Аитутаки есть Богомъ ведомый,
Атіу—Старшій изъ всѣхъ.
Мауки—Край Первожителя Міра,
Край, гдѣ родился нашъ смѣхъ.
Ликъ Океана еще, Митіаро,
Мануай—Сборище птицъ.
Семь въ полнопѣвныхъ напѣвахъ прилива
Нѣжно-зеленыхъ станицъ.
Каждый тотъ островъ—двойной, потому что
Двое построили ихъ,
Двѣ ихъ замыслили разныя силы,
Въ риѳмѣ сдвояется стихъ.
Тѣло у каждаго острова зримо,
Словно пропѣтое вслухъ,
Съ тѣломъ содружный, и съ тѣломъ раздѣльный,
Каждаго острова духъ.
Тѣло на зыбяхъ, и Солнцемъ согрѣто,
Духу колдуетъ Луна,
Въ Краѣ живутъ Тѣневомъ привидѣнья,
Скрытая это страна.
Тѣло означено именемъ здѣшнимъ,
Духамъ—свои имена,
Каждое имя чаруетъ какъ Солнце,
И ворожитъ какъ Луна.
Первый въ Краю Привидѣній есть Эхо,
И Равновѣсный—второй.
Третій—Гирлянда для пляски съ цвѣтами,
Нѣжно-пахучій извой.

Птичій затонъ—такъ зовется четвертый,
Пятый—Игра въ барабанъ,
Духъ же шестой есть Обширное войско,
Къ бою раскинутый станъ.
Самый причудливый въ дѣйствіи тайномъ,
Самый богатый—седьмой,
Съ именемъ—Лѣсъ попугаевъ багряныхъ,
Въ жизни онъ самый живой.

Семь этихъ духовъ, семь привидѣній,
Бодрствуя, входятъ въ семь тѣлъ.
Море покличетъ, откликнется Эхо,
Западъ и Югъ загудѣлъ.
Все же уступчатый островъ Мангайя
Слыша, какъ шепчетъ волна,
Свѣты качаетъ въ нѣмомъ равновѣсьи,
Мудрая въ немъ тишина.
Эхо проносится дальше, тревожа
Нѣжно-пахучій извой,
Юные лики одѣлись цвѣтами,
Въ пляскѣ живутъ круговой.
Пляска, ведомая богомъ красивымъ,
Рушится въ Птичій Затонъ,
Смѣхи, купанье, и всклики, и пѣнье,
Клекотъ, и ласки, и стонъ.
Въ Морѣ буруны, угрозныя струны,
Волны какъ вражескій станъ.
Войско на войско, два войска обширныхъ,
Громко поетъ барабанъ.
Только въ Лѣсу Попугаевъ Багряныхъ
Кликъ, перекликъ, пересмѣхъ.
Эхо на эхо, все стонетъ отъ смѣха,
Радость повторна для всѣхъ.
Только Мангайя въ дремотѣ безгласной
Сказкѣ Огня предана.
Радостно свиты въ ней таинствомъ Утра
Духовъ и тѣлъ имена.

2.

Ключъ и Море это—двое,
Хоръ и голосъ это—два.
Звукъ—одинъ, но всѣ слова
Въ Море льются хоровое.

Хоръ запѣваетъ,
Голосъ молчитъ.

„Какъ Небеса распростертыя,
Крылья раскинуты птицъ
Предупреждающихъ.
Въ нихъ воплощеніе бога.
Глянь: ужь вторые ряды, ужь четвертые.
Сколько летитъ вереницъ,
Грозно-блистающихъ.
Полчище птицъ.
Кровью горитъ ихъ дорога.
Каждый отъ страха дрожитъ, заглянувъ,
Длинный увидя ихъ клювъ.“

Хоръ замолкаетъ,
Голосъ поетъ.

„Клювъ, этотъ клювъ! Онъ изогнутый!
Я птица изъ дальней страны,
Избранница.
Предупредить прихожу,
Углемъ гляжу,
Вѣщіе сны
Мной зажжены,
Длинный мой клювъ и изогнутый.
Остерегись. Это—странница.“

Хоръ запѣваетъ,
Голосъ молчитъ.

„Всѣ мы избранники
Всѣ мы избранницы,
Солнца мы данники,
Лунныя странницы.
Клювъ, онъ опасенъ у всѣхъ.
Волны грызутъ берега.
Счастье бѣжитъ въ жемчуга.
Радость жемчужится въ смѣхъ.
Лунный свѣтильникъ, ты свѣтишь Мангайѣ,
Утро съ Звѣздой, ты отвѣтишь Мангайѣ
Солнцемъ на каждый вопросъ."

Хоръ замолкаетъ,
Голосъ поетъ.

„Вѣтеръ по небу румяность пронесъ.
Встаньте всѣ прямо,
Тайна ушла!
Черная яма
Ночи свѣтла!
Ликъ обратите
Къ рожденію дня!
Люди, глядите
На сказку Огня!"

Хоръ запѣваетъ,
Голосъ молчитъ.

„Шорохи крылъ все сильнѣй.
Птица, лети на Востокъ.
Птица, къ Закату лети.
Воздухъ широкъ.
Всѣ на пути.
Много путей.
Всѣ собирайтесь сюда."

Хоръ замолкаетъ,
Голосъ поетъ.

„Звѣзды летятъ. Я лечу. Я звѣзда.
Сердце вскипаетъ.
Мысль не молчитъ."

Хоръ запѣваетъ,
Голосъ звучитъ.

„Свѣтлыя нити лучей все длиннѣе,
Горъ крутоверхихъ стѣна все яснѣе.
Вотъ Небосклонъ
Солнцемъ пронзенъ.
Въ звѣздахъ еще вышина,
Нѣженъ, хоть четокъ
Утренній вздохъ.
Медлитъ укрыться Луна.
Онъ еще кротокъ,
Яростный богъ.
Солнце еще—точно край
Ужъ уходящаго сна.
Сумракъ, прощай.
Мчитъ глубина.
Спавшій, проснись.
Мы улетаемъ, горя.
Глянь на высоты и внизъ.
Солнце—какъ огненный шаръ.
Солнце—какъ страшный пожаръ.
Это—Заря."

АТОЛЛЫ.

Атоллы зеленые,
Омытая утромъ росистымъ гора,
Въ снѣ сказочномъ.

Атоллы-оазисы,
Въ лазурной—и нѣтъ—въ изумрудной водѣ,
Взнесенные.

Кораллы лазурные,
И бѣлые-бѣлые диво-лѣса,
Подводные.

Кораллы пурпурные,
Строители храмовъ безвѣстныхъ глубинъ,
Скрѣпители.

Атоллы-вѣщатели,
Связавшіе тайность и явность Земли,
Въ ихъ разности.

Изъ бездны изведшіе
Потонувшихъ въ глубинахъ на вольную высь,
Для счастія.

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО.

Корми — какъ Земля кормитъ, учи—какъ Земля учитъ, люби—какъ Земля любитъ.

Русская поговорка.

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО.

Изъ золотого яйца,
    Чуть разобьются скорлупы,
Солнце выходитъ въ нашъ міръ.

Жизнь молода безъ конца,
    Вовсе не мертвые—трупы,
Въ травахъ готовится пиръ.

Свадебно вспыхнутъ цвѣты,
    Взорамъ открыты расцвѣты,
Сердце—горячій цвѣтокъ.

Милая, слышишь ли ты?
    Всѣмъ есть вопросамъ отвѣты,
Стебли зажгли намъ намекъ.

ЧЕТВЕРО СВѢТЛЫХЪ.

Полдень и Полночь, Заря и Закатъ.
Было ихъ, свѣтлыхъ, четыре.
Утромъ Заря поднимала набатъ,
Счастью звонила быть въ мірѣ.

Въ мантіи огненной Западный братъ
Ей откликался вечерней.
Кровь проливать для желанной былъ радъ,
Вилъ онъ гирлянды изъ терній.

Полдень всегда устремлялся на Югъ,
Нѣжилъ зеленые стебли.
Быстрымъ потокомъ прорѣзавши лугъ,
Былъ тамъ онъ въ радости гребли.

Полночь ковала серебряный кругъ
Изъ непослушныхъ свѣтлянокъ.
И, набросавъ звѣздоогненныхъ дугъ,
Къ Пламеннымъ шла спозаранокъ.

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕРЕМЪ.

На самомъ краѣ свѣта,
Гдѣ красный пламень, Солнце,
Изъ синей Бездны всходитъ,
Какъ утренній цвѣтокъ,—
Есть теремъ златоверхій,
На немъ четыре башни,
На башнѣ по оконцу,
У каждой есть глазокъ.

Одно оконце красно,
Какъ красная калина,
Другое голубое,
Какъ утромъ небеса,
И третье бѣлоснѣжно,
Какъ самый бѣлый бархатъ,
Четвертое златое,
Какъ осенью лѣса.

И подъ оконцемъ бѣлымъ
Есть пташка первозимья,
Снѣгирь тамъ красногрудый,
Онъ оттепель зоветъ.
И надъ оконцемъ синимъ
Тамъ жаворонокъ звонкій,
Предъ золотымъ—синица,
А въ красномъ—кровь течетъ.

Въ томъ красномъ—все чудно́е,
Пѣтухъ поетъ про утро,
Огонь поетъ про счастье,
Придетъ, молъ, въ должный срокъ.
И изъ того оконца
Пожаромъ рвутся птицы,
И Солнце, пламень красный,
Возноситъ свой цвѣтокъ.

ДЕНЬ И НОЧЬ.

День кольцомъ и Ночь колечкомъ
Покатились въ міръ,
Къ этимъ малымъ человѣчкамъ,
На раздольный пиръ.
Ночь—колечко съ камнемъ луннымъ,
День—весь золотой.
И по гуслямъ сладкострунным
Звонъ пошелъ литой.
Льется, льется День златистый,
И смѣется Ночь.
Отъ людей огонь лучистый
Не уходитъ прочь.
День и Ночь, смѣясь, сказали:—
„Вотъ покажемъ имъ."
Въ свѣтломъ пиршественномъ залѣ
Коромысломъ дымъ.
Мѣсяцъ въ Небѣ, въ Небѣ Солнце,
Свѣты пить такъ пить.
На завѣтномъ веретенцѣ
Все длиннѣе нить.
Мѣсяцъ тутъ,—но не приходитъ
Съ круторогимъ Ночь.
Солнце тутъ,—и не уходитъ
День стоокій прочь.
Два кольца играютъ въ свайку,
Годъ безъ перемѣнъ.
Ходитъ лучъ, пускаетъ зайку,
Зайчика вдоль стѣнъ.

Зайчикъ солнечный сорвется
К полу съ потолка,
Вкось стрѣльнетъ и улыбнется,
Жизнь ему легка.
Взоръ слѣпитъ онъ... „Злой ты зайчикъ,
Убирайся прочь.
Въ дѣтскій спрячься ты сарайчикъ,
И зови къ намъ Ночь."
Ночь катается колечкомъ,
День бѣжитъ кольцомъ.
Пиръ не въ радость человѣчкамъ,
Все у нихъ—съ концомъ.
А по гуслямъ, словно въ чудѣ,
Звонкая игра.
И въ слезахъ взмолились люди:—
„Будетъ. Спать пора."

Если люди даже въ чудѣ
Видятъ боль сердецъ,
Пусть и въ звонѣ-самогудѣ
Будетъ имъ конецъ.
День и Ночь сейчасъ плясали
Вмѣстѣ возлѣ насъ,—
Вотъ ужь Ночь въ высокой дали,
Вотъ ужь День погасъ.
Перстень златъ сталъ весь чугуннымъ,—
Тутъ ужь какъ помочь.
И колечко съ камнемъ луннымъ
Укатилось прочь.

НАДЪ РАЗЛИВНОЙ РѢКОЙ.

Я видѣлъ всю Волгу, отъ капель до Каспія,
Я видѣлъ разлившійся Нилъ,
Что грезитъ доднесь—и навѣкъ—Фараонами,
Синѣя межь царскихъ могилъ.

Я видѣлъ въ Америкѣ рѣки кровавыя,
И черные токи воды,
Я знаю, что въ Майѣ есть рѣки подземныя,
Которымъ не нужно звѣзды.

Оку полюбилъ я, съ Ильею тѣмъ Муромцемъ,
Когда я влюбленъ былъ и юнъ,
И завтра на Гангѣ увижу я лотосы,
Тамъ гряну всезвонностью струнъ.

Но странно Судьбою прикованный къ Франціи,
Я сѣрую Сену люблю,
И духомъ идя до отчизны покинутой,
Я тамъ—засыпаю—я сплю.

Я сплю лунатически, сномъ ясновидящимъ,
И вижу разрывы плотинъ,
И слышу журчаніе волнъ нерасчисленныхъ,
И звонъ преломленія льдинъ.

ОТЪ ПОКОЯ ДО ПОКОЯ.

Я тебѣ построю теремъ далеко отъ мглы людской,
Изъ павлиньихъ перьевъ домикъ на равнинѣ на морской.
И отъ Моря до покоевъ будетъ лѣстницъ тамъ игра,
Днемъ ступени золотыя, по ночамъ изъ серебра.

Много будетъ полукруглыхъ изумрудныхъ тамъ оконъ,
И опаловый надъ Моремъ высоко взойдетъ балконъ.
И еще тамъ будетъ башня изъ гранатовыхъ камней,
Чтобъ на этотъ макъ взнесенный Зори глянули яснѣй.

Отъ покоя до покоя мы съ неспѣшностью пойдемъ,
Будутъ радуги свѣтить намъ, воздвигаясь надъ дождемъ.
И на всемъ безбрежномъ Морѣ засвѣтлѣетъ бирюза,
Увидавъ, что сердце любитъ, и глаза глядятъ въ глаза.

А КРОВЬ?

А кровь? А кровь? Она течетъ повсюду.
И это есть разлитіе Зари?
Душа, терзаясь, хочетъ вѣрить чуду.
Но нѣжныхъ словъ сейчасъ не говори.

Я чувствую жестокую обиду.
Я слышу вопль голодныхъ матерей.
И какъ же я въ свое блаженство вниду,
Когда есть боль вкругъ радости моей?

Все жь вѣдаю, что радость неизбѣжна.
Но отъ лучей да подѣлюсь огнемъ.
Склоняюсь къ темнымъ. Горько мнѣ и нѣжно.
О, боль души! Замолкнемъ и уснемъ.

ПОГОРѢЛИ.

Голодали. Погорѣли.
Въ блѣдномъ тѣлѣ крови нѣтъ.
Завертѣлись мы въ мятели,
Въ воѣ взвихренныхъ примѣтъ.

Мы остывшіе блуждали
Вдоль замерзшихъ деревень.
Видишь вьюгу въ снѣжной дали?
Это нашъ посмертный день.

Голодая, мы заснули,
Былъ напрасенъ крикъ: „Горимъ!“
Дымъ и пламень, въ дикомъ гулѣ,
Пепломъ кончились сѣдымъ.

Голодать ли? Погорѣть ли?
Лучше-ль? Хуже-ль? Все равно.
Изъ чего ни свей ты петли,
Жалкимъ гибнуть суждено.

Отгорѣла гарь недуга.
Пламень гибнущихъ пожралъ.
Вотъ, намъ вольно. Вьюга! Вьюга!
Пляшетъ снѣжно старъ и малъ.

Часъ и твой придетъ послѣдній.
Дай, богатый. Сыпь хоть мѣдь.
Не откупишься обѣдней.
Нужно будетъ умереть.

БЕЗЪ ПРЕДѢЛА.

Снѣжная равнина безъ предѣла.
По краямъ все лѣсъ и лѣсъ и лѣсъ.
Почему такъ стынетъ это тѣло?
Отчего напрасно ждешь чудесъ?

Черныя и сѣрыя деревни.
Зябкое, голодное лицо.
Отчего тотъ голодъ, страшный, древній?
Кто сковалъ желѣзное кольцо?

Бѣлая равнина безъ предѣла.
Льнетъ мятель, снѣжинками шурша.
Отчего такъ сердце онѣмѣло?
Какъ же въ плѣнъ попала ты, душа?

ГІЕРОГЛИФЫ.

Удѣлъ мой начертилъ гіероглифы мысли,
Такой узорчатой, что цѣлый міръ въ ней слилъ.
Россію вижу я. Туманы тамъ нависли.
И тѣни мстительно тамъ бродятъ вкругъ могилъ.

Но странно-радостно мнѣ въ горечи сердечной.
Я мыслью — въ золотомъ: Тамъ, въ юности моей.
Какъ я страдалъ тогда. Былъ въ пыткѣ безконечной.
Я Смерть къ себѣ призвалъ, и велъ бесѣду съ ней.

Но Смерть сказала мнѣ, что жить еще мнѣ нужно,
Что въ испытаніяхъ — высокій путь сердецъ.
И свѣтелъ я съ тѣхъ поръ. Мечта моя жемчужна.
Я знаю — Ночь долга, но Зори вьютъ вѣнецъ.

ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ.

Каждый день, по утрамъ, по опушкѣ лѣсной,
Я одинъ прохожу, лишь поля предо мной.

Каждый день, ввечеру, близь плакучихъ березъ,
Я въ душѣ проношу закипанія слезъ.

Неоглядная ширь. Непостижная тишь.
Я горѣлъ. Я пришелъ. Почему-жь ты молчишь?

Ты, моя, не моя. Ты родимая мать.
Но съ тобой не могу я медлительно ждать.

Но съ тобой не могу быть въ безславныхъ бояхъ,
Потому что въ крылахъ есть могучій размахъ.

Всѣ твои сыновья это братья мои.
Всѣ! И воръ, и злодѣй! Всѣхъ кажи! Не таи!

Но, родимая мать, какъ палачъ палачу,
Буду брату въ борьбѣ! Палача—не хочу!

И убить не хочу. Но и быть не хочу
Тамъ, гдѣ вольно нельзя быть дневному лучу.

Я крылатый твой сынъ, я пѣвучій пѣвецъ,
Я восторгомъ обжегъ много быстрыхъ сердецъ.

Ну и вотъ наконецъ... Вижу долю мою...
Я одинъ средь полей... И какъ нищій стою...

Помоги же мнѣ, мать! О, родимая мать!
Научи же меня, съ кѣмъ войну воевать.

А не хочешь войны, — а довольна собой, —
Отпусти же меня на просторъ голубой.

НОЧЬЮ.

Для каждаго есть возжеланье быть въ тихомъ покоѣ.
Для каждаго змѣемъ ползущимъ приходитъ чередъ.
Ужь скоро я буду свѣтиться какъ Солнце Ночное,
Какъ Мѣсяцъ багряный, когда онъ на убыль идетъ.

Ужь скоро туманы сплетутъ мнѣ сѣдые покровы,
И стебли согбенно холодную примутъ росу.
За лѣсомъ заснувшимъ скликаются зоркія совы,
Надъ темной трясиной я факелъ полночный несу.

ТѢ ЖЕ.

Тѣ же дряхлыя деревни,
Сѣрый пахарь, тощій конь.
Этотъ сонъ уныло-древній
Легкимъ говоромъ не тронь.

Лучше спой здѣсь заклинанье,
Или молви заговоръ,
Чтобъ окончилось стенанье,
Чтобъ смягчился давній споръ.

Эта тяжба человѣка
Съ неуступчивой землей,
Гдѣ рабочій, какъ калѣка,
Маетъ силу день деньской.

Годъ изъ года здѣсь невзгода,
И бѣда изъ вѣка въ вѣкъ.
Здѣсь жестокая природа,
Здѣсь обиженъ человѣкъ.

Этимъ людямъ злое снится,
Разумъ ихъ затянутъ мхомъ,
Спитъ, и развѣ озарится,
Ночью, краснымъ пѣтухомъ.

НА ОПУШКѢ.

Лугъ, золотой отъ весеннихъ цвѣтовъ.
Томные зовы печальной кукушки.
Скорую смерть повстрѣчать ты готовъ?
Трижды „Ку-ку“ пронеслось по опушкѣ.
Три мнѣ еще обѣщаетъ весны
Эта кудесница гулкаго лѣса.
Полно. Не нужно. Я видѣлъ всѣ сны.
Пусть поскорѣе сгустится завѣса.

ТОСКА.

По угламъ шуршатъ кикиморы въ дому,
По лѣсамъ глядятъ шишиморы во тьму.
Въ тѣхъ — опара невзошедшая густа,
Эти — бѣлыя, туманнѣе холста.

Клѣть встревожена, чудитъ тамъ домовой,
Ужь доложено: Молъ, будешь самъ не свой.
Не уважили, нехватка овсеца,
И попляшетъ вашъ коняга безъ конца.

Челку знатно закручу ему винтомъ,
И надъ гривой пошучу, и надъ хвостомъ.
Утромъ глянете, и какъ бѣдѣ помочь,
Лошадь въ мылѣ, точно ѣздила всю ночь.

Въ поле выйдешь, такъ бы вотъ и не глядѣлъ.
Словно на смѣхъ. И надѣлъ какъ не надѣлъ.
На околицѣ два бѣса подрались,
Двѣ гадюки подколодныя сплелись.

А придетъ еще отъ лѣшаго тоска,
Хватишь водки на четыре пятака.
Ну, шишиморы, пойду теперь въ избу.
Ну, кикиморы, въ избѣ какъ есть въ гробу.

БѢЛЫЯ БЕРЕЗЫ.

Эти бѣлыя березы
Хороши.
Хороши.
Гдѣ-жь мой милый? Въ сердцѣ слезы
Утиши.
Поспѣши.
Или больше онъ не хочетъ?
И алмазъ
Мой погасъ?
Вотъ кукушка мнѣ пророчитъ
Близкій часъ.
Смертный часъ.
Или нѣтъ мнѣ поцѣлуя?
Милый мой!
Милый мой!
Если изъ лѣсу пойду я, —
Не домой.
Не домой.
Быть съ тобою, или въ землю.
Тамъ, въ сырой,
Пламень скрой.
Тамъ, въ могилѣ, тайну скрою,
Милый мой!
Милый мой!

ВОДОВЕРТЬ.

Въ водокрути, въ водоверти,
Пляшутъ вѣдьмы, скачутъ черти.
Разступись-ка, водокруть,
Дай въ тебя мнѣ заглянуть.

Я среди людей бывала,
Знаю разныхъ лицъ немало.
Истомилась тамъ, смотря,
Что-жь мнѣ медлить въ мірѣ зря.

Вотъ, я здѣсь еще дѣвица,
Но иныя вижу лица.
Покрутитесь предо мной,
Буду Дьяволу женой.

Мнѣ наскучило людское,
Предо мной пляшите вдвое.
Закрутись, моя душа,
Пляска въ полночь хороша.

Мчитесь въ пропасть, лица, лица,
Я вѣнчанная царица.
Отъ людей хоть прямо въ Смерть,
Замыкайся водоверть.

СЛОВО.

От Моря до Моря другого,
От воды до великой воды,
Смутьянило мертвое слово
Не пѣсню рождало, а льды.

Бродило какъ будто благое,
Ходило какъ вольная вѣсть.
„Пребудьте въ могильномъ покоѣ.
Молчите. Вамъ нечего ѣсть.

„Молчите. За васъ въ говорильнѣ
Къ словамъ громоздятся слова.
Могильнѣе. Тише. Могильнѣй.
Стелитесь, какъ въ вѣтрѣ трава."

Такъ тѣшится мертвое слово,
Не чуя грядущей бѣды.
Отъ Моря до Моря другого,
Отъ воды до великой воды.

СКИѲЪ.

Мѣрю степь единой мѣрою,
Бѣгомъ быстраго коня.
Прахъ взмету, какъ тучу сѣрую.
Гдѣ мой врагъ? Лови меня.

Степь — моя. И если встрѣтится
Скиѳу житель чуждыхъ странъ,
Кровью грудь его отмѣтится.
Палъ — и строй себѣ курганъ.

У меня — броня старинная,
Мечъ прямой и два копья,
Тетива на лукѣ длинная,
Стрѣлъ довольно. Степь — моя.

Ликъ коня, прикрытый бляхами,
Блескомъ грифовъ, птицъ, и змѣй,
Ослѣпитъ огнемъ и страхами
Всѣхъ враговъ меты моей.

А мета моя — высокая,
Византiйская княжна,
Черноокая, далекая,
Будетъ мнѣ мечомъ дана.

Полетимъ какъ два мы сокола.
Звонъ бубенчиковъ, трезвонь.
Кто вдали тамъ? Кто здѣсь около?
Прочь съ пути! Огонь не тронь!

ДВА СОКОЛА.

Бѣлый соколъ, свѣтлый соколъ, онъ отецъ,
Сѣрый соколъ, соколица, — это мать.
Свѣтлый соколъ, клювъ и когти — въ глубь сердецъ,
Онъ когтями такъ умѣетъ обнимать.

Бѣлый соколъ, сильный соколъ, солнцеокъ,
Сѣрый соколъ, темный соколъ — въ глубь гнѣзда.
Свѣтлый соколъ, твой полетъ въ лучахъ высокъ,
Темный соколъ, надъ тобой во тьмѣ звѣзда.

СТЕПЬ.

Я иду, иду. Всюду степь и степь.
Небо шлетъ звѣзду. Упадетъ за степь.
Небо шлетъ еще. Свѣтъ умретъ въ пути.
Этотъ звѣздный счетъ мнѣ-ль умомъ пройти!

Я пою себѣ: Духъ смутьянъ, свирѣпъ.
Говорю себѣ: Да порви же цѣпь.
День уходитъ въ тѣнь. Всюду степь и степь.
Ночь уходитъ прочь. Не проходитъ степь.

ВЪ СТЕПЯХЪ.

Здѣсь мы бродимъ на степи. Говоримъ себѣ: Терпи.
Говоримъ себѣ мы: Спи. Сонъ — спасеніе въ степи.

Здѣсь мы веселы тогда, — лишь тогда, когда мы пьяны.
Разрушаемъ ровность дней,—лишь какъ строимъ мы курганы.

Здѣсь напрасно смотритъ глазъ. Ищетъ, ищетъ, — гаснутъ силы.
Ровность степи давитъ насъ. Здѣсь высоки лишь могилы.

Такъ и бродимъ по степямъ. Тѣломъ здѣсь, а сердцемъ тамъ.
Кто въ степяхъ поможетъ намъ? Такъ и бродимъ по степямъ.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ.

Я одинъ на волѣ,
Перекати-поле.
Пляшетъ, скачетъ шаръ-клубокъ.
Корни дуба крѣпки,
Мнѣ ни въ чемъ зацѣпки.
Путь свободенъ, міръ широкъ.

У иного сила
Вся ушла въ стропила,
Какъ гробницу строитъ домъ.
Мнѣ иная доля —
Перекати-поля:—
Хочешь воли, такъ уйдемъ.

КОГДА ЖЕ?

Когда же онъ, тотъ безъимянный кто-то,
Кто въ наши незапамятные дни
Лѣсъ побѣдилъ и выкорчевалъ пни, —
Кому земля отрада и забота,
Кто былъ кормильцемъ темнымъ искони, —
Когда же онъ, кто вѣдалъ гнетъ безъ счета,
И самъ, другимъ кормилецъ, голодалъ, —
Когда же онъ узнаетъ дни иные?
Я жду. Молюсь. И пусть я слабъ и малъ,
Моя молитва въ выси неземныя
Идетъ какъ крикъ. Я Небу говорю: —
Пошли же темнымъ яркую зарю.

ПОСЛѢ БУРИ.

Зеленовато-желтый мохъ
На чуть мерцающей берестѣ.
Паденье малыхъ влажныхъ крохъ,
Дождей отшедшихъ слабый вздохъ,
Какъ будто слезы на погостѣ.

О, этихъ пиршественныхъ бурь
Въ вѣтрахъ сметаемыя крохи!
Кривой плетень. Чертополохи.
Вся въ этомъ Русь! И, въ кроткомъ вздохѣ,
Самъ говорю себѣ: Не хмурь
Свой тайный ликъ. Молчитъ лазурь.
Но будетъ: Вновь мы кликнемъ громы,
И, въ небѣ рушась, водоемы,
Дождями ниву шевеля,
Вспоятъ обильныя поля.

ИГЛЫ-ИГОЛЬЧИКИ.

Стебель овса,
Это — краса
Нашихъ безбрежныхъ полей.
Иглы-игольчики,
Звонъ-колокольчики.
Небо, пошли намъ дождей!

Въ колосѣ ржи,
Возлѣ межи,
Шелестъ и шопотъ разслышь.
Нива зеленая,
Словно съ амвона, я
Слышу молитвы и тишь.

Хлѣбъ мой ржаной
Весь предо мной.
Солнце, пошли намъ огня!
Свѣтъ-колокольчики,
Иглы-игольчики,
Тѣшатъ, не колютъ меня.

Тихо звеня,
Кормъ для коня
Вызлатилъ ровность пустынь.
Съ желтыми нивами
Быть намъ счастливыми.
Колосъ да спѣетъ! Аминь!

КОЛОСЪ.

Колосъ полный, колосъ спѣлый, золотой,
Ты, возросшій изъ единаго зерна,
Ты, узорный, ты, рѣзной, и ты, литой,
Ты, дремотный, колосъ къ колосу — волна.

Зерна въ числахъ, звѣзды въ небѣ, нити сна,
Пряжа грезы, всходы радугъ, Млечный путь,
Какъ красива перекатная волна.
Вѣруй въ даль. Бѣги впередъ. Себя забудь.

РУСЬ.

Русь — русло рѣки всемірной,
Что дробится вновь, — и вновь
Единится въ возгласъ пирный:—
„Мигъ вселенскій приготовь!"

Русь — русло рѣки свободной,
Что, встрѣчая много странъ,
Тихо грезитъ зыбью водной:—
„Гдѣ окружный Океанъ?"

КАПЛЯ.

Семьюдесятью горлами,
Въ то море, во Хвалынское,
Втекаетъ Волга водная,
Что съ капли зачалась.
Семьюдесятью вѣтками,
Древа въ лѣсу могучія
До неба умудряются,
Да небо не про насъ.

По небу только молніи
Прорвутся и сокроются,
По небу только съ тучами
Проносятся орлы.
А мы съ землею связаны
Семьюдесятью связами,
И лишь слезой любовною
Какъ дымъ взойдемъ изъ мглы.

ЮРОДИВЫЙ.

Есть глубинное юродство
Голубиной чистоты,
Человѣка съ звѣремъ сходство,
Слитье въ цѣльность я и ты.
Всѣ со мною, все со мною,
Солнце, Звѣзды, и Луна,
Міръ я въ Церковь перестрою,
Гдѣ душѣ всегда слышна
Псалмопѣвчества струна.

Былъ одинъ такой прохожій
Схваченъ.—„Кто ты?"—„Божій сынъ."
„—Песій сынъ?"—„И песій тоже."
Въ этомъ краѣ Господинъ
Порѣшилъ, что онъ—безумный.
Отпустили. И во всѣхъ,
Средь толпы бездушно-шумной,
Вызывалъ слѣпой онъ смѣхъ.

Вотъ мужикъ надъ жалкой клячей
Измывается кнутомъ.
Тотъ къ нему:—„А ты-бъ иначе.
Подобрѣй бы со скотомъ."
„—Ты подальше, сынъ собачій",
Разсердившійся сказалъ.
Тотъ, лицомъ припавши къ клячѣ,
Вдругъ одну оглоблю взялъ,

И промолвилъ:—„Кнутъ не страшенъ,
Что-жь, хлещи ужь и меня.
Для телѣгъ мы и для пашенъ.
А тебѣ-то ждать огня."
И хлеставшій, удивленный,
Лошадь больше не хлесталъ.
Юродивый же, какъ сонный,
Что-то смутное шепталъ.
„— Если Богъ — отецъ превышній,
Всѣ мы — дѣти у Отца.
Въ Домѣ — всѣ, никто — не лишній.
Черви сгложутъ мертвеца.
Безъ червей намъ быть неможно,
Смерть придетъ, и жизнь придетъ.
Въ мірѣ шествуй осторожно,
Потому что пламень ждетъ.
Хоть червя здѣсь кто обидитъ,
Побывать тому въ Аду.
Кто же міръ какъ правду видитъ,
Въ сердце приметъ онъ звѣзду.
Онъ съ огнемъ въ душѣ здѣсь въ мірѣ,
Согрѣвая всѣхъ другихъ,
Смотритъ зорче, видитъ шире,
И поетъ какъ птица стихъ.
Если спросятъ: — Кто вамъ предки? —
Молвимъ: — Волны предки намъ,
Камни, звѣри, птицы, вѣтки.
Ходитъ вѣтеръ по струнамъ,
Дождь скопляется на камнѣ,
Птицѣ есть испить чего.
Сила вйдѣнья дана мнѣ,
Всюду вижу — Божество."

Такъ ходилъ тотъ юродивый
По базарамъ межь слѣпыхъ,
Въ сѣромъ рубищѣ — красивый,
Вѣчно добрый — между злыхъ.

Шла за нимъ вездѣ собака,
Съ нею жилъ онъ въ конурѣ.
И вѣщалъ: — „Вкусивши мрака,
Всѣ проснемся мы въ Зарѣ."

КАЛИКА ПЕРЕХОЖІЙ.

Я калика перехожій,
Я убогій богатырь.
Только съ нищимъ я несхожій,
Какъ и камень алатырь —

Не булыжникъ сѣроцвѣтный,
И не гость песковъ, голышъ,
Я пою мой стихъ завѣтный,
Я не крыса, я не мышь.

Крыса въ мірѣ — ликъ заразы,
Мышь дырявитъ полъ въ избѣ.
А мои слова — алмазы,
Мой удѣлъ — зарокъ Судьбѣ.

Если дѣвушкѣ пригожей
Вдругъ подъ сердце подошло, —
Я, калика перехожій,
Поколдую ей свѣтло.

Если духомъ никнетъ юный, —
Онъ воспрянетъ предо мной,
Увидавъ, какъ звонки струны,
Какъ горитъ струна струной.

Если старая и старый
Смотрятъ все на жизнь свою, —
Я имъ мудрость полной чарой
Словно пьяный медъ пролью.

Если чья судьба бездольна,
Я, калика, возвѣщу: —
Полно, братъ, и мнѣ вѣдь больно,
Жду весны — и не ропщу.

Я могучій, я увѣчный,
Ноги — скованы съ землей,
Духъ летитъ въ просторъ свой вѣчный.
Здравствуй, добрый! Здравствуй, злой!

НА ЯРМАРКѢ.

По проволокѣ зыбкой
Идетъ мой бѣлый братъ,
Смычокъ владѣетъ скрипкой,
Быть на землѣ я радъ.

Такъ жутко, что прекрасный
Проходитъ въ высотѣ.
Владѣя скрипкой страстной,
Веду скольженья тѣ.

Мелькаетъ блескъ алмазный
Подвижнаго кольца.
Владѣя сказкой связной,
Играю безъ конца.

И если на землѣ я,
А братъ мой въ вышинѣ,
Такъ это скрипка, млѣя,
Двоимъ поетъ во снѣ.

И если на землѣ я,
А братъ мой вышній духъ,
Такъ это сердце, рдѣя,
Ему диктуетъ вслухъ.

Скрестивъ кривыя ноги,
Струю напѣвный звонъ.
Въ воздушные чертоги
Уводитъ взоры онъ.

Я выгнулся волною,
Спиною горбуна.
О, братъ, иди за мною
О, братъ, нѣжна струна!

То вправо тѣнь, то влѣво,
То слѣва вправо свѣтъ.
Повѣрь въ слова напѣва,
Желаннѣй счастья нѣтъ.

Одно намъ было дѣтство,
Различность сновъ потомъ.
Раздѣльное наслѣдство
Въ единый сонъ сведемъ.

То влѣво свѣтъ, то вправо,
То справа влѣво тѣнь.
Насъ ждетъ вовѣки слава,
Собой меня одѣнь.

Вотъ самый звукъ блестящій.
Мой братъ, любимый братъ!
Пляшите, ноги, чаще,
Быть на землѣ я радъ.

Онъ завершилъ взнесенье,
Исчерпалъ пляску силъ.
И взлетъ внеся въ паденье,
Убился и убилъ.

КОЛЬЦО.

Она, умирая, закрыла лицо,
    И стала, какъ вьюга, бѣла,
И съ лѣвой руки золотое кольцо
    Съ живымъ изумрудомъ сняла,
И съ бѣлой руки роковое кольцо
    Она мнѣ, вздохнувъ, отдала.

„Возьми", мнѣ сказала, „и если когда
    Другую возьмешь ты жену,
Смотри, чтобъ была хороша, молода,
    Чтобъ въ домъ съ ней впустилъ ты весну,
Оттуда я счастье увижу тогда,
    Проснусь, улыбнусь, и засну.

И будешь ты счастливъ. Но помни одно: —
    Чтобъ впору кольцо было ей.
Такъ нужно, такъ должно, и такъ суждено.
    Ищи отъ морей до морей.
Хоть въ Море спустись ты на самое дно.
    Прощай... Ухожу... Не жалѣй..."

Она умерла, холодна и блѣдна,
    Какъ будто закутана въ снѣгъ,
Какъ будто волна, что бѣжала, ясна,
    О жесткій разбилася брегъ,
И вотъ вся застыла, зимѣ предана,
    Средь льдяныхъ серебряныхъ нѣгъ.

Бываетъ, что вдовый останется вдовъ,
    Бываетъ — зачахнетъ вдовецъ,
Иль просто пребудетъ одинъ и суровъ,
    Да придетъ — въ часъ должный — конецъ,
Но я былъ рожденъ для любви и цвѣтовъ,
    Я весь — въ расцвѣтаньи сердецъ.

И вотъ, хоть мечтой я любилъ и ласкалъ
    Увядшее въ Прошломъ лицо,
Я все же по міру ходилъ и искалъ,
    Кому бы отдать мнѣ кольцо,
Входилъ я въ лачуги и въ царственный залъ,
    Узналъ не одно я крыльцо.

И видѣлъ я много чарующихъ рукъ
    Съ лилейностью тонкихъ перстовъ,
И лютня любви свой серебряный звукъ
    Роняла мнѣ въ звоны часовъ,
Но вѣрной стрѣлой не отмѣтилъ мнѣ лукъ,
    Гдѣ свадебный новый покровъ.

Цвѣточныя стрѣлы вонзались въ сердца,
    И губы какъ розы цвѣли,
Но пальца не могъ я найти для кольца,
    Хоть многія сердце прожгли,
И я уходилъ отъ любви безъ конца,
    И близкое было вдали.

И близкое болью горѣло вдали.
    И гдѣ же бряцанье кадилъ?
Ужь сроки мнѣ въ сердце золу принесли,
    Ужь много я знаю могилъ.
Иль бросить кольцо мнѣ? Да будетъ въ пыли.
    И вотъ я кольцо уронилъ.

И только упалъ золотой изумрудъ,
Ушло все томленіе прочь,
И вижу, желанная близко, вотъ тутъ,
Насъ въ звѣзды окутала ночь,
И я не узналъ межь медвяныхъ минутъ,
Что это родимая дочь.

Когда же, съ зарею, Жаръ-Птица, свѣтла,
Снесла золотое яйцо,
Земля въ изумруды одѣта была,
Но глянуло мертвымъ лицо
Той новой, которая ночью нашла,
Что впору пришлось ей кольцо.

ШИШИМОРА.

I.

Шелъ я въ лѣсъ.
Ты послушай: Шелъ я — въ лѣсъ.
Въ лѣсѣ—Лѣшій.
Былъ я пѣшій.
Закрутился старый Бѣсъ.
Тамъ и тутъ,
Прямо шутъ.
Весь зеленый и сѣдой,
Съ распушною бородой.
Покривлялся, покачался, засмѣялся, и исчезъ.
Бѣсъ такъ Бѣсъ,
Знаю — лѣсъ.
Кустъ и кустъ, сосна съ сосною.
„Ну“, — подумалъ я, — „со мною
Не пошутишь, шалый плутъ.“
Чуть сказалъ, онъ тутъ какъ тутъ.
Ширитъ шею, пучитъ очи,
То длиннѣй онъ, то короче,
То прокатится какъ шаръ.
Въ лѣсѣ мглистомъ,
Съ шипомъ, съ свистомъ,
Вдругъ шарахнется по вѣткамъ, подъ листами какъ пожаръ.
Смотритъ въ чащѣ, шаритъ, шаритъ,
Въ шапку мѣтитъ, къ шапкѣ шасть,
Шапкѣ надобно пропасть.
Гдѣ-то печка, что-то жаритъ,
Ужь поѣстъ онъ, вѣрно, всласть.

Словно шершень, весь шершавый,
Скалитъ зубы, Бѣсъ лукавый.
Ты, шайтанъ,
Вѣрно, пьянъ?
Онъ хохочетъ, онъ щекочетъ,
Онъ со мной кружиться хочетъ,
Брызнулъ вспышкою огня,
Щипъ за щиколку меня.
Онъ, юродствуя, пророчитъ.
Взялъ старушечій салопъ,
Человѣка бабьимъ — въ лобъ.
Убѣгаю, — настигаетъ. Поспѣшаю, — яма, стопъ.

Я стою въ грязи по поясъ.
Это — я?
Предо мною, въ ямѣ роясь,
Супоросая свинья.
Въ сторонѣ — шалашъ убогій,
Сверху — Мѣсяцъ круторогій.
Сучья старые шуршатъ,
Мыши въ щели шебаршатъ.
Старый Шутъ съ зеленой рожей,
Весь ни на что не похожій,
Убѣжалъ.
И въ лѣсу затрепетавшемъ
Онъ, конемъ, узду порвавшимъ,
За опушкой тамъ заржалъ.

2.

Тихонько, какъ змѣя,
Изъ ямы вышелъ я.
И въ лѣсъ опять спѣшу,
Едва-едва дышу.
А тамъ въ стволахъ
Скребется страхъ.
А тамъ въ стебляхъ
Встаетъ: „Ахъ! Ахъ!“

А тамъ въ кустахъ: „Шу! Шу!“
„Пожалуйте! Прошу!“

Шишимора раскосая
Смѣется, развалясь.
Пришла сюда, молъ, съ плёса я.
Любиться? Въ добрый часъ!
„Шишимора истомная
И съ рыбьимъ я хвостомъ.
Мой пологъ — ночка темная,
Гдѣ лягу, тамъ и домъ.
„Шишимора — охочая,
Раскинуть ноги — сласть.
Являюсь въ темной ночи я,
Чтобъ въ ночи и пропасть.“
Шишимора — раскосая:
Прими-ка, молъ, жену.
„Полюбимся, а съ плёса я
Въ послѣдній разъ плесну.“
Шишимору — съ развалочкой
Уважилъ самъ шуякъ,
Зоветъ любезной галочкой,
Вертитъ ей такъ и сякъ.
Шишимора шушукаетъ:
„А гдѣ моя душа?“
Шуякъ ее баюкаетъ,
Шуякъ, шульгачъ, лѣвша.

3.

Я — бѣжать, — нѣтъ силушки,
И некуда идти.
Все кругомъ могилушки,
Стебель на пути.
Желтый шильникъ, стрѣлица,
Совиная стрѣла.
Вкругъ нея — метелица,
Вѣдьмовская мгла.

„Совки, совки, совушки,
Кого теперь клевать?
Дьявольскія вдовушки
Лягутъ на кровать.
„Расцвѣтаетъ стрѣлица.
Мой милый, поспѣшай.
Цѣлый міръ—бездѣлица,
Лишь со мною — рай.
„Совки, совки, совушки,
Сюда, сюда, сюда!
Кровь жарка у вдовушки,
Слезы же — вода!“

4.

Я бѣжалъ, простоволосый,
А въ лѣсу былъ гикъ за мной: —
То съ шишиморой раскосой
Хохоталъ шуякъ шальной.
Шерсть какая-то летѣла,
Шелушилася кора.
Гдѣ шагнешь, повсюду — тѣло,
Гдѣ ни стань, въ землѣ — дыра.
Вѣтеръ вѣялъ, щупалъ щеки,
Паутинилъ волоса,
Въ уши мнѣ шепталъ намеки,
Въ даляхъ зыбилась роса.
Я бѣжалъ до смутныхъ склоновъ,
До высокаго холма.
Добѣгу, — но въ гулѣ звоновъ
Ночь препятствуетъ сама.
Вотъ ужь, вотъ ужь склоны встали,
Вотъ ужь, вотъ оконченъ лѣсъ, —
Снова холмъ — въ далекой дали,
Цѣпкій лѣсъ — какъ строй завѣсъ.
Упадаю. Слышны вскрики,
Клекотъ хищницы: „Шабашъ!

Закрутитесь, павилики!
Вейся, вьюнъ! Теперь онъ нашъ!“

5.

И лежу.
И гляжу.
Что̀ я вижу, что̀ я знаю, никому не разскажу.
Знаетъ лѣсъ и тишина,
Знаютъ звѣзды и Луна,
Знаю — я, кого здѣсь Рыбарь ввелъ, играя, въ мережу.

Изъ норы,
Изъ-подъ горы,
Звѣрь какой-то выметается.
Глянетъ въ небо, — и сюда
Съ неба внизъ летитъ звѣзда,
Кто-то въ мірѣ здѣсь рождается.

Въ мірѣ бродитъ волкъ всегда.

Гдѣ-то шепчутся старухи,
Съ голодухи повитухи.

Звѣрь сейчасъ же до норы
Шоркъ съ горы,
Вспыхнетъ порохомъ.
Сухолистьемъ прошмыгнулъ,
По вершинамъ шепчетъ гулъ,
Шаткимъ шорохомъ.

ЖАЛОБА КИКИМОРЫ.

Я кикимора похвальный,
Не шатунъ, шишига злой.
Пробѣгу я, ночью, спальной,
Прошмыгну къ стѣнѣ стрѣлой,
И сижу въ углу печальный, —
Что-жь мнѣ дали ликъ такой?

Вѣдь шишига — соглядатай,
Онъ нечистый, сатана,
Онъ въ пыли дорогъ оратай,
Вспашетъ прахи, грусть одна,
Скажетъ бѣсу: „Бѣсъ, сосватай“,—
Скокъ бѣсовская жена.

Свадьбу чортову играетъ,
Подожжетъ чужой овинъ,
Задираетъ, навираетъ,
Точно важный господинъ,
Подойди къ нему, облаетъ,
Я же смирный, да одинъ.

Вотъ тутъ уголъ, вотъ тутъ печка,
Я сижу, и я пряду.
Съ малымъ ликомъ человѣчка,
Не таю во лбу звѣзду.
Полюбилъ кого, — осѣчка,
И страдаю я, и жду.

Захотѣлъ я разъ пройтиться,
Вышелъ ночью, прямо въ лѣсъ.
И пришлось же насладиться,
Не забуду тѣхъ чудесъ.
Ужь теперь, когда не спится,
Прямо — къ курамъ, подъ навѣсъ.

Только въ лѣсъ я, — ухнулъ филинъ,
Рухнулъ камень, бухнулъ внизъ.
На болотѣ дьяволъ силенъ,
Всѣ чертяки собрались.
Я дрожу, учтивъ, умиленъ, —
Что̀ ужь тутъ! Зашелъ, — держись!

Круглоглазый бѣсъ на кручу
Сѣлъ и хлопаетъ хвостомъ.
Прошипѣлъ: „А вотъ-те взбучу!“
По водѣ пошелъ содомъ.
Радъ, навозную я кучу
Увидалъ: въ нее — какъ въ домъ.

Поднялось въ болотѣ вдвое,
Всѣхъ чертей спустила глыбь.
Съ ними бухало ночное,
Остроглазый ворогъ, выпь,
Водный быкъ, шипѣнье злое, —
И пошла въ деревьяхъ зыбь.

Буря, сбившись, бушевала,
Въ уши съ хохотомъ свистя.
Воетъ, ноетъ, все ей мало,
Вдругъ провизгнетъ, какъ дитя,
Крикнетъ кошкой: „Дайте сала!“
Дунетъ въ хворостъ, шелестя.

А совсѣмъ тутъ рядомъ съ кучей,
Гдѣ я спрятался, какъ въ домъ,
Малый чортикъ, червь ползучій,
Мнѣ подмигивалъ глазкомъ
И, хлеща крапивой жгучей,
Тренькалъ тонкимъ голоскомъ.

Если выпь, — бугай, — вопила
И гудѣла, словно мѣдь,
Выпь и буря, это — сила,
Впору имъ взломать и клѣть,
А чтобъ малое страшило
Сѣчь меня, — не могъ стерпѣть!

Я схватилъ чертенка-злюку,
Онъ въ ладонь мнѣ зубъ вонзилъ.
Буду помнить я науку,
Прочь съ прогулки, что̀ есть силъ.
И сосу за печкой руку,
Грустный, самъ себѣ немилъ.

Отъ сидячей этой жизни
Сталъ я толстъ, и сталъ я бѣлъ.
Я непризнанный въ отчизнѣ,
Оттого что я несмѣлъ.
Саванъ я пряду на тризнѣ,
Я запечный холстодѣлъ.

УРОДЦЫ.

Два глазастые уродца
Изъ прогорклаго болотца,
Укрѣпившись въ силѣ,
Къ Феѣ приходили.

И одинъ былъ Лягушонокъ,
Еле-еле изъ пеленокъ,
Квакалка-квакушка,
Въ будущемъ лягушка.

А другой — Упырь глазастый,
Перевертышъ головастый,
Кровососъ упорный,
И со шкуркой черной.

Перевертышъ, перекидышъ,
Онъ въ болотцѣ былъ подкидышъ: —
Согрѣшилъ съ Ягою
Бѣсъ порой ночною.

Лягушонокъ же зеленый,
Презиравшій всѣ законы,
Прыгалъ черезъ мостикъ,
Задирая хвостикъ.

Два глазастые уродца
Изъ-подъ кочки, изъ болотца,
Искупавшись въ илѣ,
Къ Феѣ приходили.

„Ты“, сказали, „иностранка,
Сладкозвонка и обманка,
Мы же нутряные,
Водные, земные“.

Стали оба, руки въ боки.
„Ты“, твердятъ, „безъ подоплёки.
Пазуха-то есть ли?
Все сидѣть бы въ креслѣ“.

Не понравился вопросикъ.
Фея вздернула свой носикъ,
Призываетъ свиту,
Упырю быть биту.

Впрочемъ, нѣтъ. Дерутся волки,
Или глупыя двѣ телки,
Фея же воздушна,
И великодушна.

Фея пчелкамъ приказала,
Показали только жало, —
И Упырь отъ страха
Прыгъ въ бадью съ размаха.

Лягушонокъ — мухъ глотатель,
Пчелъ онъ тоже не искатель,
И, какъ пойманъ въ кражѣ,
„Квакъ“, и прыгъ туда же.

Два глазастые уродца
Пали внизъ на дно колодца,
И скорбятъ рѣчисто: —
„Очень ужъ тутъ чисто“.

Фея-жь пчелкамъ усмѣхнулась,
На качалкѣ покачнулась,
И съ Шмелемъ, дворецкимъ,
Въ путь, къ князьямъ Нѣмецкимъ.

МЫШЬ И ВОРОБЕЙ.

Жили мышь съ воробьемъ ровно тридцать лѣтъ,
Никакія ихъ ссоры не ссорили.
Да вотъ въ маковомъ зернышкѣ путнаго нѣтъ,
Изъ-за зернышка оба повздорили.
Всякій, что ни найдетъ, все съ другимъ пополамъ,
Да нашелъ воробей это зернышко.
„Что̀ вдвоемъ“, онъ сказалъ, „тутъ дѣлить будетъ намъ!“
И склевалъ онъ одинъ это зернышко.
„Ну“, сказала тогда черноглазая мышь,
Сѣроспинная мышь, сѣрохвостая,
„Если такъ, воробей, ты со мной угоришь,
И съ тобой расплачусь очень просто я.“
„Пискъ!“ тутъ пискнула мышь. „Пискъ!“ пропѣла она.
И звѣрье набѣжало зубастое.
„Пискъ!“ пропѣлъ воробей. „Пискъ! Война такъ война!“
Войско птицъ прилетѣло глазастое.
Воевалась война ровно тридцать лѣтъ
Изъ-за макова зернышка чернаго, —
Пусть и мало оно, извиненья въ томъ нѣтъ
Для того преступленья позорнаго.
Тридцать лѣтъ отошло, и сказало звѣрье:
„Источили напрасно здѣсь зубы мы.“
Перемирье пришло. „Что̀ мое, то твое.“
Такъ рѣшили. „Не будемъ же грубыми!“
Воробью протянула безгнѣвная мышь
Свою правую ручку въ смиреніи.
Клюнулъ онъ поцѣлуй. И глядишь-поглядишь,
Такъ вотъ людямъ бы жить въ единеніи!

ШАТКОСТЬ.

Въ безглазой сѣрой мглѣ безмѣрность, безъизмѣрность,
Безотносительность, пустыня дней безъ вѣхъ,
Безкрайность скатная, бродячихъ сновъ невѣрность,
Отсутствіе путей, хотя-бъ ведущихъ въ Грѣхъ.

Нѣтъ линіи прямой, куда ни глянетъ око,
Нѣтъ радуги-дуги съ дѣленіемъ цвѣтовъ,
Одна пространственность, зіяніе широко,
И вдоль и поперекъ — потокъ безъ береговъ.

Потокъ ли, Море ли, кто точно установитъ?
Что̀ ни волна, то тѣнь, и что̀ ни ликъ, то нуль.
Нѣтъ точныхъ единицъ. И слухъ напрасно ловитъ
Хотя-бъ намекъ какой въ пузыристомъ буль-буль.

Бунтъ буйствуетъ боевъ безъ цѣли и закона.
Все таетъ. Плыть — куда? Впередъ или назадъ?
О, пусть бы четко всталъ хотя челнокъ Харона!
Нѣтъ перевозчика — ни даже въ вѣрный Адъ.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Все время, все время, скорблю и грущу.
Все время, все время.
Въ саду я посѣялъ завѣтное сѣмя,
Расцвѣтовъ напрасно ищу,
Все время, все время.

Такъ падаютъ капли на темя, на темя,
Холодною влагой, жестокой, какъ ледъ,
Пытаютъ, и холодъ терзаетъ и жжетъ,
Все время, все время.

Быть можетъ, на волѣ ужь новое племя
Возникло, смѣется, не помнитъ меня.
Я далъ имъ огня.
Имъ солнце зажегъ я, самъ темный, стеня
Все время, все время.

ВЪ СЕРДЦѢ ЛѢСА.

Когда я прихожу въ глубокій темный лѣсъ,
И долго слушаю молчанье вѣтокъ спящихъ, —
Въ душѣ расходится густая мгла завѣсъ,
И чую тайну чаръ, что вѣчно дышетъ въ чащахъ.

Вотъ только-что я былъ всѣмъ сердцемъ возмущенъ,
Обидѣлъ ли своихъ, иль былъ обиженъ ими, —
Вся жизнь откинулась въ одинъ зеркальный сонъ,
И все тяжелое въ далекомъ скрылось дымѣ.

Встаетъ дыханіе согрѣвшихся болотъ,
Чуть прошуршалъ камышъ свирѣльной сказкой дѣтства, —
И слышу я въ вѣкахъ созвѣздій мѣрный ходъ,
И папороть сулитъ завѣтное наслѣдство.

Я руку протянулъ, касаюсь до сосны,
Не колетъ зелень иглъ, и нѣтъ въ тѣхъ иглахъ жала, —
Отъ сердца до небесъ одинъ напѣвъ струны,
Иди въ глубокій лѣсъ, коль сердце задрожало.

УСПОКОЕНІЕ.

Благоуханіе,
Кажденье ладана,
Души страданіе
Тобой угадано.

Бряцанье мѣрное,
Восторгъ горѣнія,
Въ тебѣ есть вѣрное
Успокоеніе.

Забывъ укорности,
Растаявъ дымами,
Молюсь въ покорности,
Душой съ родимыми.

Душой я съ предками,
Вовѣки сущими,
Чтобъ снова вѣтками
Ожить цвѣтущими.

ПРОСТИ.

Прости меня, прости. Цвѣты дышали пряно.
Я позабылъ совсѣмъ, что гдѣ-то бьется боль,
Что гдѣ-то сумерки и саваны тумана.
Меня, счастливаго, быть грустнымъ не неволь.

Я съ дѣтства былъ всегда среди цвѣтовъ душистыхъ.
Впервые вышелъ я на утренній балконъ,
Была акація въ расцвѣтахъ золотистыхъ,
Отъ пчелъ и отъ шмелей стоялъ веселый звонъ.

Сирень лазурная свѣтила мнѣ направо,
Сирени бѣлой мнѣ сіялъ налѣво кустъ.
Какъ хороши цвѣты! Въ нихъ райская есть слава!
И запахъ ландышей — медвянъ, пѣвучъ, и густъ.

Въ немъ умъ, безумствуя, живетъ однимъ видѣньемъ.
И вѣтеръ въ камышахъ мнѣ звонкой пѣлъ струной.
Жукамъ, и мотылькамъ, и птицамъ, и растеньямъ
Я предалъ дѣтскій духъ, былъ кротокъ міръ со мной.

Какимъ я въ дѣтствѣ былъ, такъ буду въ дни сѣдые.
Фіалка — мой разсвѣтъ, мой полдень — пламя розъ,
Послѣполуденье — нарциссы золотые,
Мой вечеръ, ночь моя, сверкайте въ играхъ грозъ.

Пусть всѣ мои цвѣты, — о, Мать моя Святая,
Россія скорбная, — горятъ мнѣ на пути.
Я съ дѣтства ихъ люблю. И ихъ въ вѣнокъ сплетая,
Ихъ отдаю тебѣ. А ты меня прости!

КРУГЛЫЙ ГОДЪ.

Круглый годъ, какъ колобокъ,
Покатился на Востокъ,
А пришелъ онъ на Закатъ,
Въ то же мѣсто, говорятъ.

Круглый годъ пошелъ на Югъ,
Совершилъ онъ полный кругъ,
И на Сѣверѣ опять,
Гдѣ же путь теперь начать?

Круглый годъ пошелъ съ Луной,
Серпъ подвѣсилъ вырѣзной,
А узнавъ ущербъ, тропа
Завершилась у серпа.

Съ Солнцемъ вышелъ круглый годъ,
Очертилъ круговоротъ,
И, принявши тотъ же видъ,
„Съ новымъ счастьемъ!“ говоритъ.

КУЗОВЪ.

Я въ дремучемъ лѣсу,
Гдѣ и днемъ полутьма,
Кузовъ полный несу,
Въ немъ заснула Зима.
Какъ я шелъ ввечеру,
Проходилъ я холмомъ,
Тамъ на самомъ юру
Вижу снѣжный я комъ.
Отъ Зимы ото всей
Онъ одинъ не хотѣлъ
Подъ пригрѣвомъ лучей
Свой исчерпать предѣлъ.
И смотрѣлъ онъ врагомъ,
И дышалъ какъ морозъ.
Тутъ я взялъ этотъ комъ,
Въ лѣсъ дремучій понесъ.
И изъ полной сумы, —
Въ разумъ смысла набравъ, —
Я кусочки Зимы
Разбросалъ между травъ.
И куда ни падетъ
Этотъ снѣжный комокъ, —
Тотчасъ нѣжно цвѣтетъ
Бѣлоснѣжный цвѣтокъ.
Такъ я ландышъ взростилъ,
Такъ подснѣжникъ раскрылъ, —
И изъ мертвыхъ могилъ
Ангелъ всталъ шестикрылъ.

СНѢЖНЫЙ ДОМЪ.

На околицѣ — домокъ,
Невеликій теремокъ.
Въ немъ Старикъ, и въ немъ Старуха,
Въ гости къ нимъ жужжится муха.

Проворчалъ Старикъ сѣдой,
Съ ледяною бородой: —
„Кто за дверью тамъ жужжится?
На полатяхъ мнѣ не спится.“

Тутъ Старуха снѣжный платъ
Отодвинула назадъ.
Говоритъ: „На это ухо
Туговата я, Старуха.“

Позѣвала: „Встань-ка вотъ.“
Покрестила старый ротъ.
Въ полиняломъ сарафанѣ
Закачалась какъ въ туманѣ.

Дверь открыла. — „Кто въ избу?“
Муха къ ней, сидитъ на лбу.
И у Старой все-то тѣло,
Отъ весенней, разомлѣло.

Разомлѣло такъ, что вдругъ
Хоть плясать на вольный лугъ.
Старика съ палатей тащитъ,
Тотъ, крестясь, глаза таращитъ.

А ужь муха и на немъ,
Обожгла его огнемъ.
Хоть крестись, хоть не крестись ты,
Сказки Солнца пламенисты.

Старый дѣдъ, что былъ такъ бѣлъ,
Разрумянясь, разомлѣлъ.
Хоть крестись, хоть не крестись ты,
Расцвѣли цвѣты душисты.

Двое Старыхъ, отъ Весны,
Стали цвѣтомъ бузины.
И крестись, и не крестись ты,
Птицы въ рощѣ голосисты.

ПОДСНѢЖНИКЪ.

Въ зеленомъ перелѣскѣ
Подснѣжный колокольчикъ,
Раскрывшись раннимъ утромъ,
Тихонько позвонилъ.
Сказалъ: „Молитесь, травки!"
Шепнулъ: „Молитесь, звѣри!"
Пропѣлъ: „Молитесь, птицы!
Господь даетъ намъ силъ."

И бѣлая березка
Курилась благовонно,
И заячья капустка
Молилась въ тишинѣ.
И сѣрый можжевельникъ,
Упавши на колѣнки,
Шепталъ благоговѣйно: —
„Дай ягодъ, въ срокъ, и мнѣ!"

А бѣлочка, желтѣя,
Съ брюшкомъ пушисто-бѣлымъ,
Скакнувъ отъ вѣтки къ вѣткѣ,
Искала, что̀ поѣсть.
И протрубѣлъ комарикъ,
Свои расправивъ крылья,
Въ предлинную свирѣльку: —
„Въ лѣсу богатствъ не счесть!"

ДРЕМА.

Смолянка-сонъ дремучая,
Болотная дрема.
Мечта въ умѣ тягучая,
Въ рукахъ, въ ногахъ, тома.
Дрема кошачья сонная,
Куреніе болотъ,
Вся цѣпкая, вся звонная,
Вся въ душу зелье льетъ.
И хочется не хочется,
Какъ топь, взяла постель,
И сердцу все пророчится,
Что жизнь — одна мятель.
Все кружится, скружается,
Свивается въ извой,
Недужится, зѣвается,
Дремлю я самъ не свой.
И будто въ лихорадкѣ я,
И будто я въ бреду,
То вижу ласки сладкія,
То снова боли жду.
И мучая, вся жгучая,
Вся липкая, какъ медъ,
Дрожитъ дрема зыбучая,
И кошкой къ сердцу льнетъ.

КУКУШКИНЪ ЛЕНЪ.

Что̀ въ саду бѣлѣетъ звѣздно? Яблонь цвѣтъ, и въ цвѣтѣ вишни.
Все цвѣтетъ, поетъ, и дышетъ. Счастливъ нѣжный. Горекъ лишній.

Кто въ саду забылъ дневное? Чьи уста горятъ въ бесѣдкѣ?
Вешній вѣтеръ любитъ шалость. Онъ склоняетъ вѣтку къ вѣткѣ.

Тихо въ дѣтской. Свѣтъ лампады. Истовъ темный ликъ иконы.
Ахъ, весна вѣдь беззаконность. Кто же сердцу далъ законы?

Спитъ ребенокъ. Спитъ и видитъ. Лунный лѣсъ. Цвѣты какъ море.
Разметались, всколыхались, въ голубомъ дрожатъ просторѣ.

А другіе смотрятъ чинно. Такъ стоятъ, какъ встали — прямо.
И не шепчутъ, словно губы, а горятъ, какъ свѣчи храма.

И еще цвѣты есть третьи: Хоть цвѣтутъ расцвѣтно сами,
Но враждебны къ задрожавшимъ, наполняютъ ихъ слезами.

И глядятъ шероховато, протянули къ нимъ колючки,
Бьется сердце, шепчутъ губы, свѣтятъ свѣчи, жалятъ жгучки.

Спитъ ребенокъ. Спитъ и видитъ. Вонъ кукушкины сапожки.
Вонъ кукушка тамъ трилистникъ. Ленъ кукушкинъ на дорожкѣ.

Вонъ ночная тамъ фіалка. Встала лилія красива.
И репейникъ угрожаетъ. И спѣсивится крапива.

Кто-то злой трясетъ осину. Побѣлѣли всѣ березки.
И во снѣ ребенокъ плачетъ, и кукушкины съ нимъ слезки.

Кто-то молитъ, кто-то проситъ, кто-то съ кѣмъ-то, тамъ въ туманѣ.
Свѣтъ лампады. Плачъ ребенка. Воркотня вздохнувшей няни.

„— Спи, родной. Христосъ намъ свѣтитъ черезъ всю стезю земную!
„— Няня, няня, спой мнѣ пѣсню про кукушечку лѣсную...“

ЗА ГАЕМЪ ЗЕЛЕНЫМЪ.

За гаемъ зеленымъ,
По срывамъ и склонамъ,
Пѣвуче вела ты, тоска.
Но видно, что дважды
Для жалящей жажды
Не дышетъ прохладой рѣка.

Здѣсь нѣкогда юнымъ
Я былъ Гамаюномъ,
Въ свирѣльности ласковыхъ словъ.
Но юность лишь эхо
Далекаго смѣха,
Лишь отзвукъ далекихъ шаговъ.

Зеленаго гая
Листва молодая
Роняетъ съ зарею росу.
И юность — лишь лодка,
Уплывшая ходко,
Ведя по водѣ полосу.

За гаемъ зеленымъ,
Со смѣхомъ и звономъ,
Промчались въ ночи бубенцы.
Горячая тройка
Уносится бойко
Во всѣ міровые концы.

ВЕСНА.

Молодая Весна въ пояскѣ изъ цвѣтковъ,
Что готовъ соскользнуть передъ входомъ въ альковъ,
Наклонилась надъ свѣтлымъ затономъ,
Подъ навѣсомъ деревьевъ зеленымъ.

Уже Солнце зашло. Но весною свѣтло
Въ вечеру и въ ночи. И полъ-ночи прошло.
А Весна все заснуть не хотѣла,
И румянилось юное тѣло.

Соловьиная пѣснь и пришла и ушла,
А Весна все ждала, надъ затономъ свѣтла.
И мечты возжелавшей Весталки
Расцвѣтали въ лѣсахъ какъ фіалки.

И спала не спала, но въ глазахъ у Весны
Были тѣни тѣней, были дальніе сны.
И хотѣнья застывшей Вакханки
Расцвѣтали въ росѣ какъ горчанки.

Такъ спала не спала отъ зари до зари
Огневая Весна, двѣ недѣли и три.
И растаяла въ брызгахъ разсвѣта,
Когда глянуло въ очи ей Лѣто.

ПѢСЕНКА СВѢТЛЯКА.

Взявъ съ собой медвяный жбанчикъ,
Сплелъ изъ мятлика я лѣсенку,
И полѣзъ на одуванчикъ,
И пою при этомъ пѣсенку: —

Не комаръ я, не жучокъ,
Я веселый свѣтлячокъ,
Между травъ мальчонка,
Фея же дѣвчонка.

Феѣ я пою: Приди.
Цѣлый мѣсяцъ впереди.
Мѣсяцъ нашъ медовый,
Каждый день намъ новый.

Ты, дѣвчонка, торопись,
Прямо въ пору дни сошлись.
Одуванчикъ глянетъ,
Дунетъ и завянетъ.

Вотъ, какъ въ жбанчикѣ есть медъ,
Золотистымъ онъ цвѣтетъ, —
Глянь, на тонкой выѣ
Волосы сѣдые.

Золотой погасъ пожаръ,
Глянулъ снѣгомъ бѣлый шаръ, —
Здравствуй, одуванчикъ,
Я бросаю жбанчикъ.

Фея слышала заклятье, —
Пѣсня пѣла убѣдительно, —
Въ голубомъ предстала платьѣ,
Съ нею счастливъ былъ я длительно.

ВЪ ІЮЛѢ.

Сухой короткій трескъ кузнечика.
Іюля предпослѣдній зной.
Бѣжитъ мой конь. Звенитъ уздечка.
Еще не конченъ весь разсказъ.

Я припаду къ тебѣ на плечико.
Ты будешь счастлива со мной.
Спѣшу. Еще не сохнетъ рѣчка.
Обѣдня Солнца. Вышній часъ.

ВЕРХУШКА ЛѢТА.

Тебѣ конецъ вѣнчанный лѣта,
Ты овладѣла моей мечтой.
Зарѣ — зарницей пѣсня спѣта,
Войди же смѣло въ чертогъ златой.

О, да, изъ пурпура и злата,
Онъ безгрѣховный, нашъ храмъ-альковъ.
Иди съ Востока до Заката
Въ вѣнкѣ изъ маковъ и васильковъ.

Стихомъ червоннаго излома
Ночное небо сверкнетъ въ бреду.
Костеръ, зажженный взрывомъ грома,
Освѣтитъ свадьбу двухъ душъ въ саду.

ЛѢТО.

Я великое жаркое Лѣто,
Огнеликое чудо въ дыму,
Я тепло огневого отвѣта,
Вопроси, — все поймешь, какъ сожму.

Я велю обозначиться зною, —
Многозыбкій, онъ виденъ глазамъ,
Я вселенскую пляску устрою,
На усладу раскрытымъ сердцамъ.

Заалѣется мной земляника,
Покраснѣетъ, потупится ницъ,
Переброшусь я въ радостность вскрика,
Въ загорѣлыя лица дѣвицъ.

Всѣ побѣги и ржи и пшеницы
Въ золотой я одѣну нарядъ,
Я скажу, — заиграютъ зарницы,
Кое-гдѣ и деревни сгорятъ.

Я горячее алое Лѣто,
Я высокій предѣлъ всѣхъ живыхъ,
Набирайтесь великаго свѣта,
Запѣвайте свой свадебный стихъ.

ПРОСИНЬ.

Листья, расцвѣта червленаго,
Съ бѣглыми нитями просини,
Въ воздухѣ — запахи жженаго,
Вѣрные вѣстники Осени.

Тамъ, торфяными болотами,
Ходитъ огонь завершающій,
Птицы кружатъ передъ слетами,
Снѣгъ скоро выпадетъ тающій.

Звѣздочки снѣга въ плясаніи
Будутъ лишь предупрежденіемъ,
Въ томъ гробовомъ расцвѣтаніи
Есть упоеніе тлѣніемъ.

Вѣтеръ, какъ быстрыми копьями,
Тканями двигнетъ багряными,
Съ бѣлыми крупными хлопьями
Вихри придутъ за туманами.

БАГРЯНОЕ СОЛНЦЕ.

Багряное Солнце всходило,
Надъ застывшей за лѣтомъ землей.
Зачѣмъ ты меня не спросила,
Въ тѣ дни какъ бродилъ я съ тобой?

Все въ бѣлый окуталось иней,
Ото льдинокъ хруститъ подъ ногой.
Желтой лѣсною пустыней
Проносится шорохъ сухой.

Какая дрожащая сила
Въ этомъ сердцѣ, въ тюрьмѣ огневой!
Зачѣмъ ты меня не спросила?
Я тебѣ бы отвѣтилъ: — „Я твой.“

ВЕСЬ ВОЗДУХЪ.

Весь воздухъ лѣтомъ насъ защищаетъ шатромъ горячимъ.
А въ осень жутко. Весь воздухъ жмется. Съ дождемъ мы плачемъ.

Все небо лѣтомъ сіяетъ свѣтомъ. Все небо — сине.
А глянутъ тучи, — они могучи. Огонь въ твердынѣ.

Все небо въ осень молочно-блѣдно, бѣлесовато.
А глянетъ просинь, — шепнетъ намъ осень, что нѣтъ возврата.

ОСЕННЯЯ СКАЗОЧКА.

Бѣлая мышь пробѣжала,
Черная мышь проползла.
Жило осиное жало,
Осень и осъ убрала.

Бѣлая мышь забѣгаетъ,
Только запляшетъ, — глядишь,
Черное что-то мелькаетъ,
Черная шествуетъ мышь.

Пчелы запрятались въ улей,
Малыя свѣчи зажгли,
Ждутъ тамъ іюней, іюлей,
Спятъ въ золотистой пыли.

Только пчелиная матка
Цѣлую зиму не спитъ,
Къ меду припала, ей сладко,
Ключница, злая на видъ.

Все же ей бѣлая мышка,
Или ей черная мышь
Пискнетъ: „Въ сластяхъ — безъ излишка,
Или, смотри, угоришь.“

И засыпаетъ обжорка.
Глянь, ужь подходитъ весна.
Чья-то свѣтлѣется норка,
Бѣлая мышка видна.

Солнце сейчасъ же за дѣло,
Внизъ, головнею тряся.
Бѣлая мышь посмѣлѣла,
Черная — тощая вся.

ЛѢСУНКА.

Люди добрые, вы большущіе,
Сапоги у васъ всѣ съ подошвами.
Ахъ, дожди, дожди, сверху льющіе,
Чтобъ ушли огни, стали прошлые!

Посудите же! Я Лѣсуночка.
Инструментикъ мой — балалаечка.
У меня своя въ мысляхъ луночка,
Я въ густомъ лѣсу многознаечка.

Знаю цвѣтъ любви и разрывъ-траву,
Знаю смѣхами литься звонкими,
Землянику жду, костянику рву,
Убираю лѣсъ я опенками.

Сѣю гнѣздами я вамъ рыжики,
Крашу листья я желто-красные.
Ноютъ зяблики, плачутъ чижики,
Мнѣ въ глаза взглянувъ распрекрасные.

Но Зима грозитъ, снаряжается,
Словно волкъ идетъ къ намъ отъ Сѣвера,
Такъ вотъ въ разумѣ все мѣшается.
Гдѣ поля мои съ духомъ клевера!

Изъ конца въ конецъ лишь атавами
Вѣтеръ тѣшится вслѣдъ за косами.
И крикливыми вдаль оравами
Журавли летятъ долгоносые.

Утромъ — зимники, росы сильныя,
И во всѣ Морозъ дунулъ стороны.
Гдѣ вы, цвѣтики? Спятъ, умильные.
Только каркаютъ сверху вороны!

КАПРИЗНИЦА.

Пѣла, пѣла пѣночка,
Звенѣла коноплянoчка.
Маленькая дѣвочка
Скучала о зимѣ.
Не вѣдала капризница,
Что зима ужь близится,
Хлопьями сбирается
Въ недалекой тьмѣ.

Вотъ и пламя вечера
Въ пеплѣ дней развѣялось,
Затопили печи мы,
Холодно въ дому.
И мечтала дѣвочка
Какъ пѣвала пѣночка,
И тихонько плакала,
Не зная почему.

БРОДЯГА.

Бродяга я. До холодовъ, съ грозой,
Плясалъ огнемъ, и рѣялъ стрекозой.
И вотъ, бездомный, признаюсь я, грѣшникъ,
Что съ завистью смотрю я на скворешникъ.

Когда-бъ въ такой забраться теремокъ,
И тамъ въ теплѣ замкнуться на замокъ.
Ахъ, рада бѣлка малому орѣшку.
Подайте пятачокъ мнѣ на ночлежку.

СОЛНЦЕ, ВѢТЕРЪ, И ВОРОНЪ.

Взялъ Старикъ въ амбаръ мѣшокъ,
Мышь въ мѣшокъ проворно скокъ,
И прогрызла тамъ дыру,
И ушла сама въ нору.

Крупка сыплется въ мѣшокъ,
Крупка въ норку на утекъ,
Крупка высыпалась вся,
Пляшетъ мышь, хвостомъ тряся.

Тужитъ Старый: „Какъ тутъ быть?
Какъ тутъ горю пособить?“
Зерна скрылись, — гдѣ и слѣдъ.
Развѣ Солнце дастъ совѣтъ.

Солнце слышитъ свысока,
Обогрѣло Старика,
Мѣсяцъ бѣлый посвѣтилъ,
Вышли зерна изъ могилъ.

И летѣлъ изъ дальнихъ странъ
Воронъ Вороновичъ Вранъ,
Помахалъ своимъ крыломъ, —
Крупкой полонъ весь закромъ.

КОЛОБОКЪ.

— Толокняный колобокъ,
Ты куда бѣжишь, дружокъ?
— А бѣгу я къ волку въ пасть.
— Вѣрно, тамъ тебѣ пропасть.
— Нѣтъ, я волка покормлю,
Но катиться я люблю.
Только волкъ меня поѣстъ, —
Я качусь до новыхъ мѣстъ.
— Какъ же это, колобокъ?
Ты йзъ пасти — прямо скокъ?
Въ брюхѣ волка — темноты
Не боишься, вѣрно, ты?
— А въ моихъ поляхъ — овесъ,
Много зеренъ онъ принесъ.
Намѣсили толокна,
И въ квашнѣ не видно дна.
Волкъ отъ ночи до утра
Ѣстъ, — а молвлю я: „Пора!“ —
И обглоданный — въ квашню,
И круглюсь во славу дню.
— Ишь, а мнѣ и невдомекъ,
Ты прехитрый колобокъ.
И кружить тебѣ не лѣнь?
— Нѣтъ, я свѣжій каждый день.

СѢМЯ-ЗЕРНО.

I.

Мечтанья дѣвушекъ красивы,
Полузакрытые цвѣты,
Но есть мучительные срывы,
И цѣпкій зовъ изъ темноты.

Меня страшитъ мое ночное,
Въ ночахъ слѣпое, существо,
Но нашимъ міромъ правятъ двое,
Разрывъ — начало для всего.

Цвѣты каштана въ Мартѣ свѣжемъ
Горятъ какъ свѣчи подъ Луной,
Но если взоръ мы свѣтомъ нѣжимъ,
Зерно ростетъ изъ тьмы ночной.

2.

Вотъ оно брошено, сѣмя-зерно,
Въ рыхлую землю, во что-то чужое.
Въ небѣ проносятся духи, — ихъ двое, —
Шепчутъ, щебечутъ, поютъ.

Спрячься въ уютъ.

Въ тьму углубляется сѣмя-зерно,
Вѣчно одно.

Было на воздухѣ цвѣтомъ красивымъ,
Колосомъ съ колосомъ жило приливомъ,
Было кустомъ,
Малой былинкою, древомъ могучимъ,
Снова упало въ могильный свой домъ.

Духи изъ пламени мчатся по тучамъ,
Духи поютъ: „Улетимъ! Отойдемъ!"

Сердце, куда же ты мчишь, безоглядное?

Вотъ оно, вотъ оно,
Въ землю зарытое, малое, жадное,
Въ смертномъ живое, сѣмя-зерно.
Въ подпольи запрятано, прѣлое,
Упрямо хотящее дня,
Собой угорѣлое,
Порвалось, и силамъ подземнымъ кричитъ: „Отпустите меня!"

Вся тяга земная
Ничто для него.
Есть празднества Мая
Для сна моего,
Апрѣля и Мая
Для сна моего.
Кто хочетъ уйти, отпустите его.

Вся тяга земная
Прядетъ для меня золотое руно.
И ласка отъ Солнца есть ласка родная,
И тьма обнимаетъ — для дня сохраняя: —
Въ глазахъ вѣдь бываетъ отъ счастья темно.
Душа человѣка есть въ Вѣчность окно,
И въ Вѣчность цвѣтное оконце—разъятое сѣмя-зерно.
Сѣрое, тлѣетъ, упрямо увѣрено,
Что зажжется восторгъ изумруда,

Что изъ темнаго терема
Вырвется къ Солнцу зеленое чудо.

Духи порвали огромности тучъ,
Голосъ потоковъ, какъ пляска, пѣвучъ,
Вѣсть золотая съ заоблачныхъ кручъ,
Изъ голубого Оттуда.

3.

Я васъ кроплю водою
Изъ чистыхъ родниковъ,
Цвѣты мои, горите
Огнемъ живыхъ зрачковъ.

Я васъ кроплю слезою
Мгновеній и годовъ,
Цвѣты мои, свѣтите
Лампадой лепестковъ.

Я васъ кроплю мечтою,
Изъ крови сплелъ покровъ,
Я умеръ, вы живите,
Нашъ міръ лишь вами новъ.

Ушелъ въ вѣка съ зарею,
Вернусь изъ тьмы вѣковъ,
Цвѣты мои, вы нити
Безсмертныхъ жемчуговъ.

ЮЖНЫЙ КРЕСТЪ.

No quema, sino da luz, este fuego del santo amor. Oh diremos que quema y no quema!

Fray Diego de Estella.

Не сжигаетъ, а даетъ свѣтъ, этотъ огонь святой любви. О, скажемъ, что сжигаетъ и не сжигаетъ!

Фраи Діэго де Эстелья.

ЖЕРТВЕННЫЙ ЗВѢРЬ.

Бѣлорунный, сребролунный, изъ пещеры вышелъ звѣрь.
Тонкоструйный, златовѣйный, зажигай огонь теперь.

Въ старый хворостъ брызнулъ шорохъ, вспышекъ быстрыхъ перебѣгъ.
Звѣрь пещерный, безпримѣрный, весь сіяетъ, словно снѣгъ.

Златорогій, стройный, строгій, смерти ждетъ онъ не страшась.
Струйки-змѣйки, чародѣйки, вейтесь, пойте, стройте часъ.

Струннымъ строемъ часъ построенъ, часъ и мигъ и волшебство.
Снѣгъ разъялся, кровь красива, хворостъ ожилъ, жги его.

Въ старыхъ вѣткахъ смерть устала спать и ждать, не бойся жечь.
Все, что пламень мѣтко схватитъ, встанетъ, словно стягъ и мечъ.

Златорунный, огневѣйный, красный, желтый богъ Костеръ,
Жги насъ, жги насъ, какъ несчетныхъ жегъ и сжегъ твой жаркій взоръ.

ЗАПОВѢДЬ.

Не убивай. Не отнимай. Не соблазняй — несоблазненный.
Не завлекай въ веселый гай, коль самъ не взятъ тоской безсонной.

Но если ты взлюбилъ мечты, какъ любимъ сердцемъ близость Бога,
Иди, куда зоветъ звѣзда, и пусть ведетъ тебя дорога.

И пусть убьешь: Быть можетъ, ложь, что ты убійца—убивая.
Вѣдь въ битвѣ есть восторгъ и честь, и есть призывъ Родного края.

И если взятъ чрезъ быстрый взглядъ весь міръ другой — души плѣненной,
Возьми меня рукой огня, — блаженнымъ буду я сожженный.

У РУЛЯ.

Морскимъ свѣченьемъ горитъ волна,
Направо волны, налѣво валъ,
Довѣялъ вѣтеръ обрывокъ сна,
Въ которомъ разумъ давно дремалъ.

Тотъ сонъ — безвѣстность путей иныхъ,
То сновидѣнье — о берегахъ,
Еще не спѣтый дрожащій стихъ,
Тотъ кладъ завѣтный, что въ пеленахъ.

Я уплываю, такъ суждено,
Мгновенья пали, ихъ не вернуть,
Увижу-ль берегъ, увижу-ль дно, —
На Оріона я правлю путь.

ОРІОНЪ.

Оріона, Оріона, Оріона три звѣзды
Я зову тройнымъ зазывомъ надъ стремнинами воды.
Яркій поясъ вышній Витязь, чуя съ мракомъ бой, надѣлъ,
Съ троекратнымъ упованьемъ расширяю свой предѣлъ.

Правя къ Югу, вѣря Югу, блѣдный Сѣверъ я люблю,
Но, лелѣя въ сердцѣ призракъ, волю далъ я кораблю.
Оріону, Оріону, Оріону, въ битвѣ съ тьмой,
Отдаю первоначальность, первый гимнъ весенній мой.

Витязь встанетъ, Витязь глянетъ, и еще за ночью ночь.
Сердце, слушай зовы свѣта, и Судьбу свою пророчь.
Бури страшны — лишь для страха. Вѣря въ звѣзды — дышетъ грудь.
Оріономъ, Оріономъ, Оріономъ явленъ путь.

СОЧЕТАНІЯ.

Дальній Сиріусъ дрожью объятъ, колыбелится, тянется свѣтъ.
Это — сказъ, это — звукъ, это — сонъ, перекатная зыбь перезвона.
И какъ ровно горитъ передъ нимъ, начертанье высокихъ побѣдъ,
Троезвѣздный размѣренный звонъ, ослѣпительный систръ Оріона.

СВѢТОЧЪ ЮГА.

Съ каждой ночью все направо содвигался Оріонъ,
Каждой ночью былъ къ иному звѣзднымъ пѣньемъ духъ взнесенъ,
И въ нежданный часъ однажды, надъ разбѣгомъ корабля,
Расцвѣтился знакъ желанный, чьимъ огнемъ жива Земля.

Онъ земнымъ владѣетъ кругомъ, четыремъ велитъ вѣтрамъ,
Въ первый мигъ онъ насъ встрѣчаетъ, въ смертный часъ онъ свѣтитъ намъ,
Въ разныхъ ликахъ засвѣчаясь, былъ надеждой разныхъ мѣстъ,
Въ Южномъ морѣ онъ взнесенно возсіялъ какъ Южный Крестъ.

КОВЧЕГЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Луна взошла за Океаномъ
И свѣтомъ нѣжитъ насъ медвянымъ.
Корабль дрожитъ надъ мглой валовъ,
Ковчегъ вечерній, улей сновъ.

По вскипамъ зыбкаго агата
Скользитъ мерцающее злато.
И я лечу, мечтой ночной,
Пчела-видѣнье, въ Край родной.

ТАЙНОПИСЬ.

Когда-бъ тебя, съ кѣмъ слитъ я въ тайной цѣльности,
Могъ каждый мигъ я — взоръ во взоръ — встрѣчать,
Сверкали-бъ мы въ лазурной безпредѣльности,
Скрѣпивъ судьбу, какъ звѣздная печать.

И были-бъ мы въ причастіи горѣнія,
Вгнѣзденные въ созвѣздіе одно,
Дабы свѣтить всѣмъ тѣмъ, чей путь — бореніе,
Въ ночныхъ степяхъ, гдѣ глухо и темно.

Когда-бъ съ тобой, съ кѣмъ часто я въ разлучности,
Мой рокъ меня свѣтло сковалъ навѣкъ,
Звучали-бъ мы псалмомъ вселенской звучности,
И пили-бъ все отъ свѣтловодныхъ рѣкъ.

Все-жь мнится мнѣ, что, если здѣсь въ мгновеніи
Такъ часто мы съ тобой разлучены,
Двойной звѣздой, въ грядущемъ вознесеніи,
Мы бросимъ въ міръ немеркнущіе сны.

ТОЛЬКО ТЫ.

Только ты меня можешь вести по путямъ,
Гдѣ горячая молнія — тамъ.
Только ты мнѣ отрада, и правый мой судъ,
Если обручъ я выкую — тутъ.

Лишь одна есть рука, и въ ночи, и средь дня,
Для горячаго въ бѣгѣ коня.
Лишь одинъ есть стрѣлецъ, что умѣетъ въ мету
Безъ ошибки попасть на лету.

Лишь съ тобой мой полетъ — чрезъ просторъ темноты,
Хоть за край, если въ пропасти — ты.
И съ хоругвью въ вѣтрахъ, за тобой я лечу,
Громъ готовится встрѣтить насъ — чу!

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ.

Я раскрылъ лебединыя крылья,
И коснулся крылами зари,
И легко, высоко, безъ усилья,
Возлетѣлъ. Мой размахъ повтори.

Если хочешь летѣть легковольно,
Тамъ, гдѣ звѣзды подобны ручью,
Ты пойми и почувствуй безбольно
Лебединую пѣсню мою.

Улети отъ родного затона,
Отъ знакомыхъ родныхъ ступеней,
Убаюкай дрожаніе стона,
Будетъ пѣсня полнѣй и звучнѣй.

Искупаешься въ Солнцѣ безвѣстномъ,
Обвѣнчаешься съ Новой Луной,
И къ предѣламъ желаннымъ, хоть тѣснымъ,
Прилетишь съ полнопѣвной весной.

Изъ пустынь, что лазурно-высоки,
Упадешь бѣлоснѣжно къ гнѣзду,
И качнешь ты родныя осоки,
Закачаешь на влагѣ звѣзду.

СЪ МОЛНІЕЙ.

Къ тебѣ я въ грозахъ прилеталъ,
Тебя дождями я кропилъ,
Съ тобою свѣтлый пилъ бокалъ,
И слушалъ тихій звонъ кадилъ,
Тебя я въ лунный ввелъ опалъ,
И быстрой молніей свѣтилъ.

И если будетъ мнѣ дано
Продлить земную череду,
И если въ яркое звено
Я вброшу вновь и вновь звѣзду,
Томись и жди, раскрывъ окно,
Я снова съ молніей приду.

ВЪ НОЧАХЪ МІРОВЪ.

Я вброшенъ въ міръ невѣдомой Судьбою,
И съ вихрями зиждительными свитъ,
Я долженъ мчаться бездной голубою,
Одѣтою ночами въ аксамитъ.

Я долженъ быть свѣтильникомъ летящимъ,
Прорѣзать мракъ алмазною слезой,
Быть свѣтлякомъ глубинностямъ и чащамъ,
Игрой зарницъ загрезить за грозой.

Струною пѣть о таинствѣ стремленья,
Зачать, качать протяжный перезвонъ,
Въ зеркальность дней пролить волну продленья,
Создавъ напѣвъ, лелѣять зыбкій сонъ.

Но былъ бы я безмѣрно одинокимъ,
Когда-бъ въ ночахъ, съ ихъ мглою голубой,
Я не былъ слитъ съ видѣньемъ звѣздоокимъ,
И не горѣлъ тебѣ, въ себѣ, тобой.

НАПѢВЫ РУНЪ.

Напѣвы рунъ звучатъ — но лишь для взора,
Въ узорахъ звѣздъ, въ которыхъ высота
Сложила гимны огненнаго хора
Подъ верховенствомъ Южнаго Креста.

Напѣвы рунъ дрожатъ — ихъ слышитъ ухо
Во вскипахъ волнъ, въ безмѣрности морей.
Дорогой глазъ, или тропинкой слуха
Въ ихъ смыслъ войди — всѣ смыслы въ нихъ свѣтлѣй.

СКАЗЪ О ЗВѢЗДАХЪ.

При началѣ нашихъ дней,
Люди Бога огорчили,
Онъ ушелъ отъ насъ во тьму.
Скучно было тамъ ему.
Вѣчно съ тьмою, всюду съ ней.
Зачерпнулъ въ своей онъ силѣ
Такъ съ пригоршни двѣ огней,
Радость сердцу своему.
И унесъ подальше ихъ.
Но они, горя, сквозили
Черезъ Божію суму.
И въ своемъ онъ терему.
Но идя средь звѣздъ златыхъ,
Весь сiяя въ звѣздной силѣ,
Растерялъ не мало ихъ,
И горятъ еще сквозь тьму.

НЕ ИСКУШАЙ.

Мать Матерей, родимая Земля,
Отецъ Земли, лазурный Океанъ.
Покой сознанью синимъ Небомъ данъ,
И нѣжатъ мысль зеленыя поля.

Я былъ какъ всѣ. Во мнѣ горѣлъ Огонь.
Я жилъ во всемъ. Касался до всего.
Устало сердце. Мiръ, не мучь его.
Я тихо сплю. Не искушай. Не тронь.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ СВАСТИКИ.

Капля невѣдѣнья въ морѣ незнанія,
Искра мгновенная въ хлещущей мглѣ,
Ты, маловѣрное чадо терзанія,
Ты, безпримѣрная вспышка во злѣ.

Все твое дѣланье въ тающемъ времени,
Всѣ твои сны, и верхи Пирамидъ,
Лишь проростаніе малаго сѣмени,
Факелъ твой пляшущій быстро горитъ.

Вспыхнутъ Рамзесами, иль Ахиллесами,
Мѣткозахватными, яркіе дни,
Тотчасъ задернется праздникъ завѣсами,
Сгрудятся гномики, тушатъ огни.

Всѣ созиданія Эллина гордаго,
Перваго воина нашего я,
Суть лишь вскипанія мрамора твердаго,
Камень, возжаждавшій быть какъ струя.

Струи кончаются. Струи свѣжительны,
Все же не вѣчно имъ можно сверкать.
Только страданія въ цѣпкости длительны,
Въ томъ поручится вамъ каждая мать.

Расчетвертованность. Свастика вѣчная.
Крестъ во вращеніи. — Гдѣ же нашъ Домъ?
Гдѣ же есть вѣрное? Скучно конечное.
Жизнь наша — въ полночи, съ Южнымъ Крестомъ.

ПОСЛУШАНІЕ.

Вся Природа послушанье
И таинственный уставъ.
Рьяныхъ смерчей рокотанье,
И шуршанье свѣтлыхъ травъ.

Смерти блѣдное явленье,
Яркихъ радугъ семицвѣтъ.
Взрывъ подземнаго горѣнья
Вулканическихъ побѣдъ.

Отъ созвѣздій ожерельныхъ
До сбирающей пчелы,
Звукъ закона въ числахъ цѣльныхъ,
Цѣпь ячеекъ въ глубяхъ мглы.

Быстрый заяцъ, листъ капусты,
Завлеченный въ сказку волкъ.
Дрожжи замысла здѣсь густы,
Шелковичный тонокъ шолкъ.

Вся Природа послушанье,
Въ токѣ творческой любви.
Въ безднахъ знанья и незнанья
Вѣрь звѣздѣ и нить не рви.

ТРОЕСТРОЧІЕ БОГАМЪ.

Болѣзнь, сѣдины, трупъ,
Три вѣчныя пятна
Для видящаго Муни.

Ядъ въ медѣ нѣжныхъ губъ,
Съ расщелиной Весна,
Декабрь — уже въ Іюнѣ.

Но мнѣ болѣзнь и боль
Есть огненный исходъ,
Кремнистый путь познанья.

Неволишь, такъ неволь,
Крылатымъ есть полетъ,
Лечу, мнѣ нѣтъ изгнанья.

И сѣдина есть снѣгъ,
И старость—замокъ дней,
Гдѣ полъ и стѣны льдяны.

Минутъ тамъ ровенъ бѣгъ,
Тамъ радуга огней,
Тамъ радости румяны.

И трупъ, чужой, родной —
Тоска, но лишь на мигъ,
И снова — до свиданья.

А если это мой, —
Свободу я постигъ,
Вновь — свѣтлое скитанье.

И тремъ богамъ молясь,
Я засвѣтилъ огонь
Предъ Брамой, Вишну, Сивой.

И мраку каждый часъ
Пою: „Меня не тронь.
Я вольный и красивый.“

ЦАРСТВО.

Себя завоюй,
Собою владѣй,
Надъ жизнію всей
Зажги поцѣлуй.

И сердцемъ будь прямъ,
И сердцемъ будь чистъ,
Какъ утренній листъ,
Какъ дымъ-ѳиміамъ.

Будь легкимъ какъ сонъ,
Будь добрымъ съ звѣрьми,
Будь тихимъ съ людьми, —
Ты къ Богу причтенъ.

ЩИТЪ.

Бывшій круглымъ, Лунный Щитъ
Глянулъ вырѣзнымъ.
Въ легкой мглѣ ночной разлитъ
Дней сожженныхъ дымъ.

Надъ колодцемъ міровымъ
Мигъ журчитъ-журчитъ,
Насъ ведя къ нѣмымъ, къ роднымъ,
Къ сну замкнутыхъ плитъ.

БОРО-БУДУРЪ.

(Храмъ Будды. — Ява).

Въ камнѣ тлѣющемъ хмуро
Лики — тысячи — хоры.
Еще смотрятъ ихъ взоры.
Возлѣ Боро-Будура
Сѣро-бурыя горы.

Вонъ оттуда досюда
Протянулись вершины,
Какъ огромныя спины
Исполина-верблюда,
Горбуна-чуда-юда.

Но въ выси распаленной
Надъ Природой и Храмомъ,
Надъ ликующимъ гамомъ,
Многократно-взнесенный,
Живъ навѣкъ — Просвѣтленный.

БУДДА.

Какъ безгласность рожденія снѣга,
Серебристыхъ пушинокъ паденье, —
Какъ ладья, что отъ чуждаго брега
Оттолкнулась, бѣжа заблужденья, —

Какъ вулканъ, что, уставши отъ зноя,
Возсіялъ многоснѣжною чашей, —
Какъ лазурь, что упоромъ покоя
Вознеслась надъ пустынею нашей, —

Какъ медлительный звонъ колокольни,
Что уходитъ густыми волнами, —
Какъ цвѣтокъ, что надъ долею дольней
Ѳиміамными курится снами, —

Какъ привѣтъ „Отдохни" иновѣрцу,
Какъ горящая тихо лампада, —
Онъ даетъ утомленному сердцу
Все, что̀ сердцу взметенному надо.

СОЛНЦЕ ВСТАЛО.

Богъ вездѣ, куда ни глянь,
Всюду видитъ, всюду слышитъ,
Богу все приноситъ дань,
Слонъ, пчела, и левъ, и лань,
Богомъ все живетъ и дышетъ.
Разрывая ночи грань,
Солнце встало. Вѣрный, встань.
И молись. И вѣрь. И глянь,
Какъ волна волну колышетъ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ.

Престолы душъ, которыя когда-то
Прошли пути страданій и надеждъ,
И отошли отсюда безъ возврата,
И тамъ глядятъ въ огнѣ златистыхъ вѣждъ, —

Печати душъ, которыя созвенно
Являютъ взорамъ грамату Небесъ,
И говорятъ, какъ все, что было тлѣнно,
Живетъ вовѣкъ, и кто былъ мертвъ — воскресъ, —

Несчетность душъ, горѣнье изумруда,
Мерцаніе Небесныхъ жемчуговъ, —
Да буду я межь васъ, уйдя отсюда,
Звѣздой межь звѣздъ, надъ сонмами вѣковъ, —

И пусть тотъ храмъ, все больше возростая,
Обниметъ всѣхъ, многовершинный лѣсъ,
И всѣхъ и все та Истина святая, —
Всезвѣздность душъ, — взнесетъ въ просторъ Небесъ.

ЧАСЪ ПРИШЕЛЪ.

Часъ пришелъ. Совершились пророчества.
Воплотились велѣнья временъ.
Ты въ желѣзныхъ моряхъ одиночества,
Въ вознесеньи на горный уклонъ.

Далеко, за громадами влажными,
Улыбаются пажити дней.
Но роптаньями сумрачно-важными
Ты отброшенъ на рядъ ступеней.

Для познавшаго — нѣтъ заблужденія,
Для взошедшихъ — все видно внизу.
Будь въ моряхъ, на горахъ, какъ видѣніе,
Какъ маякъ, побѣдившій грозу.

МЕЖДУ ЗВѢЗДЪ.

Чего искать? Куда идти?
Корабль стремится по волнѣ,
Морскія звѣзды — вдоль пути,
Иныя звѣзды — въ вышинѣ.

Морскія звѣзды чуть блеснутъ —
И тотчасъ гаснутъ близь меня,
Дрожа, скользя, вотъ тутъ, вотъ тутъ,
Лишь дразнятъ вспышками огня.

А тѣ, въ далекой высотѣ,
Узорно-свитые огни,
До нихъ идти — одной мечтѣ,
Увы, такъ было искони.

Кипитъ вода. Встаетъ земля.
Дымится дней нѣмая нить.
Я въ быстромъ бѣгѣ корабля.
Куда мнѣ плыть? Куда мнѣ плыть?

ИНЕЙ.

Иней бѣлый, иней чистый,
Гдѣ мерцаешь ты сейчасъ?
Я иду пустыней мглистой,
Весь мой свѣтъ — сіянье глазъ.

Иней чистый, иней бѣлый,
Поколдуй и погадай,
Дай придти въ твои предѣлы, —
Снѣга хочетъ горностай.

Бѣлый призракъ, бѣлый иней,
Дай мнѣ, чарою своей,
Быть звѣздой въ пустынѣ синей
Надъ родной страной моей.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ.

Я на краю Земли. Я далеко на Югѣ.
Не югѣ разныхъ странъ, — на югѣ всей Земли.
Моя заря горитъ на предполярномъ кругѣ.
Въ моихъ моряхъ встаютъ не часто корабли.

Мой свѣточъ — Южный Крестъ. Мой свѣточъ — отблескъ льдины.
Здѣсь горы льдяныя — одинъ пловучій храмъ.
Но за чертой мечты — мой помыселъ единый
Ведетъ мой духъ назадъ, къ моимъ роднымъ полямъ.

И сколько бы пространствъ — какая бы стихія,
Не развернула мнѣ, въ огнѣ или въ водѣ, —
Плывя, я возглашу единый кличъ: „Россія!"
Горя, я пропою: „Люблю тебя — вездѣ!"

СТРАНА, КОТОРАЯ МОЛЧИТЪ.

Страна, которая молчитъ, вся въ бѣломъ-бѣломъ,
Какъ новобрачная, одѣтая въ покровъ, —
Что будетъ тронутъ имъ, любующимся, смѣлымъ,
Несущимъ солнечность горячихъ лепестковъ.

Страна, которая всѣхъ дольше знаетъ зиму,
И гулкую тюрьму сцѣпляющаго льда, —
Гдѣ нѣтъ конца огнямъ и тающему дыму,
Гдѣ долгій разговоръ ведетъ съ звѣздой звѣзда.

Страна, которая за празднествами Мая,
Чуть лѣто глянетъ ей, спѣшитъ сказать: „Я сплю", —
Страна великая, несчастная, родная,
Которую, какъ мать, жалѣю и люблю.

УЗОРОЧНАЯ ЗВѢЗДА.

Узорочной звѣздою
Сквози попремѣнно.
Не льстясь игрою злою,
Не никни въ то, что̀ тлѣнно.

Не захоти, въ туманѣ,
Богатства волопаса,
Въ твоей душѣ есть грани,
Дай каждой яркость часа.

Не захоти, вздыхая,
Чтобъ вѣчно было Солнце,
Мы — храмина большая,
Въ ней не одно оконце.

И истинно сказанье,
Что у отца у Бога
Для всякаго дыханья
Обителей есть много.

Онъ Самъ сказалъ: — Устрою. —
Скорѣй сплетайте нити.
И за своей звѣздою
Одѣтые идите.

ИКОНОСТАСЪ.

«Что есть царствіе? — Радованье въ Духѣ.»
Слово Духоборовъ.

Иконостасъ живой, иконостасъ церковный —
Ликъ Вѣчнаго межь лицъ, что видимы окрестъ.
Богъ Сынъ — въ лицѣ людскомъ, сквозь плоть просвѣтъ духовный,
Взнесенный радостно, какъ ликъ созвѣздья, крестъ.

Вотъ день. Ты не сердись. И цѣлый день, блистая,
Тянуться будетъ вверхъ незримая свѣча.
Гнѣвъ—Адъ, сердитость—Адъ, а кротость—рощи Рая,
Лишь вѣдай бой одинъ — духовнаго меча.

И что̀ есть Царствіе? То радованье въ Духѣ,
И что̀ есть Небеса? То — пѣніе души.
Всѣ громы, пѣсни всѣ — въ твоемъ сокрыты слухѣ,
Весь свѣтъ въ твоихъ глазахъ. Гори же. Поспѣши.

МІРОЗДАНІЕ ДУХОБОРЧЕСКОЕ.

Въ стезяхъ, когда Вселенная,
Повсюду безъизмѣнная,
Была въ себѣ, одна,
Одна какъ тишина, —
Безъ луннаго теченія,
Дневного украшенія,
И Богъ былъ въ Божествѣ,
Въ томъ умномъ Существѣ, —
Возникло въ немъ сверканіе,
То — первое желаніе,
И въ брызгахъ свѣтлыхъ рѣкъ
Родился человѣкъ.
Да будемъ же торжественны,
Зане мы всѣ Божественны,
Съ превыспреннихъ высотъ
Чрезъ насъ огонь идетъ.
Весь міръ въ себя вмѣщающій,
Вѣщающій, сверкающій,
Да будетъ сынъ отца
Вселенскимъ безъ конца.

ДУХЪ.

Въ Духѣ мы рождаемся,
Въ Духѣ утверждаемся,
Бодрствуетъ въ насъ Духъ,
Онъ намъ глазъ и слухъ.

Въ Духѣ — вознесеніе,
Сладостность пронзенія,
Въ Духѣ свѣжесть струй,
Симъ мечомъ воюй.

БОГЪ ЖИВОЙ.

Богъ живой, пророкъ нелживый онъ,
Камень крѣпкій, терпѣливый онъ,
Онъ намъ лѣстница высокая,
Онъ звѣзда намъ златоокая,
Онъ кадило благовонное,
Съ тихимъ звономъ вознесенное,
Онъ намъ риза златотканная,
Сила сердца, Духомъ данная,
Церковь онъ нерукотворная,
Высота, отъ звѣздъ узорная,
Лучъ отъ Неба, кѣмъ ликуемъ мы,
Мечъ отъ Духа, кѣмъ воюемъ мы.

ГОЛОСЪ ОТТУДА.

«Я не одинъ, потому что Отецъ со Мною.»

Ев. отъ Іоанна, гл. 16; 32.

Былъ древле зовъ. Ему я внемлю.
Слеза слагается въ кристалъ.
Христосъ, дабы сойти на Землю,
Среди людей Евреемъ сталъ.
Я это вѣдаю, пріемлю,
Безъ этого я скудно-малъ.

Зачѣмъ лачугу Іудея
Онъ выбралъ на землѣ какъ домъ?
Тотъ возгласъ, въ сердцѣ тяготѣя,
Для сердца разрѣшенъ Христомъ.
Его святою кровью рдѣя,
Мы свѣтлымъ цвѣтомъ расцвѣтемъ.

Самозакланный, во спасенье
Всѣхъ, кто пріидетъ ко Христу,
Онъ на Землѣ Свое служенье
Вметнулъ какъ свѣточъ въ темноту,
Средь обреченныхъ на мученье,
Что вѣрны на своемъ посту.

Въ рѣшеньи выспреннемъ и строгомъ
Въ Египтѣ онъ ребенкомъ былъ,
И по Халдейскимъ Онъ дорогамъ
Свой путь — незнаемый — пробилъ,
И, Богъ, пришелъ въ Израиль Богомъ,
И Человѣка возлюбилъ.

Въ суровомъ царствѣ Іеговы
Возникъ воздушнѣйшій цвѣтокъ,
Разбиты древнія оковы,
Лилейно пѣнье кроткихъ строкъ,
Не тщетны въ мірѣ были зовы,
Здѣсь данъ рядамъ вѣковъ намекъ.

Кто скажетъ „Нѣтъ“, въ томъ хитрость змѣя,
Возжаждетъ поздно — молвить „Да“,
Пребудемъ — сердцемъ не скудѣя,
Мы — здѣсь, насъ призовутъ — туда,
Нѣсть Эллина, ни Іудея,
Есть Виѳлеемская звѣзда!

ЛАЗАРЬ.

Лазарь въ своихъ пеленахъ,
Страхъ въ изумленныхъ глазахъ.
Тайна дрожитъ тамъ, сквозя,
То, что̀ промолвить нельзя.

Будетъ онъ снова живымъ,
Тлѣнье исчезло какъ дымъ.
Только до смерти, въ зрачкахъ,
Будетъ за радостью — страхъ.

ВОИСТИНУ.

Пройдя чрезъ ужасъ тлѣнія,
Безмѣрность усыпленія,
Смущенные, сожженные,
Изъ Ада изведенные,
Еще понять безсильные
Свое освобожденіе,
Стоятъ могильно-пыльные,
Но чуютъ воскресеніе,
И словно шепчетъ лѣсъ: —
„Воистину воскресъ!“

СМЕРТНЫЯ ГУМНА.

Смертныя гумна убиты цѣпами.
Смилуйся, Господи жатвы, надъ нами.

Колосъ и колосъ, колосья безъ счета,
Жили мы, тѣшила насъ позолота.

Мы золотились отъ луга до луга.
Нивой шептались, касались другъ друга.

Пѣли, шуршали, взростали мы въ силѣ.
Лѣто прошло, и луга покосили.

Серпъ зазвенѣлъ, приходя за косою.
Словно здѣсь градъ пробѣжалъ полосою.

Пали безгласными — жившіе шумно.
Пали колосья на страшныя гумна.

Колосъ и колосъ связали снопами.
Взяли возами. И били цѣпами.

Вѣять придутъ. Замелькаетъ лопата.
Вѣрныя зерна сберутся богато.

Колосъ, себя сохранявшій упорно,
Будетъ отмѣченъ, какъ взвѣсившій зерна.

Колосъ, качавшій пустой головою,
Лишь какъ мякина послужитъ собою.

Зерна же вѣрныя, сгрудясь богато,
Будутъ сіять какъ отмѣнное злато.

Дай же, о, Боже, намъ жизни счастливой,
Быть намъ разливистой свѣтлою нивой.

Дай же намъ, Боже, поживъ многошумно,
Пасть золотыми на смертныя гумна.

ЧЕТЫРЕ УГЛА.

Четыре въ зданіи угла,
Четыре истины на свѣтѣ.
Быть въ красотѣ. Не дѣлать зла.
Любить весь міръ. И быть какъ дѣти.

Быть въ послушаньи красоты,
Самозаконной, самоцѣнной.
Любить какъ я любое ты,
Пронзать лучомъ свой сумракъ плѣнный.

Остерегайся сдѣлать зло.
Исправь, что̀ здѣсь исправить можно.
Алмазно-чистое стекло
Храни. И шествуй осторожно.

А если ты его разбилъ,
Припомни: — Въ страшной силѣ жара,
Всѣмъ напряженьемъ тайныхъ силъ,
Ты явишь новью то, что̀ старо.

БЛАГОВѢСТЪ.

Я всѣмъ пою мое благословеніе.
Нѣтъ никого, кто былъ бы мнѣ врагомъ.
Я былъ въ Огнѣ. Но въ кузницѣ мгновенія
Я претворилъ металла тяжкій комъ.

Онъ темнымъ былъ. Я далъ ему пыланіе.
Его вметнулъ я въ огненную печь.
Былъ звонъ и дымъ. И диво-изваяніе
Я молотомъ съумѣлъ изъ тьмы извлечь.

И вотъ иду. Я разлученъ съ горнилами.
Я съ каждымъ здѣсь. Отъ всѣхъ я ухожу.
Всѣ существа мнѣ стали близко-милыми.
Я показалъ имъ свѣтлую межу.

ОГНЕДЫМЫ.

Былъ въ огнедымахъ я, былъ въ водоверти я,
Пересозданія пытку прошелъ.
И возвѣщаю вамъ радость безсмертія,
Бѣденъ и счастливъ на зыбяхъ всѣхъ золъ.

Голъ, и одѣтъ солнцебыстрыми крыльями,
Гордая птица, смиренно живу.
Не утомлюсь никакими усильями,
Лишь бы мнѣ снилось опять наяву.

Вижу Египетъ я. Тайну загробную.
Взмахами крыльевъ я дымку пряду,
Свѣтлую, жаркую, солнцеподобную.
Въ сердцѣ незримую слышу звѣзду.

Помню, какъ вольный запутался въ сѣти я.
Въ храмѣ я. Богъ я. Мѣняется сонъ.
Дымныя таютъ, какъ горы, столѣтія.
Тысячелѣтія. Я Фараонъ.

Рядомъ со мною, — что мною возлюблена,
Втянута Солнцемъ въ блестящій узоръ,
Мною отмѣчена, мною погублена,
Вѣстница Солнца, земная Гаторъ.

Таютъ туманами тысячелѣтія.
Солнце и странамъ велитъ засыпать.
Чиселъ сплетеніе въ пламенной смѣтѣ я.
Вѣтеръ, а завтра я водная гладь.

Я мое — все мое, свитки свершенностей.
Огненный судъ, чтобъ провѣрить любовь.
Вѣрить и въ царство ввести многозвонностей.
Пѣснь моя, свѣтлый конецъ приготовь!

Я ЗНАЮ.

Песчинки дождя золотого, который излился однажды,
Пылинки великаго смерча, что взвихрилъ грозу бытія,
Высокія царскія звѣзды, источникъ негаснущей жажды,
Сквозь пламень и дымъ мірозданій идетъ къ вамъ молитва моя.

Когда-то, когда еще цѣльнымъ дрожало, горя, ожерелье,
Я былъ въ немъ какъ утренній жемчугъ, и былъ въ немъ какъ лунный опалъ.
Теперь я въ земномъ изумрудѣ. Но будетъ опять новоселье.
Я знаю. Я звѣздною цѣпью свой разумъ съ Безбрежнымъ сковалъ.

ПСАЛОМЪ ЗВѢЗДЫ.

Звѣзда звѣздѣ всегда поетъ псаломъ,
На небесахъ не молкнетъ Литургія.
И не однимъ тотъ скрѣпленъ гимнъ узломъ,
Чуть замолчитъ звѣзда, горятъ другія.

Напѣвный гроздъ ты различишь и днемъ,
Лишь опустись — не въ пропасти морскія —
Въ колодецъ темный, въ тотъ подземный домъ,
Гдѣ жажды утоляются людскія.

Отъ вышины, доступной для очей,
До глубины, куда рука людская
Вонзаетъ заступъ, духъ свой продвигая, —

Въ глушащій день, и въ гулкой мглѣ ночей,
Внимай псалмамъ, сплетеннымъ изъ лучей,
Въ душѣ души звѣзду оберегая.

ПЯТЬ ЗВѢЗДЪ.

Я предавался чувствамъ въ ихъ игрѣ,
Я знаю пятеричность увлеченья.
Заря въ Іюнѣ свѣтится зарѣ,
Рѣка съ рѣкою рада слить теченье.

Пять нашихъ чувствъ есть путь предназначенья.
И древній листъ, застывшій въ янтарѣ,
Есть тайный знакъ высокаго ученья,
Какъ быть безсмертнымъ въ жизненной порѣ.

Всей ощупью своей онъ жилъ на древѣ,
Дышалъ, свѣтилъ для близкаго листа,
Впивалъ росу, и съ вѣтромъ былъ въ напѣвѣ.

Ниспалъ въ смолу. Застылъ какъ красота.
Другой намъ вѣщій знакъ — отъ Духа къ Дѣвѣ: —
Пять звѣздъ блестящихъ Южнаго Креста.

ЮЖНЫЙ КРЕСТЪ.

Пять звѣздъ блестящихъ Южнаго Креста
Горитъ надъ зыбью вторящаго гула.
Семь звѣздъ полярныхъ, нашихъ льдовъ мечта,
За краемъ Океана потонуло.

Проворный хищникъ, зоркая акула
Плыветъ, въ ея утробѣ пустота.
Ладья Луны полнеба обогнула,
И метеоровъ брызжетъ суета.

Откуда Крестъ во взвихренной мятели
Планетъ и лунъ и этихъ вышнихъ льдинъ?
Пять алыхъ капель въ крайній часъ зардѣли, —

Когда въ прозрѣньи сновъ былъ распятъ Сынъ,
И, оснѣжась, онѣ похолодѣли.
И Южный Крестъ на небѣ — властелинъ.

БѢЛЫЙ ПУТЬ.

Уходитъ Солнце съ Запада къ Востоку,
Черезъ двѣнадцать Солнечныхъ Домовъ.
Вѣрь зримому, хоть мнимому, намеку,
Вѣрь золотой и высшей изъ Основъ.

Двѣнадцать звѣздосолнечныхъ чертоговъ,
Чрезъ Южный Крестъ, туда, гдѣ Скорпіонъ,
Двѣнадцать озвѣздившихся пороговъ,
И Арго держитъ путь на Оріонъ.

На Арго рѣетъ вѣеромъ сіянье, —
И угольная дышетъ чернота,
Вознесшая высокій знакъ Страданья,
Какъ Змій подъ стягомъ Южнаго Креста.

СТРАДА.

Не страданье, а страда,
Снопъ сверканія — звѣзда,
Травъ небесныхъ крѣпкій стогъ,
Духомъ созданный чертогъ.

Дремлютъ въ яркихъ снахъ Косцы,
Духъ и тѣло — Близнецы,
И стрѣла - алмазъ Стрѣльца
Въ безднахъ мчится безъ конца.

Воронъ, Волкъ, Драконъ, и Левъ
Взяты въ огненный напѣвъ,
Бѣгъ ихъ — пламенный псаломъ,
Яркій узелъ за узломъ.

Въ звѣздномъ Тамъ все наше Здѣсь,
Съ Небомъ умъ уравновѣсь,
И свершай, какъ ликъ Звѣзды,
Геркулесовы труды.

Кругъ свершеній очертивъ,
Смѣло кинешься за срывъ,
И тебя, сверкнувъ, возьметъ
Огневой водоворотъ.

СКАЗЪ О КАМНЯХЪ.

Кто алмазы расцвѣтилъ?
Кто цвѣты далъ? — Звѣздный Геній,
Въ часъ рожденія свѣтилъ,
Горсть сверканій ухватилъ,
И обжегся отъ горѣній,
Отъ живыхъ воспламененій,
Исходившихъ изъ горнилъ.
Онъ обжегся, усмѣхнулся,
Все-жь, сверкая, содрогнулся,
Пламень взятый уронилъ.
Капли пламени летѣли,
Охлаждаясь въ темнотѣ,
Все-жь храня въ небесномъ тѣлѣ,
Въ маломъ тѣлѣ, въ круглотѣ,
Взрывъ, и дрожь, и зовъ къ мечтѣ,
Брызги радугъ — Красотѣ.

Изъ горячихъ водоемовъ
Закипающихъ свѣтилъ,
Звѣздный Геній, въ гулѣ громовъ,
Въ блескѣ молній и кадилъ,
Много чувствъ поработилъ,
Въ тѣло вольными вмѣстилъ,
И замкнувъ ихъ въ разномъ тѣлѣ,
Повелѣлъ, чтобъ вспѣвно рдѣли,
Чтобы пѣли пѣснь побѣдъ,
А въ иныхъ, какъ въ колыбели,

Чтобъ дремотный грезилъ свѣтъ,
Словно ночью отъ планетъ.
И чтобъ ярче было чудо,
Въ ямы горной тѣсноты
Бросилъ стебли и цвѣты,
Вспыхнулъ пламень изумруда,
И тая огней раскатъ,
Былъ рубинъ и жилъ гранатъ.
Камни чувство задержали,
Цѣлы разныя скрижали,
Какъ различенъ цвѣтъ лица.
Лунный холодъ есть въ опалѣ,
И кровавятся сердца
Въ сердоликѣ безъ конца.

И чтобъ искристаго пира
Былъ въ мірахъ протяжнѣй гулъ,
Звѣздный Геній, съ кровли міра,
Синей влаги зачерпнулъ, —
Капли нѣжнаго сапфира,
Голубѣя, полились
Съ Моря сверху — въ Море внизъ, —
Камни были тамъ слѣпые,
Камни стали голубые,
Синью молніи зажглись,
Мчась высокою твердыней,
И въ очахъ агатъ зрачковъ
Окружился сказкой — синей,
Словно Небо надъ пустыней,
Или вспышки васильковъ.

Звѣздный Геній, съ грезой друженъ,
Возжелавъ свою печать
Въ нашей жизни отмѣчать,
Бросилъ намъ еще жемчужинъ,
Уронилъ онъ капли слезъ,
Вѣтеръ съ Неба ихъ донесъ.

Но съ волной морей гуторя,
Духъ свой къ Морю наклоня,
Уронилъ онъ въ бездну Моря
Слезы вышняго огня.
Бездна встала съ кликомъ гула,
Былъ тотъ рокотъ говорливъ,
Бездна жадная сверкнула,
Сонмы раковинъ раскрывъ.
И отпрянула къ хоромамъ
Темнымъ, внизъ, какъ отъ врага,
Закрывая синимъ громомъ
Неземные жемчуга.

Тамъ и будетъ эта ясность,
Та нѣмая полногласность
Слезъ, упавшихъ съ высоты, —
Чтобы тѣшила опасность,
Тѣхъ, кто жаждетъ Красоты.
И земнымъ бросаться нужно
Въ пропасть Моря съ береговъ,
Чтобъ сверкнула имъ содружно
Нитка круглыхъ жемчуговъ.

МЕСТЬ СОЛНЦА.

Египетское Сказаніе.

Нѣкогда солнечный Ра,
Изъ золотого чертога,
Праведно правилъ людьми.

Но остудилась игра
Крови горячаго бога, —
Это сказанье пойми.

Въ летѣ стихаетъ перо,
Море синѣетъ въ покоѣ,
Ра утомился отъ бурь.

Кости его — серебро,
Тѣло его — золотое,
Волосы — камень лазурь.

Люди узнали про то,
Люди его поносили,
Въ мысляхъ погасла свѣча.

Только не вѣдалъ никто,
Какъ и въ притихнувшей силѣ
Хватка огней горяча.

Ра созываетъ боговъ,
Къ богу воззвалъ Океана,
Въ безднѣ откликнулся Нунъ.

Старшій, основа основъ,
Зналъ онъ, какъ утро румяно,
Ра въ Океанѣ былъ юнъ.

Солнце, когда-то дитя,
Въ Нунѣ качалось туманномъ,
Солнце возникло изъ водъ.

Море, волной шелестя,
Гуломъ гудя необманнымъ,
Слышитъ, коль кто позоветъ.

„Старшій, Владыка морей,
Боги, окружные нынѣ,
Вотъ моя жалоба къ вамъ.

„Люди суть слезы очей,
Люди — песчинки пустыни,
Люди — прибавка къ мірамъ.

„Создалъ ихъ окомъ моимъ,
Люди на Солнце возстали,
Что же мнѣ сдѣлать съ людьми?“

Нунъ, онъ всегда нелюдимъ,
Въ пѣнной воскликнулъ печали: —
„Солнце, совѣтъ мой прими!

„Сынъ мой, ты выше Отца,
Жаркій пребудь на престолѣ,
Людямъ же око пошли!“

Сдѣлалось! Зной — безъ конца.
Люди отъ жара и боли
Вьются какъ черви въ пыли.

Изъ городовъ, деревень,
Люди бѣжали въ пустыни,
Око догонитъ вездѣ.

Гдѣ хоть малѣйшая тѣнь?
Зной не смягчается нынѣ
И при Вечерней звѣздѣ.

Око, покинувши Ра,
Стало горячей богиней,
Стало красивой Гаторъ.

Ждать ли сожженнымъ добра,
Тронутымъ молніей синей,
Знающимъ пламенный взоръ?

Чувствуетъ Ра въ полумглѣ,
Солнцу Гаторъ — благовѣстье,
Око вернулось назадъ.

„Я — Красота на Землѣ,
Огненный судъ для безчестья,
Я — сожигающій взглядъ!"

Солнце увидѣло месть,
Цѣлый Египетъ — какъ жатва,
Люди кругомъ сожжены.

Жертвъ обгорѣвшихъ не счесть.
Мыслитъ: „Да кончится клятва,
Жатва красивой жены!"

Пьянственный сокъ ячменя
Выжать велѣлъ изобильно,
Въ сокъ тотъ прибавить гранатъ.

Къ утру горячаго дня,
Всюду, гдѣ было такъ пыльно,
Красный забилъ водопадъ.

Всюду, — на видъ, — на поляхъ
Кровь на четыре сажени,
Новый Египту уборъ.

Съ жаждой въ зажженныхъ очахъ,
Въ жаждѣ живыхъ наслажденій
Пьетъ и пьянѣетъ Гаторъ.

Такъ напилась красота
Этого призрака крови,
Что позабыла людей.

Спитъ. И свѣтла высота.
Въ сердцѣ есть дали и нови.
Въ мірѣ есть свѣжесть дождей.

Все же ушелъ отъ Земли,
И навсегда — въ отдаленьи,
Жгущій и грѣющій Ра.

Повѣсти Солнца внемли.
Солнцу молись въ пѣснопѣньи.
Помни, что̀ было вчера.

СТРОИТЕЛЬ.

... Но будетъ часъ, и свѣтлый Зодчій,
Раскрывъ любовь,
Мое чело рукою отчей
Подниметъ вновь.
Ю. Балтрушайтисъ.

I.

Атлантида потонула,
Тайна спрятала концы.
Только рыбы въ часъ разгула
Заплывутъ въ ея дворцы.

Проплываютъ изумленно
Въ залахъ призрачныхъ палатъ.
Рыбій шабашъ водятъ сонно,
И спѣшатъ къ себѣ назадъ.

Лишь свѣтящееся чудо,
Рыба черный солнцестрѣлъ,
Отъ сестеръ своихъ оттуда
Въ вышній ринется предѣлъ.

Это странное созданье
Хочетъ съ дна морей донесть
Сокровенное преданье,
Объ Атлантахъ спящихъ вѣсть.

Но, какъ только въ зыби внидетъ,
Въ чудѣ — чуда больше нѣтъ,
Чуть верховный міръ увидитъ,
Гаснетъ водный самоцвѣтъ.

Выплываетъ диво-рыба,
Въ ней мертвѣетъ бирюза,
Тѣло — страннаго изгиба,
Тусклы мертвые глаза.

И когда такое чудо
Въ Морѣ выловитъ рыбакъ,
Онъ въ рукѣ горѣнье зуда
Будетъ знать какъ вѣщій знакъ.

И до смерти будетъ сказку
Малымъ дѣтямъ возвѣщать,
Чтобы вѣдали опаску,
Видя красную печать.

Дѣтямъ — смѣхъ, ему — обида.
Такъ въ сто лѣтъ бываетъ разъ.
Ибо хочетъ Атлантида
Быть сокрытою отъ насъ.

2.

Я долго строилъ башню Вавилона.
Воздвигъ ее, какъ бы маякъ морской.
Одинъ, въ ночахъ, по свиткамъ Небосклона,
Прочелъ строку за свѣтлою строкой.

Мнѣ Зодіакъ явилъ сплетенье смысла,
Что скрытъ отъ спящихъ, тамъ внизу, людей.
Алмазныя внеся въ таблицы числа,
Я магомъ былъ, звѣзда межъ звѣздъ, Халдей.

Упился тайной, властвуя царями,
Народы на народы посылалъ.
И были царства мнѣ въ ночахъ кострами,
И выпилъ я пурпуровый фіалъ.

Когда же царь одинъ хотѣлъ быть выше,
Чѣмъ я, кѣмъ всѣ держалися цари
Почаровалъ съ высотъ я въ лунной нишѣ,
И царь надменный умеръ до зари.

Другой же, не понявъ, что перемѣна
Властей — въ умѣ того, кто звѣздочетъ,
Возмнилъ себя скотомъ, и ѣлъ онъ сѣно,
А я смотрѣлъ, какъ Млечный Путь течетъ.

Но вотъ, но вотъ, хоть всѣхъ я былъ сильнѣе,
И тайну тайнъ качалъ въ моихъ ночахъ,
Не полюбила вѣщаго Халдея
Истаръ Земли съ Вселенною въ очахъ.

И какъ горитъ блестящая Денница
Не Солнцу, а себѣ или Лунѣ,
Какъ къ бѣлой птицѣ бѣлая льнетъ птица,
Лишь трупъ ея былъ чарой преданъ мнѣ.

Подъ Мѣсяцемъ ущербно-наклоненнымъ,
И заострившимъ въ смертный бой рога,
Съ отчаяньемъ, съ восторгомъ изступленнымъ,
Я внялъ, что Вѣчность бьется въ берега.

Но я-то былъ бездонный и безбрежный,
Лишь Я ночное было мой законъ, —
И я ласкалъ тотъ трупъ нѣмой и нѣжный,
И, взявъ свое, я проклялъ Вавилонъ.

Я произвелъ смѣшеніе языковъ,
Людей внизу въ звѣрей я превратилъ,
И пала башня въ слитномъ гулѣ кликовъ,
И падалъ въ вышнемъ Небѣ дождь свѣтилъ.

Мой Вавилонъ, съ висячими садами,
Мой Вавилонъ, въ вѣнцѣ блестящихъ звѣздъ,
Несытый, хоть пресыщенный, страстями, —
Ты палъ, — рѣка бѣжитъ, — но сорванъ мостъ.

3.

Я красивѣе проснулся, выйдя снова изъ могилъ,
По желанью Озириса, тамъ, гдѣ свѣжій дышетъ Нилъ.
Я въ веселыя охоты устремилъ свой юный духъ,
Мнѣ служили бегемоты, чада творческихъ Старухъ.

Полюбивъ, какъ бога, Солнце, жизнь принявъ, какъ все — мое,
Я металъ въ вождей враждебныхъ мѣткострѣльное копье.
И отъ Сѣвера до Юга, отъ морей до жаркихъ странъ,
Улыбалась мнѣ подруга, изгибая стройный станъ.

Строя пышныя гробницы, такъ я пляску полюбилъ,
Что и въ смерти мнѣ плясуньи говорятъ о пляскѣ силъ.
Отъ земного скарабея я узналъ, какъ строить домъ,
Я отъ сокола развѣдалъ, мнѣ идти какимъ путемъ.

Я искусству жаркой схватки научился у быка,
И въ любви ли, или въ битвѣ, жизнь казалась мнѣ легка.
И предъ тѣмъ какъ снизойду я вмѣстѣ съ милой въ вѣрный гробъ,
Я помчусь за быстрымъ стадомъ легконогихъ антилопъ.

Такъ сказалъ я, — такъ и сдѣлалъ. Вѣренъ въ словѣ Фараонъ.
Сыну Солнца свѣтитъ Солнце. Тотъ, кто любитъ, счастливъ онъ.

Чары мумій служатъ міру. Смерть — до Жизни свѣтъ стремитъ.
Въ вѣщей думѣ спитъ Пустыня. Вѣсть идетъ отъ Пирамидъ.

4.

Ибисъ вѣрный улетѣлъ къ истокамъ рѣкъ,
Измѣненъ пожаромъ мыслей человѣкъ,
Но повсюду, гдѣ онъ бродитъ безъ конца,
Въ самой смерти сынъ находитъ ликъ Отца.

И смиренный, съ умиленіемъ припавъ
Къ чернымъ глыбамъ, что даютъ намъ зелень травъ,
Ты услышишь — слышьте, братья, мой завѣтъ, —
Всѣ услышатъ вѣсть Земли, что Смерти нѣтъ.

Лишь любите, полюбите сказку дня,
Полюбите, хоть случайность, хоть меня,
Въ глуби глянувъ, я вамъ правду говорю,
Ночь всегда ведетъ румяную зарю.

До Египта наши ласточки летятъ,
А весной опять ихъ встрѣтитъ ждущій взглядъ,
Наши жизни это игры въ честь Творца,
Сыну Солнца свѣтитъ Солнце безъ конца.

СРЕДЬ ЛИКОВЪ.

Средь ликовъ тѣхъ, чьи имена, какъ звѣзды,
Горятъ вѣкамъ и милліонамъ глазъ,
И чей огонь еще въ тысячелѣтьяхъ
Не перестанетъ радугу являть,
А можетъ быть зажжется новымъ небомъ,
Иль будетъ жить какъ пѣснь, какъ всплескъ волны,
Я полюбилъ, уже давно, два лика,
Что кажутся всѣхъ совершеннѣй мнѣ.

Одинъ — спокойный, мудрый, просвѣтленный,
Со взглядомъ, устремленнымъ внутрь души,
Провидецъ, но съ закрытыми глазами,
Или полузакрытыми, какъ цвѣтъ
Тѣхъ лотосовъ, что утромъ были пышны,
Но, чуя свѣжесть, сжались въ красотѣ,
И лотосовъ иныхъ еще, что только
Въ дремотной грезѣ видятъ свой расцвѣтъ.

Царевичъ, отказавшійся отъ царства,
И возлюбившій нищенскій удѣлъ,
Любимый, разлучившійся съ женою,
Бѣжавшій изъ родной семьи своей,
Прошедшій всѣ вершины созерцанья,
И знавшій истязанія всѣхъ мукъ,
Но наконецъ достигшій лѣтъ преклонныхъ,
Какъ мощный дубъ среди лѣсныхъ пустынь.

Спокойствію онъ учитъ и умѣнью,
Сковавъ себя, не чувствовать цѣпей,
Поработивъ безумящія страсти
Смотрѣть на міръ какъ на видѣнья сна,
Въ величіи безгласнаго затона
Молчать и быть въ безвѣтріи души,
Онъ былъ красивъ, и въ часъ его кончины
Цвѣточный дождь низлился на него.

Другой — своей недовершенной жизнью —
Взрываетъ въ сердцѣ скрытые ключи,
Звенящій стонъ любви и состраданья,
Любви, но не спокойной, а какъ крикъ,
Въ ночи ведущій къ зареву пожара,
Велящій быть въ борьбѣ и бить въ набатъ,
И боль любить, ее благословляя,
Гвоздями прибивать себя къ кресту.

Но только-что предсталъ онъ какъ распятый,
Онъ вдругъ проходитъ съ малыми дѣтьми,
И съ ними шутитъ, птица въ стаѣ птичекъ,
И онъ сидитъ пируя на пиру,
Въ хмѣльной напитокъ воду превращаетъ,
Блудницѣ отпустилъ ея грѣхи,
Разбойнику сказалъ: „Ты будешь въ Царствѣ“,
И насъ ведетъ какъ духовъ по водѣ.

Угадчивый, смутительно-утайный,
Который, говоря, не говоритъ,
А только намекаетъ, обѣщая,
Узывчивый, какъ дальняя свирѣль,
Его покинешь, вдругъ онъ вновь съ тобою,
И вѣришь, и опять идешь за нимъ,
И вдругъ умѣетъ онъ промолвить слово,
Что хочешь ты услышать въ крайній мигъ.

Но тотъ другой, безгласнымъ чарованьемъ,
Не меркнетъ онъ, свѣтясь въ своихъ вѣкахъ,
Бросая бѣлый свѣтъ, поетъ безмолвно,
Глядитъ въ себя, весь отрицая міръ,
И подойдя къ такому изваянью,
Глядишь въ себя и видишь въ первый разъ,
Что міръ не міръ, а только привидѣнье,
А ты есть міръ, и вѣрно все въ тебѣ.

Къ тому я приближаюсь и къ другому,
И отъ обоихъ молча ухожу
Свѣтлѣй себя, сильнѣе, и красивѣй,
Но слышу — жажду я не погасилъ.
И сильнымъ, что смиренье возлюбили,
Слагаю я безхитростную пѣснь,
Не облекая чувство въ звонъ созвучій,
Не замыкая стихъ свой остріемъ.

Я говорю: И красота покоя,
И чары отреченья чужды мнѣ,
Я знаю ихъ въ моей размѣрной долѣ,
Но чувствую, что третій есть исходъ,
И въ немъ я какъ пчела въ цвѣткѣ и въ ульѣ,
И въ немъ я птица въ летѣ и въ гнѣздѣ,
И въ немъ я стебель пьющій и дающій,
И Солнце мой учитель въ небесахъ.

Я выхожу весною ранней въ поле,
И онъ со мной, помощникъ вѣрный, конь,
И я, соху ведя, пронзаю глыбы,
А жаворонокъ сверху мнѣ поетъ.
О, вейся, вейся, жаворонокъ выше,
И пой псалмы звучнѣе, чѣмъ въ церквахъ,
И свей изъ тонкихъ травокъ для подруги
И для птенцовъ завѣтное гнѣздо.

Я слушаю тебя, крылатый вѣстникъ,
Благословляю каждый мигъ земли —
Такъ съ Богомъ говоритъ вся эта бѣдность,
Такъ въ каждомъ мигѣ чувствую я смыслъ,
Что съ жаворонкомъ мнѣ не нужно мира,
И съ пашнею не нужно мнѣ креста, —
Всѣмъ, что во мнѣ, служу обѣдню Солнцу,
И отойду, когда оно велитъ.

КАМЕНЬ ЧЕТЫРЕХЪ ГРАНЕЙ.

Агни — въ рѣчи моей, Вайю — въ духѣ моемъ,
Солнце—въ окѣ моемъ, въ мысляхъ сердца—Луна.
Браманское Слово.

I.

Я — точка. Больше въ безднахъ мнѣ не нужно.
Два атома скрѣпляются въ одно.
И милліонъ. И въ смѣнѣ зорь, жемчужно,
Жужжитъ, поетъ, журчитъ веретено.

Я — нить. Рѣсничка. Та черта дрожанья,
Чей первый танецъ влагу закрутилъ.
И вотъ глядитъ. Какъ глазъ. Міровъ стяжанье.
Звѣрей и птицъ, героевъ и свѣтилъ.

Я — остріе. Пронзается имъ чувство
Любого, кто приблизится ко мнѣ.
На высяхъ самоцѣннаго Искусства
Я духъ зову качнуться къ вышинѣ.

Я — искра. Я горю одно мгновенье.
Но мной, въ завѣтномъ трутѣ, подожженъ
Такой костеръ, что океанъ Забвенья
Не затемнитъ мой звѣздный Небосклонъ.

2.

„Я — Земля, Земля!“
Мой звучитъ напѣвъ.
„Ты — Вода, Вода!“
Говорю, вскипѣвъ.

„Я — луга, поля,
„Въ глыбѣ скрытый сѣвъ.
„Ты — рудникъ, звѣзда,
„Образъ женъ и дѣвъ!“

3.

Эта пѣсня — пѣснь священная,
Но поймутъ ее немногіе.
Помнишь, вольная и плѣнная,
Наши луны круторогія?

Грудь твоя была лишь очеркомъ,
Не достигшимъ полногроздности,
Лишь рисункомъ, дѣтскимъ почеркомъ,
Съ нею взоръ мой былъ въ созвѣздности.

Ты волнами златокудрыми
Скрыла зори, въ нѣжной шалости.
Намъ рѣка словами мудрыми
Навѣвала кротость жалости.

Лепетала: „Утоплю ли я!“
Ворковала: „Забаюкаю!“
О, Елена! Ева! Юлія!
Всклики съ звѣздною наукою!

Еще ранѣе, какъ гротами
Мы утѣшились, счастливые,
За слоновыми охотами
Рисовалъ быковъ и нивы я.

Мы играми обелисками,
Заслонялись пирамидами,
И въ боговъ бросая дисками,
Съ ними мѣрялись обидами.

Мы для нищенства грядущаго
Трою гордую встревожили,
И былое, въ силу сущаго,
Жгли, и трижды сонъ умножили.

Вотъ, летятъ тысячелѣтія,
Четверня неукротимая,
И сіяю въ лунномъ свѣтѣ я,
И гляжу съ тобой изъ дыма я.

Мы другъ другомъ зажигаемся,
То веселыми, то грозными,
Вмѣстѣ въ пропасть мы свергаемся,
Если Рокъ велѣлъ быть розными.

И пространства черноземныя
Превративъ съ тобою въ житницы,
Мы вглядѣлись въ ночи темныя,
Въ домъ Сибиллы, вѣщей скрытницы.

Возлюбивъ свѣтила дальнія,
Стали тихи, стали кротки мы,
Жизнь блеснула намъ печальнѣе,
Взяли посохи и четки мы.

Плащъ надѣвъ, съ Крестомъ какъ знаменемъ,
Я пошелъ на бой съ невѣрными,
Ты жь осталась — тихимъ пламенемъ
Быть надъ днями равномѣрными.

И на всѣ четыре стороны,
Въ даль, гдѣ свѣтитъ греза жгучая,
Вѣкъ летятъ на битву вороны,
Ткется сказка, сердце мучая.

4.

Пламя — въ рѣчи моей,
Вихри — въ духѣ моемъ.
Ты — рудникъ. Ты мнѣ — злато и цѣпь.

Солнце — вѣстникъ всѣхъ дней,
Лунной грезой живемъ.
Полетимъ, полетимъ черезъ степь!

БѢЛЫЙ ЗОДЧІЙ.

Когда великій Зодчій міра
Скрѣпилъ размѣченность орбитъ,
И въ дымахъ огненнаго пира
Былъ водопадъ планетъ излитъ, —

Когда сторожевыя луны
Поставилъ онъ въ слѣпыхъ ночахъ,
И звѣзды, взятыя въ буруны,
Остановилъ, въ нихъ вдунувъ страхъ, —

Была въ свѣченьяхъ восхищенья
Его высокая душа,
Узрѣвъ, что эта пѣснь творенья
Въ огнистыхъ свиткахъ хороша.

Но такъ былъ дологъ часъ созданья,
Что пламень сердца въ немъ застылъ,
И снѣгомъ сталъ полетъ пыланья,
Какъ иней сталъ созвѣздный пылъ.

Тотъ снѣжный мигъ навѣкъ намъ явленъ
Въ выси, гдѣ спитъ восторгъ и жуть.
Онъ будетъ нѣкогда расплавленъ,
Какъ двигнетъ Богъ всѣ звѣзды въ путь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗЛАТЫЯ ВЕДРА

стр.

ЖУЖЖАНЬЕ СТРУНЪ

стр.

стр

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО

стр.

ЮЖНЫЙ КРЕСТЪ.

КАТАЛОГЪ

издательства

„СИРИНЪ“

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

Въ 20 томахъ, съ портретомъ автора и указателями.

Содержаніе томовъ:

Томъ 1.	ЛАЗУРНЫЯ ГОРЫ. Стихи. 2-е изд.	1 р. 50 к.
Томъ 2.	ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Романъ. 5-е изд.	1 р. 75 к.
Томъ 3.	ЗЕМНЫЯ ДѢТИ. Разсказы. 2-е изд.	1 р. 25 к.
Томъ 4.	НЕДОБРАЯ ГОСПОЖА. Разсказы	1 р. 25 к.
Томъ 5.	ВОСХОЖДЕНІЯ. Стихи. 2-е изд.	1 р. 50 к.
Томъ 6.	МЕЛКІЙ БѢСЪ. Романъ. 7-е изд.	2 р. — к.
Томъ 7.	ДНИ ПЕЧАЛИ. Разсказы.	1 р. 25 к.
Томъ 8.	ПЯТЬ ДРАМЪ	1 р. 50 к.
Томъ 9.	ЗМѢИНЫЯ ОЧИ. Стихи.	1 р. 50 к.
Томъ 10.	ЗАКЛЯТІЕ СТѢНЪ. Сказочки и статьи.	1 р. 50 к.
Томъ 11.	КНИГА ПРЕВРАЩЕНІЙ. Разсказы.	1 р. 25 к.
Томъ 12.	КНИГА СТРЕМЛЕНІЙ. Разсказы.	1 р. 25 к.
Томъ 13.	ЖЕМЧУЖНЫЯ СВѢТИЛА. Стихи.	1 р. 50 к.
Томъ 14.	НЕУТОЛИМОЕ. Разсказы.	1 р. 50 к.
Томъ 15.	СЛАЩЕ ЯДА. Романъ. Кн. 1.	1 р. 75 к.
Томъ 16.	СЛАЩЕ ЯДА. Романъ. Кн. 2.	1 р. 75 к.
Томъ 17.	ОЧАРОВАНІЯ ЗЕМЛИ. Стихи	1 р. 50 к.
Томъ 18.	ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. Романъ. Кн. 1	1 р. 75 к.
Томъ 19.	ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. Романъ. Кн. 2	2 р. — к.
Томъ 20.	ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. Романъ. Кн. 3. (Печатается).	

ТОМЪ 9. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 10. Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Первая часть. (3-е изд.).
ТОМЪ 11. Огненный ангелъ. Вторая часть. (3-е изданіе).
ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI.
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книга III—IV. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 356 + VI.
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изд.). 1914 г.
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Часть I. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Далекіе и близкіе. Часть II. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія. (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли. (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики. (2-е изданіе, дополненное, съ 15-ю портретами). Спб. 1914 г. Стр. 296 + XVII.
ТОМЪ 22. Поль Вэрленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхаренъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ. (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 руб. Допускается разсрочка платежа; при подпискѣ вносится 3 рубля и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой книги высылаются налож. платежемъ, пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ", СПБ., Пушкинская, 10.

СБОРНИКИ СИРИНЪ.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Ѳедоръ Сологубъ. „Очарованія земли", тріолеты.
Андрей Бѣлый. „Петербургъ", романъ, гл. I—II.
Александръ Блокъ. „Роза и Крестъ", драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.
Алексѣй Ремизовъ. „Цѣпь златая".

Стр. 264 + XXVIII. 1913 г. Цѣна 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.

Валерій Брюсовъ. Изъ книги „Сны человѣчества", стихотворенія.
Андрей Бѣлый. „Петербургъ", романъ, гл. III, IV, V.
Вл. Пястъ. „Поэма въ нонахъ".

Стр. 263 + XLIV. 1914 г. Цѣна 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ.

Зин. Гиппіусъ. „Молчанія", стихи.
Вячеславъ Ивановъ. „Три стихотворенія".
Вяч. Ивановъ.—Вал. Брюсовъ „Carmina amoebaea".
Александръ Блокъ. „Сѣдое утро", стихи.
Андрей Бѣлый. „Петербургъ", романъ, окончаніе.
Ѳедоръ Сологубъ. „Барышня Лиза", повѣсть.
Алексѣй Ремизовъ. „Кузовокъ".—Вещь темная.

Стр. 409 + LXVIII. 1914 г. Цѣна 2 р.

К. БАЛЬМОНТЪ

БѢЛЫЙ ЗОДЧІЙ.

СТИХИ

въ двухъ изданіяхъ

in 8° бумага верже, цѣна 2 р.
in 4° китайская бумага, цѣна 5 р.
(Ограниченное число номерованныхъ экземпляровъ).

Изданіе „СИРИНЪ“.